

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

2. 2019 МАРТ–АПРЕЛЬ

«ЛИНИЯ СЕРДЦА И ЛИНИЯ РОДИНЫ...»

4 февраля исполнилось 80 лет со дня рождения одного из видных представителей адыгской русскоязычной литературы Эльберда Тимборовича Мальбахова (М. Эльберд).

Писатель, журналист, переводчик, он родился в 1939 году в Грозном. В 1961 году окончил факультет журналистики Московского государственного университета. По возвращении на родину в 1961–1969 гг. работал корреспондентом газеты «Кабардино-Балкарская правда»; с 1969 по 1979 г. – собкором агентства ТАСС, с 1979-го по 1984 год – собкором газеты «Известия» по Омской области.

С 1990 года Э. Мальбахов был литературным консультантом Кабардино-Балкарской писательской организации. В 1991 году он стал первым главным редактором русскоязычного журнала «Литературная Кабардино-Балкария», где трудился до выхода на пенсию в 2000 году. Эльберд Тимборович сумел сделать это периодическое издание популярным в среде многонациональной интеллигенции нашей республики.

Эльберду принадлежат переводы второй книги романа Х. Теунова «Подари красоту души», третьей книги тетралогии А. Шортанова «Горцы», повести Х. Хавпачева «Дорога», романа А. Тепеева «Мост Сират». Большая дружба связывала Эльберда с балкарским писателем Эльдаром Гуртуевым. В его переводе на русский язык вышел сборник рассказов и повестей Э. Гуртуева «Похвала добродетели».

Очерки, статьи и эссе Эльберд посвятил А. Кешокову, К. Кулиеву, К. Отарову, А. Шогенцукову, И. Боташеву, З. Тхагазитову, Т. Зумакуловой, А. Шортанову и другим собратьям по перу.

Эльберд Тимборович был награждён медалью «За доблестный труд» (1970), Почётной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР (1989). В 2000 году ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры КБР».

Кайсын Кулиев, народный поэт КБАССР:

О долгом и трудном пути родного народа, полном драматизма, бедствий и надежд, написан первый роман Эльберда Мальбахова «Страшен путь на Ошхамахо».

Прямо скажем, молодой писатель-кабардинец, пишущий на русском языке, отважился на трудное и сложное дело – рассказать о временах далеких, изобразить людей, живших и делавших свое дело несколько веков назад.

Мне думается, никто не может оспаривать права писателей на исторические темы, тем более авторов рукописных литератур, ибо наши народы в прошлом не имели письменности и не смогли изобразить жизнь тружеников и героев отдаленных эпох в романах, повестях, рассказах. Автору удалось вылепить живые образы наших предков, живших столетия назад, он сумел ощутить воздух того далекого от нас времени. А это уже большая художественная удача.

Произведение написано с большим уважением и любовью к родной Кабардино-Балкарии, к ее народам, к их истории.

Юрий Тхагазитов, заслуженный деятель науки КБР:

Роман «Страшен путь на Ошхамахо» построен М. Эльбердом на внутренней полемике с привычным уже в адыгских литературах историческим жанром, где авторы (чаще бессознательно) тяготеют к этнографизму, к идеализации изображаемой действительности. Они находятся в плену «абсолютного прошлого», как сказал бы М. Бахтин. И в этом нет ничего удивительного. Такова закономерность развития прозы, основой которой является фольклор, героический эпос. М. Эльберду удастся нарушить эту пока еще трудно преодолимую для адыгской прозы ценностно-временную ситуацию весьма своеобразно. В романский хронотип писателем органично включены фольклорные герои, жившие в разное время. Нельзя отказать такой задаче в смелости. Ведь тем самым преодолевается фольклорное клише, когда типизация шла на уровне, предполагающем трактовку фольклорного идеала как извечной данности. Идеал наполняется реальным конкретно-историческим содержанием.

Светлана Моттаева, заслуженный работник культуры КБР:

В 70-е годы Э. Мальбахов короткое время работал редактором общественно-политических передач нальчикской студии телевидения, где мне и довелось общаться с ним как с коллегой.

Литературный талант Эльберда Мальбахова пробудился достаточно рано. Наряду с профессиональной журналистской деятельностью он пробует себя в прозе. Его первые рассказы, переводы произведений кабардинских и балкарских писателей стали выходить ещё в начале 60-х годов. Дебют молодого писателя состоялся в 1963 году.

Культурная общественность республики с интересом следила за творчеством молодого литератора, к тому же сына первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома КПСС, вскоре убедившись в том, что в лице Эльберда республиканская журналистика и литература имеют талантливого творца, самостоятельную личность, не нуждающуюся в какой бы то ни было протекции.

Эльберд Тимборович трудился на ниве литературы, что называется, засучив рукава. Из-под его пера последовательно выходят сборники документальной прозы «Наш дом – Кабардино-Балкария» (1971), «Набирая высоту» (1972), рассказы «Воспоминания охотничьей собаки» (1973) и главные книги его литературной судьбы – романы «Страшен путь на Ошхамахо» (1980) и «Ищи, где не прятал».

Эльберд не только пытливым писатель, увлечённый «раскопками» истории и судьбы предков-адыгов. Он тонкий психолог и рассказчик, искрящийся юмором, не оставляющим равнодушным читателя.

Эльберд, безусловный бессребреник и альтруист, всегда был погружён в творчество, и только работа давала ему силы для воплощения художественных замыслов, которые он с годами блестяще реализовал.

Гуманист, человеколюб с удивительно тонкой душевной конституцией, Эльберд готов был «и целый мир на битву звать», становясь воинствующим литератором, когда дело касалось мира фауны. Что-то пронзительно чеховское роднит его «Воспоминания охотничьей собаки» с «Каштанкой». Идея всего: природа нуждается в нашей защите не меньше, чем жизнь человека.

Две линии судьбы наиболее чётко отпечатались на ладони Эльберда Мальбахова – линия сердца и линия родины. Его сердце вобрало в себя ощущение родной земли. Ей он отдал свой талант гражданина и писателя.

Анатолий Емузов, доктор филологических наук, профессор, дипломатический советник первого класса:

Мы с Эльбердом принадлежим к тому поколению людей, чьё детство было обожжено пожаром войны. Наша дружба зародилась в тяжёлые послевоенные годы, она испытана временем, лишена меркантильности, а потому была нерушима. Мы росли в Нальчике на улице Кабардинской, оба учились во второй школе, вместе занимались лёгкой атлетикой, дружили семьями. Вместе отмечали государственные и семейные праздники, делили хлеб-соль, горести и радости. Когда не стало наших спутниц жизни, мы оставались верными друзьями.

Эльберд был великолепным, любознательным собеседником, очень начитанным, разносторонне эрудированным, как и подобает большому писателю – инженеру человеческих душ. Ум, доброта, обаяние, величайшая порядочность, бескорыстие гармонично сочетались в нём. Он был чрезвычайно скромным человеком – в жизни, в быту, в общении. Он никогда не кичился ни своей популярностью, ни высоким положением отца. Простой, общительный, благожелательный: это было унаследовано от отца Тимбора Кубатиевича и матери Нины Степановны. Общеизвестно, что они не баловали детей. Тимбора Кубатиевич детям оставил лишь источник знаний – большую домашнюю библиотеку, хотя тридцать лет в республике обладал почти неограниченными возможностями (будучи руководителем Кабардино-Балкарии – первым секретарем областного комитета КПСС). Но зато в моральном плане он оставил богатое наследство – ум, честь, совесть, то есть то, что ценил превыше всего.

Эльберд Тимборович, если бы судьба сложилась иначе, мог стать художником. Это подтвердит каждый, кто видел его картины. Они могли бы украсить любую художественную выставку, но он никогда их не выставлял, раздаривая друзьям-приятелям.

Залина Мизова, кандидат филологических наук:

Творчество Э. Т. Мальбахова – интереснейшая страница истории кабардинской и всей северокавказской литературы, и оно еще ждет своих исследователей.

Двуязычие автора автоматически заложило в сознании Мальбахова определенные черты – прежде всего, амбивалентность восприятия явлений и феноменов, способность к их разнонаправленному осмыслению. Огромная эрудиция, фактическое двуязычие и бикультурность, доступ к информации, закрытой для большинства, и несомненный талант – вот составляющие Мальбахова-литератора.

Он жил и работал в эпоху перманентного идеологического прессинга, эпоху господства не вполне корректных эстетических доктрин.

Мальбахов, будучи, с одной стороны, принципиальным сторонником идей социалистического общежития и исторических концепций, господствовавших в советской науке тех лет, с другой стороны, четко осознавая свою принадлежность к адыгам, был горд этой своей принадлежностью и делом всей своей жизни считал пропаганду этничности вкупе с симбиотическим вхождением и жизнью кабардинцев в системе российской государственности.

И, быть может, главная заслуга Мальбахова как писателя и гражданина состоит в том, что в смутное время роста ксенофобии и центробежных тенденций, едва не приведших к трагическому для государства и его народов финалу, кабардинский прозаик нашел в романе «Ищи,

где не прятал» художественно достоверную форму синтеза идеологии большого государства и малочисленного народа, попытался – как это уже было им сделано за десятилетие до этого в романе «Страшен путь на Ошхамахо», – выстроить перспективную модель морально-нравственных оснований подобного союза, продемонстрировать жизнеспособность и значимость традиционных этнических морально-этических комплексов адыгов именно в рамках политически и перспективно целесообразного взаимодействия с Россией.

Ольга Мальбахова, главный редактор информационного отдела Радио КБР:

Человека можно узнать по его отношению к другим людям, по тому, как он ведет себя с теми, кто ничем ему не может быть полезен. Мой отец никогда не смотрел на должность или общественное положение тех, кого выбирал в друзья, кстати, в отличие от некоторых других, для кого он был первым делом сыном первого секретаря обкома, а потом уж отдельной личностью. Уж сколько «липло» к нему лжедрузей в годы, когда его отец занимал высокую должность, уж сколько «отвалилось» потом, за ненадобностью... Удивительная способность папы не помнить зла – и раздражала, и восхищала. Папа был слишком добр, слишком открыт, слишком доверчив – да конца дней он верил в дружбу, ни об одном человеке не говорил плохо. Но я бы не сказала, что мой отец был инфантилен, он мог охарактеризовать любую человеческую натуру, рассказать, что движет людьми, их страсти и пороки – все это делалось с философской точки зрения, беззлобно и безотносительно.

Мой папа дня не мог прожить без книги. Особенно, когда ушел на пенсию – практически все свободное время он проводил за чтением книг: мировая классика, архивы, словари... он любил читать разное. Папа был человеком-энциклопедией... Однажды я спросила его: «А тебя не смущает, что ты, прожив столько лет, находишься в малюсенькой хрущевке, со скромным ремонтом, не в престижном районе?...» Папа ответил: «Да в общем-то меня устраивает моя квартира». Тогда я спросила так: «Ну ведь ты бы хотел, например... шикарную яхту?» Папа подумал и сказал: «Хотел бы...» – «Вот что бы ты делал, если бы у тебя была яхта?» – спросила я. Папа сказал: «Спустился бы в каюту, лег на диванчик и читал бы хорошую книгу...» – «Так ты и так лежишь на диванчике с книгой!» – «Ну да, поэтому какая разница, есть у меня яхта или нет?» Такой он был, мой отец. А еще он обладал прекрасным чувством юмора. Ничто так не выдает человека, как то, над чем он смеется. Папа мог посмеяться над самим собой так, что все окружающие смеялись до слез, а если шутил над другими – делал это деликатно и необидно.

Папа и писал всегда с легким чувством юмора. Мне жаль, что его считают автором одного романа «Страшен путь на Ошхамахо» (хотя в

мировой литературе есть примеры, когда писатель становился популярен благодаря одному-единственному произведению, например, Маргарет Митчелл (1900-49) – американская писательница, автор единственного романа «Унесенные ветром»), на мой взгляд, ничем не хуже роман отца (М. Эльберда) «Ищи, где не прятал». И сегодня находятся те, кто говорит: «Какой он писатель, написал две-три книжки и уже «писатель»...» Хочу напомнить – главное не количество, а качество.

Папа окончил факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. С 1961 года работал в редакции газеты «Кабардино-Балкарская правда», на республиканском телевидении, корреспондентом ТАСС по Кабардино-Балкарии, собственным корреспондентом газеты «Известия» по Омской области, консультантом правления Союза писателей республики, в 1991 стал первым главным редактором журнала «Литературная Кабардино-Балкария», и трудился на этой должности до выхода на пенсию в 1999 году. За это время он перевел на русский язык множество произведений местных авторов, среди них есть и большие работы.

Недавно на праздновании его 80-летия (увы, без его участия, в 2010 году папа ушел из жизни) в Национальной библиотеке республики, где собралось достаточно много народу, когда все говорили хорошие слова в адрес М. Эльберда, один из писателей тихонечко задал мне неприятный вопрос, который я не хотела бы повторять – это одна из сплетен, которая ранит. Думаю, в основе неприятных для меня вопросов в адрес отца лежат комплексы и зависть тех, кто затрагивает их – вот уж чего был лишен мой отец. Наверное, поэтому и все его книги пронизаны светлым чувством, любовью к людям, всему живому. Одна из замечательных, на мой взгляд, повестей М. Эльберда – «Воспоминания охотничьей собаки». В предисловии говорится, что это «истории из жизни охотничьей собаки, составленные ей самой». Без понимания наших братьев меньших вряд ли получилась бы такая повесть – как же надо любить животных, чтобы понять их, чтобы стать на их сторону и начать за них говорить! Повесть давно не переиздавалась – хотя очень бы хотелось, чтобы она не была забыта. Жаль, что в журнальном варианте нельзя напечатать ее всю. Я благодарю «Литературную Кабардино-Балкарию» за то, что сегодня отрывки из этого произведения писателя М. Эльберда могут прочитать его подписчики.

Публикацию подготовила Ирина Богачева

ВОСПОМИНАНИЯ ОХОТНИЧЬЕЙ СОБАКИ

*Истории из жизни охотничьей собаки,
составленные ей самой*

Эту старую охотничью собаку по имени Картечь я знаю давно. Говорю «по имени», потому что слово «кличка» Картечь не любила. Думаю, мне удалось понять сложную и тонкую душу Картечи (в юности Гитче), оценить ее редкостный интеллект, за что она отплатила мне искренними дружескими чувствами и безграничным доверием.

Однажды Картечь поделилась своей заветной мечтой – сделать достоянием широкой гласности некоторые эпизоды ее бурной и поучительной жизни. Ей казалось, что люди редко задумываются о собачьих судьбах, о собачьих мыслях и чаяниях. Людей больше волнуют конечные результаты собачьей работы, но отнюдь не ее процесс. Вот почему Картечи захотелось создать нечто вроде мемуаров, которые могли бы привлечь внимание если не всего человеческого племени, то хотя бы меньшей половины. Ну, а добиться успеха у своих четвероногих сородичей Картечь и не надеялась. Ведь в подавляющем большинстве собаки – народ безграмотный, и Картечи живо представлялось, как некая дворняжка, брезгливо обнюхав мемуары, тут же теряет к ним интерес и, гордо задрвав хвост, отходит в сторону.

В последние месяцы у Картечи, достигшей пенсионного возраста, появилось много свободного времени. Считалось, что на охоту она больше никогда не пойдет (никто не предполагал, что в ее жизни все-таки будет еще одна охота). Ей поручили только одну обязанность: сидеть на огороде лесничества и отпугивать по ночам огромного, но старого и тощего кабана. Он жил поблизости и с наступлением темноты ковылял на огород, чтобы покопаться на картофельных грядках. Его мог бы, конечно, пристрелить сторож Палыч, но не желал, видно, бывший егерь возиться с больным и, кажется, давно уже несъедобным зверем.

Палыч тоже стар. Он не расстается со своей длинной кизиловой палкой, все тяжелее на нее опирается, а ружье, из которого не помнит, когда и стрелял, носит просто так, по привычке.

Летом здесь хорошо! Склон покатога холмика, сухой и солнечный... Вокруг – густой лес из молодого душистого дубняка. На опушке – прозрачный и прохладный ручей. В чистом воздухе томно нежатся ароматы свежей земли и сочных трав, а когда дует ветерок со стороны усадьбы

лесничего, он приносит с собой соблазнительные запахи вкусной еды. Два раза в день эти запахи усиливаются, приближаются, и вот на поляну, где лежит огород, выходит добрая Хозяйка...

После обеда Палыч и Картечь спят. Картечь – за своей будкой, в тени, Палыч – у себя в фанерном балагане. Спят до тех пор, пока предзакатное солнышко не оседлает гребень близлежащей горы.

Чудесные сны видит Картечь. Только благодаря этим снам удавалось ей вспомнить о таких деталях собственной биографии, какие наяву она ни за что бы не вспомнила, хоть вой всю ночь напролет.

...Она пыталась каким-то образом упорядочить «Воспоминания», предложив разделить их на куски и каждый обозначить номером. (Как вам нравится такая приверженность к строгому порядку?) Потом Картечь предупредила, что между кусками будет вставлять кусочки, рассказывающие о ее нынешних невеселых днях или поясняющие отдельные, частные моменты готовых кусков. Ведь будет жаль, если читатель не заметит какой-нибудь неяркой, но глубокой мысли и пройдет мимо нее, как мимо зарытой в землю мозговой кости.

Кусок 1

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ И ВОСПИТАНИЕ

Родилась я высоко в горах, там, где крутые каменистые склоны поднимаются от густых чащоб девственного леса к заоблачным просторам альпийских лугов. Все лето на лугах пасутся овцы, несуразные и глупые животные, которыми так дорожат люди. Ну, а то, чем дорожит человек, собака должна охранять. Хорошо это или плохо, правильно или нет, – не мне судить.

Не мне было решать и свою судьбу, выбирать, как говорится, жизненный путь. С детства я была предназначена для несения тяжелой службы по защите беспомощных и бестолковых овечьих отар. Словом, ждала меня не очень-то завидная карьера кавказской овчарки. Понятие «овчарка» в данном случае означает не столько породу, сколько рабочую квалификацию. Ведь я кавказская овчарка только наполовину. Зато родословная моей матери тянулась через многие поколения этих крупных и лохматых, серьезных и грубых собак, чья сила превосходит волчью, а отвага – вообще ни с чьей не сравнима. Насчет папаши – разговор особый. Моя бедная мама никак не могла забыть его и частенько рассказывала о тех памятных днях своей молодости, которые были связаны с моим будущим отцом.

Началась эта история в первые летние дни на далеком горном пастбище. Кош – низкое невзрачное строение из дикого камня, где жили чабаны и собаки, разделяя общие заботы об огромной отаре овец, стоял

в верхней части некрутого склона, у родника с идеально чистой водой. К подножию главного склона приткнулись, как щенки к материнскому брюху, один, два, четыре – много продолговатых поперечных холмов с покатыми боками и округлыми спинами, покрытыми светло-зеленым мехом пахучего разнотравья. А в балках между шпильями, как называют эти холмы местные охотники, весело кучерявились по берегам мелких ручейков заросли шиповника и облепихи, алычи и барбариса. Далеко внизу были видны темные лохмы дремучего леса, в чаще которого заблудились красноватые громады беспорядочно разбросанных островерхих скал и безнадежно запутались, рыская по разным направлениям, глубокие лощины, узкие каменистые каньоны и расселины, заросшие бурьяном.

В этом лесу жил один молодой, но очень хитрый медведь, который, наткнувшись однажды на заблудившегося ягненка, стал потом заядлым любителем баранины. Мародерством он промышлял и днем, и ночью, и в хорошую погоду, и в плохую. Однажды косолапый совершил свой набег в ясный солнечный полдень, подкравшись к тому краю отары, от которого и люди, и собаки были дальше всего. У всех на глазах он неторопливым и вроде бы даже ленивым движением здоровенной лапы нанес небольшой овечке удар по голове, а затем, взяв ее зубами за спину, припустился вниз, в балку, откуда только что выскочил. Чабаны закричали, один из них выстрелил из ружья (когда медведь уже скрылся), собаки залаяли и бросились в погоню. Через некоторое время все четыре собаки, в том числе и моя мать, вернулись обратно. Вернулись усталые, мокрые, в репьях от головы до хвоста. Как всегда, следы медведя терялись в каком-нибудь ручье. По ночам ловкий ворюга исчезал еще легче. А хуже всего было в те дни, когда на пастбище опускался густой промозглый туман. В таких случаях чабаны заранее знали, что недосчитаются одного барана...

Люди ходили хмурые, с красными от недосыпания глазами. Собаки стали нервными, беспокойными.

Как-то рано утром старший чабан оседлал коня и уехал, а на другой день к вечеру вернулся с двумя незнакомыми людьми и одной незнакомой собакой. Они приехали из города на машине, которая не добралась до коша, а осталась на нижней ферме.

Обитатели коша немного оживились, хотя и было им слегка досадно, что сами не сумели управиться с медведем. Вот только старый неразговорчивый Аю¹ недовольно ворчал и скалил желтые клыки на городского пса. Аю испытывал чувство стыда и ревности: ведь пришлось прибегнуть к помощи сомнительного чужака, который ходит тут теперь, презрительно воротя нос от овчарок и не отвечая на знаки внимания с их стороны. Впрочем, ледок отчуждения скоро растаял, и необычный

¹ Аю – медведь (балк.).

гость познакомился со здешними собаками поближе. А скрыть горячего интереса к приезжему не смог даже суровый Аю, чье имя прекрасно подходило к его внешности. Правда, в создавшейся обстановке громадный лохматый горец не хотел бы, чтоб кто-нибудь из людей спросил его:

– Ну, Медведь, где же медведь?

Гость был вдвое меньше, чем Аю, и намного меньше, чем любая другая из известных моей мамаше взрослых собак. В отличие от желтовато-серой, как правило, длинной и спутанной шерсти овчарок мех чужака от спины и до середины боков был черный, ниже светлели красивые подпалины, а на заостренной морде и на лапах – чудный светло-коричневый оттенок. Вся шуба его – гладкая, будто причесанная, так и лоснилась, приятно поблескивая на солнышке каждым своим волоском. Уши стояли торчком, хвост завивался тугим колечком. На шее чужак носил узенький кожаный ремешок с блестящими серебряными бляшками. Такой роскоши у чабанских собак отродясь не бывало. Когда же гость назвал свое имя, состоящее из двух слов – Гран При, – и объяснил его значение, овчарки уж совсем почувствовали себя лопухой деревенщиной. Особенно неловко было моей матери с ее странным именем Лёня, полученным по ошибке в первую неделю ее жизни. Раньше она ничего не имела против этого имени. Оно ей даже нравилось, а теперь... Теперь Лёня вместе со своими товарищами сидела перед Гран При и, в изумлении склонив голову набок, слушала его хвастливые рассказы. А он говорил о загадочном и удивительном городе, где людей и собак в два, в четыре, в три, во много раз больше, чем овец в самой многочисленной отаре, но при этом нет ни одного барана. (Ну, насчет отсутствия баранов потрясенные слушатели сильно усомнились.) Он говорил, что живет в одном доме с хозяевами и ест самую отборную вкуснятину.

– Я думаю, – небрежно проворчал он, – вы согласитесь со мной, что вареная говяжья печенька, индюшиные косточки и суп с фрикадельками – получше, чем кусок сырого кабаньего мяса?

Тут наши заскоруждые трудяги были сражены наповал. О подобных деликатесах они и слыхом не слыхивали. Никто не ответил на вопрос щеголеватого горожанина. Обалделые овчарки лишь застенчиво почесывали заушины или с преувеличенной деловитостью выкусывали блох из лохматой шерсти. А Гран При продолжал трепаться о том, как его водят гулять, как возят в гости к другим собакам – лайкам, как его купают в специально подогретой воде, которой наполнена... эта, как ее? – ванна какая-то... Часто в своей речи он употреблял совершенно непонятные словечки, причем встречались дьявольски трудные и длинные. Одно из них моя мать вызубрила наизусть и впоследствии любила употреблять, не очень-то заботясь, к месту оно будет сказано или нет: все равно ни она, ни другие собаки не знали смысла этого загадочного звукосочетания: «Псевдоинформация». Конечно, управляться с таким словечком нелег-

ко. Если берешь его в зубы за загривок, то хвост волочится по земле и путается между ногами.

Особую зависть вызвали две-три охотничьи истории, в которых Гран При выступал как гроза диких кабанов и медведей. А когда выяснилось, что благородная лайка вообще ничем не занимается, кроме охоты, бедняги-овчарки так и сели, и дружный тоскливый стон вырвался из их честных натруженных глоток...

На рассвете начали облаву. Два охотника и два чабана (один со своим старым ружьем, а другой с толстой ореховой палкой) спустились к лесу, где прятался медведь. Взяли с собой и двух овчарок – Аю и Лёню, которых вели на веревочных поводках. Гран При, деловитый и собранный, шел сам. Охотники, оставив лайку с чабанами, обогнули слева лесной массив и поспешили к тому месту, где по заросшему кустарником перешейку медведь мог уйти незамеченным в соседний лес, тянувшийся нескончаемой полосой к дальним горам. Чабаны пошли опушкой правее, почти до конца леса, где его нижней границей служила отвесная стена пропасти. Отсюда собак послали в чашу. Немного углубились в лес и чабаны, дважды выстрелив вверх из ружья.

Гран При сразу же оторвался от овчарок и молча скрылся. Аю и Лёня с громким лаем помчались вдогонку, но скоро потеряли даже след своего гостя.

Первым обнаружил медведя Гран При. Чабанские собаки слышали отдаленный лай совсем не в той стороне, куда бежали сами. Они сразу же свернули и помчались на голос, доносившийся с верхней окраины леса, которую совсем недавно обошли охотники. С треском продираясь сквозь молоденький подлесок, Аю бормотал себе под нос:

– Как может этот городской щенок драться с медведем? Сейчас его задерет медведь. Сейчас...

– Скорей, скорей, скорей! – отвечала Лёня.

Заливистый лай Гран При постепенно перемещался в сторону перешейка, где ждали в засаде охотники. Дорогу овчаркам преградила глубокая обрывистая балка, и они на несколько мгновений остановились. На той стороне балки здоровенный медведь вертелся волчком, пытаясь схватить пляшущего перед его носом Гран При. Иногда изящный аристократ заскакивал с тыла и вцеплялся в жирный медвежий огузок. Зверь яростно ревел, размахивал лапами, а Гран При проворно отскакивал на несколько шагов и затем нападал снова. Все это время медведь и собака не топтались на месте, а заметно продвигались в нужную для лайки сторону – поближе к охотникам. Но скоро Гран При добился главного: зверь позорно кинулся наутек – опять-таки в направлении засады.

И вот тогда, резко рванувшись вправо, Аю (а за ним и моя мать) обогнул обрывистый склон балки, пересек ее в пологом месте и бросился наперез медведю.

– Ты куда? Не мешай! – заорал Гран При, но разве могли его услышать, да еще и понять?

Аю и Лёня поступили, как велел им долг стражей отары. Они видели перед собой злостного грабителя, разбойника и обязаны были, больше того, страстно желали наказать врага. Охота... облава... засада – ничего этого самоотверженные чабанские собаки не знали.

Сначала был катящийся по земле клубок из трех тел – одного огромного, бурого и двух поменьше, грязно-желтоватых. А черное стремительное тельце то ударялось мячиком о бурую шкуру, то отскакивало. Ключья разноцветной шерсти смешивались с брызгами жирной земли, рев и клацанье клыков – с пронзительным визгом... Потом клубок распался. Гран При отлетел к дереву и ударился головой о гладкий ствол чинары. Бесстрашный Аю лежал со сломанной шеей, тихо доживая последние мгновения своей жизни. Лёня отчаянно вопила от страшной боли: в левой части лба кожа ее висела красными лохмотьями и глаз не открывался. Медведь во все лопатки удирал к верхней окраине леса, захлебываясь от крови, которая ручьями текла по его разодранной морде и прокушенному носу. В соседний лес он перебежал по открытым склонам холмов, где его совсем не ждали...

Когда к месту побоища пришли люди, Аю был уже мертв. Гран При, целый и невредимый, стоял на слегка подрагивающих ногах и вылизывал рану на лице у Лёни, которая почти успокоилась и теперь лишь тоненько поскуливала.

На следующий день опять устроили облаву, но взяли с собой только Гран При.

Из-за того, что вместо одного медведя погиб другой, злость у охотников была великая, но зверя они обнаружить не смогли. Остались еще на один день, ходили в соседний лес, однако и на этот раз рыли землю не там, где была спрятана кость. Медведь ушел далеко и, вероятно, возвращаться в ближайшее время не собирался. Кстати, сразу же после первой облавы Гран При уверенно заявил моей матери, что проклятый зверь больше никогда не появится в здешних местах. (Время показало, что горожанин был прав.)

В оставшиеся до отъезда два вечера все внимание Гран При было устремлено на Лёню. И разве могла она, неискушенная сельская жительница, устоять перед этим блестящим кавалером, который покорила ее благородством манер и тонкостью обхождения! Они гуляли до поздней ночи, отходя подальше от коша и поднимаясь к скалам, торчащим на гребне склона. Стояла чудесная погода. На небе сияли крупные звезды, каждая величиной с миску для похлебки. Прохладный бодрящий воздух был напоен восхитительными ароматами горных куропаток, уларов и сусликов...

Когда охотники собрались домой, Лёня хотела проводить Гран При до машины, но один из чабанов строго окликнул ее и послал на работу – присматривать за отарой. Больше она моего будущего папашу не видела.

Вот и все, что я знаю об отце. Мне никогда не приходилось его встречать. Жаль, разумеется, но ничего не поделаешь. Такова жизнь, как говаривала моя мать, такова псевдоинформация...

Я и три моих братца родились на Нижней ферме, когда на пастбищах выпал первый несмелый снежок. Хорошо себя помню с весны будущего года. К тому времени братьев уже отдали другим чабанам, и не суждено было нашей семье вместе пасти и стеречь одну и ту же отару. Братья обещали стать почти такими же мрачными громилами, как их предки по материнской линии. Отличались они от обычных щенков кавказской овчарки только более темной шерстью, да хвостами-бубликами. Я оказалась самой маленькой – это раз. Шерсть на спине была светло-коричневой, а по бокам – светло-рыжей и не такой длинной, как у овчарок, – это два. Хвост, между прочим, остался овчарочий, а вот мордочкой я пошла в отца – это три. Позже появилось и «четыре» – уши встали торчком.

Меня посчитали слабенькой, неудавшейся, и потому оставили с матерью. На самом же деле я чувствовала себя прекрасно и аппетит имела превосходный. Когда рост мой прекратился, стало видно, что я заметно не дотянула до матери, зато, по ее словам, была массивней и на целых полголовы выше отца.

Ну что сказать о летнем трудовом сезоне на горных пастбищах? Хоть и была я еще совсем юной, но специальность овчарки давалась мне без особого труда. И мать, и чабаны отмечали мою сообразительность, энергию, хватку. «Эта гитче¹» далеко пойдет, – говорил обо мне самый старый чабан. (Кличка «Гитче» прицепилась ко мне чуть ли не с самого рождения, едва лишь меня сравнили с более крупными щенками-братьями.) Однако на альпийских лугах мне не случалось ходить дальше, чем ходил отбившийся от отары глупый и неосторожный баран. А собакам не разрешалась даже прогулка в лес, который с прошлого года назывался Медвежьим. Правда, ни одна собака об этом не грустила. Да и что надо пастушьим псам? Набить свою ненасытную утробу, развалиться на солнышке, да вылавливать блох в косматой шкуре!

Меня такая жизнь удовлетворить не могла. Я чувствовала, мне не хватает чего-то очень важного, необыкновенного. И это беспокоило меня, как полчища мелких, но злых насекомых, терзающих каждый клочок кожи. И терзающий – вот что главное! – не снаружи, а изнутри. Со страшной силой влекло меня с альпийских высот в таинственные чащи предгорного леса. Жаль, что не хотят люди пасти скот в лесах! Как было бы интересно выслеживать и находить заблудившихся в

¹ *Гитче* – маленькая (балк.).

сумрачных дебрях овец, телят и прочую беспомощную домашнюю живность!

Мать видела мою внутреннюю взволнованность, ставшую к началу осени особенно заметной. Первое время она лишь вздыхала и покачивала головой. Потом стала понемногу рассказывать об отце. В эти вечера воспоминаний к нам обычно подсаживались другие собаки – и старые материнские однокашники, и новые, и, склонив головы набок, развешивали внимательные уши. Очень они уважали Лёню, которая знала, как живут собаки в далеких и удивительных городах, преклонялись перед Лёней за то, что ей приходилось драться с медведем и за то, что она с небрежной легкостью употребляла таинственное слово «псевдоинформация». В последнем случае все сразу как-то замирали, и никто не смел даже почесаться. Магическое действие заветного слова было очень велико. Представьте себе, например, как мать неторопливо и важно подходит к самому сильному псу, грызущему свежую кость, и медленно, сквозь зубы, говорит ему:

– Смотри, не подавись, сынок!... Ведь такова псев-до-ин-форр-ма-ция, мой милый...

И грубая бесцеремонная псина, у которой вырвать-то кость из пасти можно лишь вместе с челюстями, вдруг виновато поджимает хвост и, оставив лакомый кусок Лёне, с пришибленным видом отходит в сторону.

Что означает это слово, мать не хотела объяснить даже мне. А вот странное мое состояние для нее не было загадкой.

– В твоих жилах клокочет горячая охотничья кровь, – говорила она.

– И что со мной будет? – с тревогой спрашивала я.

– Ну, это зависит от людей. Скорее всего, останешься овчаркой. А может, представится когда-нибудь случай выбиться в охотничьи собаки. Но все, я повторяю, зависит от людей...

Да, я знала о могуществе людей. Страшно подумать, что стало бы с собаками, если б люди вдруг исчезли! Где бы мы брали тогда еду? И кто бы нас хоть изредка гладил по голове? Ведь без еды и без ласки не проживешь... Как нарочно, стоило только вспомнить о человеческих добрых руках, к нам подошел молодой чабан Ахмат и шутя потрепал меня за уши. Тотчас же теплая приятная волна, зародившись где-то в животе, хлынула к горлу и мягко ударила в голову. Голова слегка закружилась, ноги ослабли, и стало так хорошо, так все стало хорошо, что к кончикам носа, языка и ушей подступила сладкая, невыразимо блаженная боль. И хотелось прыгать, визжать от восторга, кружиться на месте, лоя свой хвост, громко, от всей души, лаять и лизать чудесную ласковую руку Ахмата и его улыбающееся лицо.

Однако овчарки – народ сдержанный, умеющий скрывать свои чувства. И хотя мой отец принадлежал к темпераментной породе охотничьих лаек, мне удалось, право, с большим трудом, – сохранить солидность.

Пока веселый Ахмат теребил мою голову, я лишь виляла хвостом, да пару раз смущенно ткнула носом в его колени.

– Скучает наша Гитче, скучает! – смеялся чабан. – Ей бы не овец пасти, а по лесу рыскать.

Ахмат взял мою голову в ладони и задрал кверху:

– Ну, что, милая? Папашина наследственность сильная оказалась, а? Вот бы зверей в лесу погонять, а? Ха-ха-ха! Вон и ушки торчат у тебя, как у отца. Забыл, как же его звали, пройдоху? Имечко такое мудреное... Ну, ладно! Мы с тобой еще побегаем среди дубов и чинар, пошарим в чагарниках и терновниках! Мой брат егерь говорит, что чабанское воспитание не помешает тебе освоить вторую профессию – охотничью...

Глубоко в душу запали мне эти слова, и я с нетерпением ждала окончания пастбищного сезона, ждала когда, наконец, отару перегонят на Нижнюю ферму, где, по словам старых собак, овчаркам и делать-то почти нечего.

Я была уверена, что этот счастливый день станет началом моей новой жизни. И я не ошиблась. (Все-таки уже в то время я обладала большим умом. И красотой.)

Кусочек первый

Кажется, дело у меня пошло. Первый кусок уже есть. Не знаю, насколько он съедобный. Хотела дать попробовать Палычу, но передумала. Вряд ли он похвалит. Старик стал в последнее время слишком ворчливым. Наверное, из-за бессонницы. Днем он спит прекрасно, а ночью только кряхтит да ворочается в своем фанерном балагане. По-моему, он чтением-то не сильно увлекается. Есть у нас одна газета, которую еще весной забыл тут лесничий, так Палычу все никак не удастся ее осилить. Каждый день после завтрака он садится, разворачивает газету, внимательно всматривается в верхний ее уголок, потом начинает зевать, моргать глазами и, наконец, перебирается на лежанку. Через минуту мирно посапывает, накрыв газетой лицо.

А ночью шел сильный дождь, по-летнему шумный и теплый. Я думала, что старый кабан не появится в такую непогоду на картофельном поле, а попытается прорыть новый подкоп под сеткой, которая ограждает посадки топинамбура – земляной груши. Еще до завтрака сделала я свой обычный обход и увидела, что мое предположение оказалось неверным. Почти в центре огорода – развороченные грядки, на рыхлой мокрой земле валяется несколько мелких картошин: остатки воровского пиршества. Опять провела меня эта дряхлая развалина! Пойти разыскать его в зарослях, да хоть укусить разок? Нет, не стоит. Еще зубы обломаешь о его задубелую шкуру...

Настроение скверное. После сырой ночи ноют мои ревматические суставы. К тому же мучают сомнения: удался ли первый литературный опыт? Может, бросить все к чертям собачьим? Нет! Картечь давно уже не Гитче – не маленькая – и привыкла всякую погоню доводить до конца. Правда, я не хочу сказать, что на этот раз гонюсь за литературной славой, но... (Кстати, погоня за диким зверем, на мой взгляд, менее трудна... и опасна.)

В таких вот размышлениях я обошла участок топинамбура и, конечно, обнаружила новый подкоп. И здесь успел побывать клыкастый обжора. И ямка прорыта, и проволочная сетка снизу надорвана. Вот и клочок грязной щетины висит. Мокрый еще. На утреннем солнце не успел обсохнуть. И куда только смотрит Палыч, который еще до рождения моих прадедов был самым лучшим егерем охотничьего хозяйства!

После завтрака бывший мастер гаевой охоты потащился вместе со мной на участок и заметил дыру.

– Иде ж ты глядела, дармоедка старая! – закричал он на меня. – У тебя с под носа усю продухцию повытаскивают, а ты дрыхать будешь?

Вступить с ним в споры бесполезно. Огреет палкой по спине – и вся дискуссия.

Вернувшись в балаган, Палыч запустил руку под лежанку и вынул зеленоватую бутылку, заткнутую кукурузной кочерыжкой. Наливая в помятую оловянную кружку мутноватую жидкость с резким противным запахом, он хитро кому-то подмигнул и хихикал, мелко тряся своими пышными белыми усами.

– Чего уставилась, Картечь? – прикрикнул на меня старик. – Ишь, морду в дверь суешь, шпионничать вздумала! Иди, иди отседова! Не твою ума енто дело...

Я ушла. Очень мне надо! Я же не кот Федька, который любил эту гадость. Бывало, как налижется, – ой-ой-ой! Дымчатый лохматый Федька был одно время верным собутыльником Палыча. А где он сейчас? То-то и оно!

Тихий вечер спускается над лесом. Мягкие сумерки крадутся между деревьями. Завтра будет сухая и жаркая погода.

Надо теперь подумать о новом куске воспоминаний.

Кусок 2 ЗНАКОМСТВО С КАРТЕЧЬЮ

Этот убийственно крутой поворот в моей жизни едва не свел меня с ума. С самого утра поперла на меня лавина новых впечатлений, обрушивая на молодую собачью голову удар за ударом – один чувствительнее другого.

Впервые я испытала, что такое езда на этом странном неживом звере – автомобиле. Еще не улеглась на загривках у собак торчавшая дыбом шерсть, как младший чабан Ахмат подошел к зеленому чудовищу, прикатившему на ферму, открыл дыру в его боку и позвал меня. Беззвучная, но яростная грызня между страхом и любопытством была короткой. На помощь любопытству бросились доверие к человеку, привычка спешить на зов хозяина, и страх тотчас опрокинулся на спину и – лапы кверху. Я подошла к Ахмату, не спуская на всякий случай настороженных глаз с машины. И вдруг сильные руки оторвали меня от земли и сунули в просторное брюхо автомобиля (потом я уже узнала, что называется он «газик»). А в моей душе снова заворочался страх, быстро поднимаясь на все четыре дрожащие ноги и широко раскрывая бельма невидящих глаз. Железная зверюга зарычала, закачалась, зачатила скверным неживым духом, и я почувствовала, как неведомая, неодолимая сила тащит, уносит меня куда-то. И чувство это было до того тоскливое, до того гнусное, что казалось, будто меня заживо проглотили и уже начали переваривать.

Ахмат положил мне руку на голову.

Я немного успокоилась. А когда стала привыкать к машине, мы въехали в селение. В маленьком окошке замелькали крыши домов, кроны деревьев, столбы, до моих ушей доносился то близкий, то отдаленный собачий лай.

Но вот остановка возле дома Ахмата – и новые, душераздирающие переживания.

Открылась дверца машины, и я тут же спрыгнула на землю. Оказавшись на самой середине улицы, я так и застыла, оторопело озираясь по сторонам. Сколько домов! Какой бесконечной чередой вытянулись они по обе стороны удивительно твердой и гладкой дороги! В жизни никогда не думала... Позади раздался чей-то резкий пронзительный рев. Я обернулась и увидела, что прямо на меня едет огромная красно-желтая машина. Я бросилась бежать от нее прямо по дороге, а тут мне навстречу вынырнула из-за поворота другая. В панике я заметалась между двумя смертями: ужас и отчаяние! И все же я заметила, что рядом с красно-желтым автомобилем бегут две небольшие взлохмаченные собаки и храбро кидаются чуть ли не под самые колеса. Не знаю, как удалось мне выпутаться из этой истории и очутиться в безопасном месте, под забором ахматовского дома, а смелые сельские псы еще некоторое время гнались за машиной, захлебываясь в хриплом азартном лае.

Однако большая машина не обратила ни малейшего внимания на устрашающую отвагу лохматых дворняг, тем более, что они скоро отстали. Возвращаясь назад, два забияки заметили, наконец, меня, приблизились, обошли кругом.

– Видал? Новенькая!

– Эй! Откуда ты взялась?

Я молчала.

– Симпатичная, а? – нагло ухмыльнулся первый пес.

– С гор, наверно, спустилась, – ответил второй. – Их там лучше кормят.

Мне это уже начинало надоедать:

– Пр-рроходите мимо! – сквозь зубы процедила я. – Нахалы!

– Ого! Зубы показывает.

– Ладно, пошли. Нужна была нам эта дикарка!

– И правда дикарка. Даже машин боится. Что с нее взять?

И, гордо задрав хвосты, оба пса отправились восвояси.

Из ворот вышел Ахмат, надел на меня ошейник с крепким ремненным поводком, отвел во двор и привязал к яблоне.

– Посиди пока тут, Гитче, – сказал он и скрылся в дверях дома.

На этом нервотрепка не кончилась. Поначалу я с волнением осваивалась в новой обстановке, принюхивалась к незнакомым запахам, присматривалась к пока еще диковинным для меня птицам – курам, индюкам, гусям. А потом увидела, как двор неторопливо пересекает большой черный кот. Нисколько меня не опасаясь, он проходил мимо в трех шагах и даже не повернул головы в мою сторону. И только раковинка его уха была направлена на меня: когда приближался, ухо торчало прямо, когда поравнялся, скосбочилось. И это меня разозлило. Да и вообще я была взвинчена и раздражена, а тут еще прогуливается этот мерзавец...

Я залаяла и рванулась вперед, насколько хватило поводка:

– Брысь отсюда, дармоед, пока цел!

Я думала, кот пулей бросится наутек, а он вдруг остановился, медленно повернул голову и смерил меня скучающим взглядом желтых ленивых глаз – словно только сейчас увидел! – и спокойненько сел на землю. Впервые на его равнодушной морде появилось нечто вроде любопытства:

– Вы это ко мне обращаетесь?

Я рванулась еще раз и еще: до кота было меньше, чем полшага, но этот прохвост отлично знал о своей недосыгаемости.

– Ну, доберусь! Ну, схвачу! На кусочки! На мелкие кусочки! – Я вся исходила гневом.

– Вы в этом уверены? Мр-р, интересно. Даже любопытно, я бы сказал...

И тут желтоглазый нахал, казалось, отвлекся, забыл обо мне, о страшных моих клыках, сверкающих почти у самого его носа, и с самым заинтересованным видом стал перебирать мягкой лапкой какие-то травинки и щепочки. Более дурацкого положения я в жизни не знала. Из дома выбежал Ахмат:

– В чем дело, Гитче? – он даже не заметил, как мучитель-кот в ту же секунду бесшумно скрылся в высокой траве у плетня.

Я умолкла и обессиленно повалилась на землю.

– Потерпи немного, собачка! Сейчас вынесу тебе поесть.

Он принес мне грудку теплых куриных костей и кусок хлеба.

Кости были восхитительны! Едва я успела их оценить, как на моих зубах хрустела последняя – самая маленькая. За хлеб я взялась уже поспокойнее, но спокойно его съесть мне не дали. Из дома выкатился маленький человечек, видимо, детеныш Ахмата, – ростом не выше меня, толстенький, красноморденький. Переваливаясь с боку на бок на своих коротких и босых ногах, он подбежал ко мне, неожиданно стукнул кулачком по носу, схватил мой кусок хлеба и поднес его ко рту. Я визгливо вякнула не своим голосом. Рассерженная хозяйка выскочила из дверей, схватила своего малыша, звонко шлепнула по тугим окорочкам и потащила в дом. Возле крыльца она остановилась, подняла с земли толстую палку и бросила ею в меня. И снова я жалобно вякнула – больше от удивления, чем от боли. Ну, а брошенный детенышем хлеб я, конечно, доела.

Когда Ахмат вывел меня на улицу и опять посадил в «газик», я была даже рада. Может, меня отвезут домой, к матери?

Нет. Меня отвезли в лесничество, которое располагалось неподалеку от окраины села. Лесничество – это большой двор с тремя или четырьмя домиками внутри, с несколькими сараями и двумя собачьими будками в разных углах двора. К одной из будок меня сразу же привязали.

Долго скучать в одиночестве мне не пришлось. Под вечер во двор въехали две машины, из которых вылезло много людей и три собаки. Увидев меня, собаки подошли к будке, причем сделали это как бы случайно. Они украдкой поглядывали на меня и говорили нарочито громко, чтобы я все слышала. Вели себя с важностью и достоинством, старались показать себя с самых выгодных сторон.

– Тот здоровенный кабан опять мне попался. Уже третий раз в нынешнем сезоне, – сказал красивый пес, который был поменьше остальных. – Опять его упустили...

– Я видел, как ты выгнал секача на просеку, – подтвердил другой. – Охотник-то, из гостей, испугался, не стал стрелять.

– Да, кабан чуть с ног его не сбил. Гость не стал даже целиться, а потом говорил, что далеко, мол, был зверь и виден плохо.

– Бывает, – глубокомысленно согласился второй пес и почесал лапой за ухом. – Зато по косулям они всегда стреляют. Попадают, правда, редко. Вот хоть у Матроса спроси.

Матрос – третий участник сегодняшней охоты – очень крупный и угрюмый кобель – проворчал что-то неразборчивое и, улегшись на землю, повернул голову в мою сторону. Я чуть не вздрогнула, увидев его странные глаза. Один был темно-коричневый, а другой – совершенно белый, за исключением зрачка. Позже я узнала, что бывает порода охотничьих собак с разноцветными глазами – арлекины. У Матроса чистокровным

арлекином был отец, а мать имела довольно темное, полудворняжье происхождение. Однако это не помешало Матросу приобрести высокую квалификацию загонщика крупных зверей. Среди собак и людей он пользовался большим авторитетом и уважением.

Сейчас он спокойно и внимательно разглядывал меня, а я глядела на него. Темно-серая, с черными разводами шкура Матроса в двух местах – на левом боку и на плече – зияла узкими прорехами, сквозь которые были видны розовые шрамы. Еще одна отметина чьего-то острого когтя или клыка украшала его тяжелый серьезный лоб как раз посередине между широкими обвислыми ушами.

– К нам? – коротко спросил он меня.

– Да вроде говорили, что охотиться буду, – ответила я неуверенно.

Два других пса подошли поближе и сели возле меня:

– Так ты еще... новичок?

– Не охотилась ни разу? О-о-о... Еще учиться придется!

– Да ты, кажется, и не охотничья!?

– Думаешь, это просто? Нет, ничего не выйдет!

Матросу надоело слушать болтовню приятелей, и он перебил их:

– Ну, хватит! В лесу посмотрим. Щабух¹ тоже, между прочим, не охотничий, а простая дворняга. Зато работает получше вас, болтунов.

Псы пристыженно замолкли.

– А где этот, который Щабух? – спросила я.

– Выздоровливает, – коротко, но неопределенно ответил Матрос и отправился через двор к другой будке.

Он здесь, в лесничестве, и жил, а «двух болтунов» в тот же вечер куда-то увезли.

Ночью мне снились кошмары. Я то и дело просыпалась, дрожа всем телом и лязгая зубами.

Утром уехал мой хозяин Ахмат. Он весело и в то же время грустно попрощался со мной, предварительно познакомив со своим братом-лесником, с которым они были похожи, как два новорожденных щенка одной масти. Только имя у лесника было другое – Ибрагим, да совсем другие запахи. От Ахмата пахло овцами, дымом и сыром, а от Ибрагима – лошадьми, табаком и сыростью. Ну, а собаками несло и от того и от другого.

В первые дни (и особенно ночи) я тосковала по своей родной ферме, хотя и нельзя сказать, что новое место мне не понравилось. Во дворе полно разной живности, а кругом лес со своими заманчивыми тайнами и загадками, которые мне не терпелось поскорее раскусить.

Первую свою охоту я не смогла бы забыть, даже если б очень старалась это сделать...

¹ Щабух – белоногий (кабардинск.).

Выехали мы рано, затемно. Матрос и я сидели в «газике», который вмещает восемь егерей-лесников, да еще может вобрать в свое чрево четырех собак. На этот раз, правда, с нами не оказалось тех двух псов, с которыми я познакомилась несколько дней назад. Они не приехали. Видно, у них не было времени. Ну, а у Щабуха еще не срослась сломанная передняя лапа.

Вслед за нашей машиной прокрадывался сквозь туманную мглу такой же зеленый «газик» с гостями-охотниками. Дорога была извилистая и тряская, колеса скользили в глубокой грязи, и моторы ревели во всю мощь луженых плотов. Я испытывала невыносимую тошноту от мелкой дрожи твердого днища и ужасной вони того отвратительного пойла, которое булькало в утробе автомобиля.

Двигались медленно и долго. Когда же машины наконец остановились и замерли, было уже светло. Однако туман не рассеивался. Он затопил своей белесой сыростью все окрестности, сожрал оба конца дороги и размыл очертания ближайших деревьев, уже успевших потерять больше половины желто-рыжей листвы.

- Не очень подходящая погода для охоты, – сказал один из гостей.
- Ничего, туман скоро поднимется, – неуверенно возразил лесничий.
- Непохоже, – ответил гость.

Егерь Ибрагим и его товарищи загонщики скромно молчали. Мы с Матросом тоже не вмешивались в разговор.

Тогда самый большой и толстый охотник (наверно, главный гость, потому что все выжидательно посмотрели на него) веско заявил:

– В любую погоду и зверь, и охотник находятся в равном положении. Хуже слышит и видит стрелок – хуже слышит и видит зверь. Раз плохая видимость, – значит, кабан будет подходить к засаде ближе.

Итак, решено было начинать охоту. Вперед выступил лесничий и произнес традиционную вступительную речь:

– Стрелять будем кабана и косулю. Только не бейте козу, ее легко отличить от самца, она без рожек. А у козла вы обязательно увидите рога – вот в него и стреляйте. Здесь иногда встречается медведь. Его мы разрешили стрелять только нашему уважаемому гостю из Москвы. У Николая Николаевича и оружие серьезное – карабин крупного калибра. Вот он пусть и стреляет, а больше никто. Напоминаю правила: стрелять только по ясно видимой цели: с места засады не сходить, хоть вы убили, хоть ранили зверя – все равно ждите сигнала отбоя. И еще хочу попросить всех – картечь в стволы не класть. У нас во всем лесохозяйстве такой порядок: стрелять только пулей. Картечью, конечно, легче попасть по бегущему зверю, но она плоха в другом отношении – разлетается, может поранить гайщика, а если даже вся попадает в кабана, то почти всегда получается подранок.

– Понятно!

– Разумеется!

– Правильно!

Все с готовностью соглашались неукоснительно соблюдать условия предстоящей охоты. Лесничий помолчал немного и добавил:

– Мы стоим сейчас на краю большого чегемского «котла». Эта глубокая впадина имеет километра три в длину и полтора в ширину. Здесь пологий спуск, и засада станет – сколько нас – застрельщиков? раз, два, четыре – каждый метров двести друг от друга, на этом краю «котла». Загонщики обойдут кругом, на противоположном конце спустятся в «котел» и с хорошим «гаем» двинут в нашу сторону, на застрел, значит. Всем ясно? Ну, давай, Ибрагим, идите. Перед началом дашь выстрел. Понял?

– Ага!

Охотники остались на месте, а егеря и мы с Матросом, единственные, кто не получил никакой инструкции, быстрым шагом засеменяли в туман.

Да, кажется, Матрос и не нуждался в инструкции. Он и шел без поводка. А меня вел Ибрагим. Я волновалась: что-то будет? Лесничий столько раз повторил слово «стрелять», что я заранее зажмурилась.

Когда гайщики пришли на исходное место и разбрелись в стороны, а Ибрагим отцепил поводок с моего ошейника и громко бабахнул из ружья в небо, я твердо знала лишь одно: нужно найти зверя... А вот как действовать дальше?... Подсказки я не получила даже от Матроса. Опытный пес, весь такой деловитый, сосредоточенный, посмотрел направо, затем налево и неспешной рысью побежал в заросли.

– Иди и ты, Гитче! – сказал Ибрагим. – Ищи, собачка! Ищи. Покажи, на что ты способна. Ищи!

Углубившись в чащу, где в ветвях кустарника и густого подлеска бестолково путались клочья густого мокрого тумана, я немного растерялась. Как искать? Как выглядят эти звери, какой у них запах?

Меня обступало множество разных запахов, но все они были вялые, слабые, приглушенные туманом, как и доносящиеся до моего слуха крики загонщиков. Более ощутимым для ноздрей было присутствие мышинных норок, гниющих диких груш, каких-то кислых ягод. Иногда – птичьего помета. Я побежала быстрее, задевая боками стебли квелых лопухов и полусохших папоротников, цепляясь ногами за привязчивые побеги ежевики, беспорядочно расстилающиеся по мягкой земле.

Тихий неподвижный лес пропитан сыростью от корней деревьев до самых верхушек, еле различимых в тумане. Сырость лежит на траве, на упрямых, еще не полегших бурьянах, сырость капает со сморщенных листьев орешника и калины, сырость струится по густому меху моей шкуры. Сырость заползает мне в душу...

Тихо в лесу. Не слышно даже птичьих голосов. Лишь изредка прорывается сквозь завесу тумана далекое и беспомощное «Ого-го-о! Эге-

ге-эй!» Очень отстали от меня гайщики. Совсем я одна осталась. Хоть бы кошка встретилась...

Я остановилась возле мелкого узенького ручейка с почти стоячей водой. Подумала немного и перепрыгнула на другой берег. И вот здесь, в эту секунду, раньше, чем коснулся моего носа звериный дух, я каким-то непостижимым собачьим сверхнюхом почувствовала близость встречи с грозным, сильным и враждебно ко мне настроенным животным. Я застыла на месте, вся превратившись в одну большую и чуткую ноздрю. Нет, запаха пока не было. Шороха тоже. Но вместе с мягким холодным воздухом проникали прямо в мое нутро невидимые и непонятные струйки страха, ненависти и гнева, которые смешивались и загустевали где-то между сердцем и желудком. Я сделала несколько осторожных бесшумных шагов, поднялась на маленький бугорок. Тотчас же меня окатила теплая и легкая волна незнакомого, но именно такого запаха, какой я почему-то и ожидала учуять. И теперь я уверенно и даже с изрядной долей жадного нетерпения и любопытства поспешила сквозь призрачное облачко испарений горячего звериного тела.

Поперек своего пути я скоро увидела чуть заметную тропу с множеством глубоко вдавленных в рыхлую сырую землю следов, напоминающих отпечатки телячьих копыт. Только мне было предельно ясно, что никакой Мухтар сюда телят не гонял. Следы похожи, да не очень. Полуовалы раздвоенных копыт сильно заострены и вытянуты вперед. Они вдавлены в податливую почву так, будто их обладатель ходит на цыпочках: передняя часть копыта проваливается сильно, а задняя чуть-чуть. Запах, конечно, стал вполне отчетливым: это – легко запоминающаяся сладковатая смесь лесных орешков, разогретого жира, старой сыромятины и теплого чернозема.

Стоп! А это что такое? Рядом с тропинкой я увидела неглубокую яму, на дне которой поблескивала мутноватая вода. По краям ямы – те же следы, а на ее узких пологих скатах грязь аккуратно приглажена. Чья-то большая и тяжелая туша совсем недавно ворочалась в этой «ванне», и на гладкой грязи были хорошо заметны отпечатки грубой щетины. От воды еще поднимался прозрачный парок. С необычным чувством охотничьего возбуждения я побежала дальше.

И все-таки встреча оказалась для меня неожиданной. Выскочив из мелколесной гущины на небольшую полянку, я чуть не врезалась в целое стадо неведомых темно-серых зверей. Массивные тела на коротких ногах, высокие холки, скошенные зады, удлиненные злые морды – два или три зверя были намного выше меня ростом, – а все остальные ниже. Еще не зная, как теперь вести себя, я громко и сердито залаяла. Кто-то из кабанов (конечно, это были кабаны!) встревоженно хрюкнул, и вся компания, которая только что безмятежно копалась в земле, дружно бросилась удирать. Вот звери пересекли полянку и с хрустом вломились

в кусты на противоположной ее стороне. Испугались? Меня это и воодушевило, и разозлило одновременно. Бегать я умела очень быстро, и мне ничего не стоило догнать кабанов, уже вытянувшихся в цепочку на какой-то ими же, вероятно, набитой тропе. Одного из свинячьих недорослей я куснула (для пробы) за ляжку и приготовилась повторить этот прием, когда табунчик вдруг разделился на две части и помчался по двум разным направлениям.

Самый большой кабан освободил меня от необходимости принимать решение: он остался на месте. С разбегу я проскользнула мимо него и услышала, как у меня над самым ухом щелкнули страшные клыки. Резко повернувшись, я остановилась. Кабанья харя уже смотрела в мою сторону. Лютая ненависть застлала мои глаза, и я бросилась на лесное чудище с намерением вцепиться в его тупое рыло. Кабан сделал шаг навстречу, и вдруг я ощутила сначала острую боль в груди, а потом почувствовала, как все мои четыре лапы оторвались от земли и я взлетела в воздух. Инстинкт подсказал мне, что залеживаться на земле сейчас опасно – живо поднялась на ноги и отпрянула как раз вовремя. Секач промахнулся, а я, оказавшись на какую-то долю секунды чуть левее и сзади, прыгнула, прокусила ему ухо и проворно отскочила за толстый ствол дерева. Зверь опять бросился на меня, но я теперь стала поосмотрительнее. Резво увернулась и попыталась куснуть проносившуюся мимо меня тушу за мощную ляжку. Где там! Зубы мои только скользнули по крепкой, как сапожная подошва, шкуре, и во рту остался лишь клочок колючей, противной на вкус щетины, мокрой от пота и жидкой грязи. И снова кабан очертя голову ринулся в атаку, потом еще и еще – но каждый раз безуспешно. На губах зверя появилась пена, обе пары загнутых кверху клыков отвратительно скрежетали и клацали, вместе с горячим паром дыхания вырывались у него наружу какие-то жуткие утробные вскрипы. Я постоянно чувствовала режущую боль в груди, кажется, струилась по шерсти кровь, но еще не было у меня ни секунды времени, чтобы взглянуть на рану и хоть чуть-чуть прилизать ее.

Я лаяла, лаяла, лаяла и вкладывала в этот лай столько злобного ожесточения, азарта кровавой драки и столько желаний повергнуть врага в пучину отчаяния и страха, сколько никогда еще не знали мои голосовые связки. И вдруг я услышала, как где-то довольно близко раздался глухой басовитый лай Матроса. В первое мгновение я подумала, что он спешит мне на помощь, но тут же поняла свою ошибку. Матрос гнал другого зверя (или других зверей) и не в мою сторону, а в противоположную. Не успела я огорчиться по этому поводу, как услышала далеко позади себя крик одного из гайщиков, затем второго и – едва различимый из-за тумана и расстояния – знакомый голос Ибрагима:

– Гоу-у! О-о-о-й!

Кабан замер, прислушался, и не торопясь затрусил вправо, не желая ни встречи с Матросом, который был впереди, ни встречи с людьми, которые приближались к нам с тыла.

Я обрадовалась, хотя до сих пор не знала, что должна делать с этим грозным секачом: либо удерживать его на месте до подхода гайщиков, либо сопровождать с громким лаем. А может, задачей охотничьей собаки является смертельная схватка со зверем? В эту свою первую охоту я совсем не помнила об ожидавших в засаде стрелках, хотя по быстро удаляющемуся лаю Матроса можно было бы догадаться, что опытный пес не останавливает, а гонит добычу. И гонит по четко определенному, хорошо ему известному адресу. Мне надо было последовать его примеру, но столь простая мысль так и не пришла в голову. Страшно подумать, какие глупости я, – в сущности, ведь умная собака! – делала в этот день, как рисковала своей жизнью! Опять и опять я обгоняла секача и становилась на его пути, заставляла бросаться на меня, крутилась вокруг него, то хватаясь зубами за твердую, как полено, заднюю ногу, то ухитряясь рвануть за ухо.

Постепенно мы отошли на порядочное расстояние от той полянки, где столкнулись впервые, а путь проделали нелепо извилистый, хотя на большей его части лес был уже совсем не таким густым, как вначале. Еще немного, и мы оказались под кронами огромных деревьев с толстыми светло-серыми стволами. Здесь почти не было ни подлеска, ни кустарника. Землю устилал толстый слой красновато-бурых опавших листьев. Кое-где рассыпались черными комьями пласты вывороченной земли – «покопы». Это поработали дикие свиньи, промышлявшие плоды чинар-исполинов: маленькие сладкие орешки.

В небольшой впадинке застоялась дождевая вода. Запаренный от беготни и ярости кабан устало плюхнулся в это «мазиво», обдав меня грязными холодными брызгами. Лаять я на минуту перестала – передышка была очень кстати. Не без любопытства я понаблюдала, как секач ворочается в луже, попеременно укладываясь то на один бок, то на другой. Потом я разглядела у себя рану от кабаньего клыка. В нижней части груди, поближе к левой лапе, была продолговатая, но не очень глубокая дыра в шкуре. (Ничего страшного, однако шрам останется, хотя клык лишь слегка зацепил меня.) Я снова залаяла:

– Вставай, зверюга! Разлежся тут!

Кабан засопел и стал медленно приподниматься:

– Убью... С грязью смешаю!...

– Ух, морда! У-у, рыло!! Не отстану, пока не сдохнешь!

Уже в который раз он ринулся вперед, мечтая распороть мое брюхо, переломать кости и втоптать в землю все, что от меня останется. Но свирепый секач уступал мне в ловкости и находчивости. Не успел он обернуться, как я снова оказалась позади него и что было сил рванула его

за хвост. Больше он не делал попыток расправиться со мной, а во весь дух помчался по лесу. Теперь мне уже не удавалось его останавливать: он просто бежал, не обращая внимания на мои укусы.

Незаметно растаял туман. Прозрачный лес, где так просторно было стволам высоких чинар, просматривался отлично. Неожиданно близко раздался лай Матроса, до этого прерванный затянувшейся паузой. Гораздо отчетливей доносились теперь и голоса гайщиков, медленно, но верно наступающих сзади.

И вдруг откуда-то сбоку, где только что лаял замолчавший снова Матрос, прогремел гулкий выстрел:

– Ба-бах!!!

От краев «котла» ему ответило двойное или даже тройное эхо.

Грохнул второй выстрел, и эхо снова заметалось между стенками огромной впадины. Трудно было определить, где стреляют. Кабан резко затормозил, стал, как вкопанный, и я налетела на него с рычанием и визгом, и на этот раз мне, кажется, удалось прокусить его толстую кожу на ляжке. Секач тряхнул окороками и помчался, чуть изменив направление, дальше.

Новый выстрел рывкнул совсем уже рядом, я даже ощутила запах порохового дыма. Секач резко свернул в сторону и побежал медленнее. Но что это? Из обоих его боков, вправо и влево хлещут фонтанчики алой крови! И струйки крови становятся все толще, слышно, как в глотке у зверя что-то клопочет, свистит и булькает, а сам он пошатывается на бегу. В этот момент я увидела охотника, который, подняв ружье, прицеливался в тяжелораненого, пробитого насквозь секача.

Когда раздался выстрел, кабан уже двигался почти шагом, а я чуть ли не ехала на нем верхом. Два раскаленных жала вонзились мне в правую заднюю ногу. Это было невыносимо страшно и больно. Пронзительные мои вопли заполнили весь лес. Потом боль немножко отпустила, и я перешла на негромкий, но очень тоскливый и жалобный скулеж. Я скакала при этом на трех ногах и вертелась волчком. Вдруг, вспомнив о кабане, остановилась и притихла. Бездыханный зверь лежал в нескольких шагах от меня. Тогда я осторожненько села на землю и принялась зализывать раны.

Подошел Матрос и тоже лизнул несколько раз мою ногу.

Подошли усталые гайщики. Ибрагим внимательно осмотрел меня и сказал:

– Две картечины. Сквозные. Слава Аллаху, кость цела.

– Смотри, Ибрагим. – Один из егерей присел на корточки передо мной. – Гитче и от кабана досталось.

– От кабана – это чепуха! – махнул рукой хозяин. – Память от кабана – это нормально. Память от неумелого охотника – это нехорошо.

Подошли все охотники, в том числе и тот, неумелый. Меня хвалили, жалели, ласкали. У кого-то оказался пузырек с темной пахучей жидко-

стью, которой смочили мои раны. Сначала сильно щипало, я дергалась и плакала, но скоро кровь перестала течь и острое жжение унялось. Больше всех суетился вокруг меня Неумелый. С виноватым видом он посматривал на остальных и неуверенно оправдывался:

– Даже не знаю, как завалился у меня в кармане этот патрон? Все были пули, и вот надо же! Я и внимания не обратил, что это картечь...

Никто его не осуждал, но и не утешал.

Самый главный и самый толстый охотник (это он сделал первый выстрел по моему кабану) сказал только:

– Мое попадание было смертельным. Не нужно было вообще стрелять второй раз. Тем более что ни одна ваша картечина в зверя не попала. Я уже осмотрел тушу. А как зовут собаку?

– Гитче ее зовут, – ответил лесничий.

– А что это значит?

– По-балкарски «Маленькая».

– Ничего себе «Маленькая»! Да она гораздо больше любой лайки. Вон даже этому арлекину почти не уступает в росте.

– А знаешь, Ибрагим, – обратился лесничий к моему хозяину. – Давай и в самом деле переименуем собаку. Дадим ей в честь боевого крещения настоящую охотничью кличку. Не возражаешь?

– Не возражаю. «Картечь» – так и назовем.

Охотники шумно одобрили мое новое имя:

– Молодец, Ибрагим!

– Хорошо придумал!

– Очень подходящее имя!

– И вполне заслуженное.

Лесничий наклонился, погладил меня по голове:

– Заслужила, заслужила... В первую же охоту такого секача подняла! Килограммов на двести. Ну и пострадала за него, бедная!

– Картечь, умница, – главный охотник тоже наклонился и легонько потрепал меня за ухо. – Картечь... Отличное имя!

На этом охота закончилась, тем более что два первых сегодняшних выстрела уложили небольшую свинью, которую выгнал на засаду Матрос.

Возле машин, где охотники расположились перекусить, меня в первый и последний раз в жизни угощали вареной индюшатиной (не костями, а, поверите ли? мясом!) и жирной, невыразимо вкусной колбасой.

Нет, никогда мне не забыть своей первой охоты!

Кусочек второй

Ну что ж! Дело, кажется, идет на лад. Трудно бывает начинать. Кусок не сразу дается в зубы, но, ухватившись как следует, я держу его мертвой хваткой. Правда, не без того, чтобы некоторые крохи не

падали на землю. Вот и Щабух у меня где-то вывалился. А ведь о нем стоило рассказать подробнее. Например, как ему, простому дворовому псу, никогда не имевшему ни родственных, ни дружеских связей с чистопородными собаками, удалось сделать блестящую охотничью карьеру. Такой маленький, весь беленький, хотя имя Щабух говорит лишь о цвете конечностей, он сумел показать себя на редкость удачливым и сообразительным загонщиком крупного зверя. Ума в голове Щабуха было так много, что во время охоты столько и не требовалось. Излишки он тратил на сочинение стихов. И поиски рифмованных строк обычно увенчивались таким же успехом, как и поиски кабана, косули или медведя. Кстати, о той заварухе, из которой Щабух выкарабкался на трех ногах, у него есть длинное и даже, я бы сказала, весьма продолговатое стихотворение. Но тут я – уж и забыла когда – сделала упущение. Вернее, два упущения. Упустила из памяти, обронила где-то в одном из бесчисленных гаев (наверное, в результате нервной встряски) оба конца стихотворения – и передний и задний. Осталась у меня только серединка, да и то края у нее были изрядно обтрепаны временем и замызганы склерозом. Еле-еле восстановила их в первоизданном виде. Вот, пожалуйста:

*Ранен кабан – будь осторожен:
Зверски клыки у зверя остры!
Но упускать его ты не должен,
Шкуру свою не прячь в кусты!
Старый секач споткнулся на склоне,
Я под тушу его угодил.
Хрустнула кость при переломе:
Зверская боль! Я зверски завыл...*

Помню, я предлагала Щабуху назвать его произведение «Зверская заваруха», но он отказался. Говорил, что «заваруха» не поэтическое слово. А мне оно нравится. Напоминает котелок, булькающий на костре.

С Щабухом я долго работала вместе, начиная со второй моей охоты, когда у него уже срослась кость, а на мне «засохли, как на собаке», мои почетные травмы. Одновременно с быстрым заживлением ран, приживалось к бывшей Гитче и новое имя – Картечь. Вскоре оно прижилось накрепко – зубами не отдерешь.

К концу сезона я уже имела славу первоклассной охотничьей собаки, ни в чем не уступающей Матросу и Щабуху. Напротив – Матрос был, по сравнению со мной, несколько медлителен, а Щабух – из-за своей несолидной комплекции – не мог внушить крупному зверю должного чувства страха. А вообще жили мы дружно, и любой из

нас, не задумываясь, бросился бы выручать товарища из какой угодно заварухи. Вот прицепилось словечко! Ну, как репей к хвосту! Его частенько роняет один из больших охотничьих людей. (Не репей, конечно, а слово.)

Чегетович (так зовут большого охотничьего человека) иногда произносит и другие слова, от которых я прихожу в восторг. И не только я, но и друзья Чегетовича с удовольствием повторяют эти яркие изречения. Если, например, гай прошел впустую, то кто-нибудь из охотников обязательно скажет:

– Время на коту хвост бросали, как говорит Чегетович. Ну, ничего, зато в следующем гаю все будет в абажуре!

Что такое «абажур», мне выяснить не удалось. Но само это слово, я полагаю, столь же красиво и блестяще, как золотые зубы Чегетовича.

Кажется, «кусочек второй», получается каким-то неудобоваримо-неоднородным, излишне хрящеватым и жилистым. Сначала взяла собачий след, а потом неожиданно вышла на охотничьих людей... Почему же так получилось? Ага, вспомнила! Я хотела сказать, что с Щабухом меньше чем через год после знакомства мне пришлось расстаться навсегда, а с Матросом довелось еще раз поработать лишь много сезонов спустя. Что же касается Чегетовича, то судьба свела меня и с его младшим братом, которого называли то Мишей, то Михаилом. И эта встреча внесла новое изменение в мою жизнь. Михаил увез меня из лесничества навсегда. Тогда я думала, что он стал моим очередным хозяином. И ошиблась. Меня прикомандировали к нему всего на несколько дней его отпуска. Затем он должен был доставить меня на центральную усадьбу всего нашего лесохотничьего хозяйства. Ставшую довольно знаменитой Картечь собирались сюда перевести уже давно. Повысить, как говорится, в должности.

Всего этого я еще не знала, когда Михаил и его друг Иосиф, который был родом с южной стороны Главного Кавказского хребта, приехали за мной к Ибрагиму.

Ибрагим гостеприимно встретил своего дальнего родственника Михаила, прославленного горвосходителя и крупного охотничьего человека, специалиста по турам, с которыми мне еще предстояло познакомиться. Обрадовался он и знакомству с Иосифом, человеком заметно постарше Михаила, но таким же прославленным альпинистом, до сих пор с легкостью серны ходившим по заоблачным склонам во главе спасательного отряда. Приветствуя гостей, Ибрагим взглянул как-то ненароком на меня и грустно вздохнул.

Скоро мне сказали, чтоб я собиралась в путь.

Об этой поездке пойдет речь в третьем куске.

Кусок 3

КАК МЕНЯ ВТРАВИЛИ В НЕСОБАЧЬЕ ДЕЛО

С трудом распрощавшись с Ибрагимом, который не хотел отпускать нас «так скоро», мы уже пошли было к автобусу, но тут подвернулось новое препятствие. Твердо и неумолимо, как егерь браконьеру, Мише преградил дорогу еще один его родич, возвращавшийся из города на своей ободранной и полинявшей машине рыжевато-серого цвета. Решительно сломив упорное сопротивление Михаила и отмахнувшись от кротких извинений застенчивого Иосифа, этот легконогий щупленький горец, быстро затолкав нашу компанию в свой автомобиль, вонзил в него шпоры и во весь бензиновый дух погнал по неровной дороге.

Так и получилось, что поехали мы не вниз, а вверх по ущелью, в самое отдаленное высокогорное селение. Миша еще пытался «после драки скрести землю лапами», хотел убедить своего дядю, что бывают дела и поважнее, чем веселое застолье у любимых родственников. Мухтар – так звали дядю – отделялся шутливыми репликами и еще решительнее подгонял своего обиженно ревущего четырехколесного зверя.

На крутых поворотах узкой каменистой дороги, слегка присыпанной свежим осенним снежком, машина стонала и кряхтела, а на прямых участках, где можно было заставить ее бежать быстрее, тряслась, будто в страшном испуге, и отчаянно громыкала своими помятыми железными боками.

Тут я стала засыпать, свернувшись калачиком на переднем сиденье. Меня устроили рядом с Мухтаром, потому что правая передняя дверца когда-то заклинилась и уже долгое время ее не мог открыть ни один механик. А стекла в проеме дверцы, через который меня просунули в кабину, разумеется, уже не было. Мелкая снежная крупа сыпалась и сыпалась потихоньку через окошко, и я чувствовала ее холодные осторожные укольчики на ушах, на носу, в прорезях сомкнутых век...

Я проснулась от внезапно наступившей тишины и неподвижности. Машина остановилась на просторной поляне у развилки ущелья и бокового каньона с крутыми скалистыми склонами. С одной стороны доносилось сдержанное ворчание реки, которая текла здесь почти вровень с краем дороги – высота берега не превышала собачьего роста – с другой

стороны я слышала оживленную болтовню – скороговорку быстрого ручья, впадающего в реку.

Я уже успела проголодаться, хотя ни мой сегодняшний хозяин Михаил, ни его друг Иосиф, ни его дядя Мухтар, кажется, и не помышляли об обеде. Правда, до середины дня еще далековато, но и от «завтрака» мы уже отъехали порядочно. Да и какой это завтрак? Люди сидели, конечно, за столом, полным всякой вкуснятины и неторопливо убирали ее в свои желудки, а я мыкалась туда-сюда перед раскрытой дверью комнаты, надеясь, что вспомнят и обо мне. Вспомнили, но поздновато. Не успела я проглотить и пару кусков, как меня потащили сначала в одну машину (ехать в город), потом в другую – в мухтаровскую «ласточку» (ехать в противоположную от города сторону). И вот теперь мы остановились здесь, в горах, и не так уж близко от человеческого жилья: тут уж мой нос не ошибается! Мужчины, окружили переднюю часть автомобиля, раскрыли настезь его смердящую пасть, озабоченно копаются внутри.

Вдруг я почувствовала, как те самые, давно знакомые, но никогда не видимые, чуткие беспокойные блошки весело запрыгали у меня в крови, поскакали наперегонки по всем жилкам и прожилкам, и легкая дрожь радостного волнения мгновенно охватила все мое тело – от верхушек ушей до кончика хвоста. Это был верный признак того, что в голове у моего нового хозяина зарождалась идея охоты. Таинственно-необъяснимые токи еще неокрепшей его мысли уже дошли до меня. Вот он поднял взгляд к скалистому гребню одного из высоких склонов узкого каньона, и я тут же выпрыгнула из машины. Только теперь, перехватив изучающе-мечтательный взгляд своего неугомонного друга, Иосиф начал о чем-то догадываться:

– Миша! Ты зачем, а? – с опаской спросил он.

– Время все равно девать некуда... – задумчиво протянул хозяин. – Мухтар тут не меньше двух часов провозится...

– А лицензия?

– Лицензия лежит у меня дома. Завтра ведь мы и так собирались на охоту. Правда, совсем в другое ущелье... А туры водятся и здесь. Я потом вышлю егерю свою лицензию из города.

– Эй, племянник! – начал Мухтар. – Кто же в такое время суток поднимается на туров, а? Надо ведь еще до рассвета, а? Так всех распугаешь.

– Занимайся, дорогой дядя, своим карбюратором и не беспокойся о нас. Не забывай, что мы не только охотники, но и альпинисты. И не просто альпинисты, а международные мастера спорта. Мы поднимемся к скалам так быстро, бесшумно и скрытно, как и не снилось самому знаменитому браконьеру.

Пока хозяин вытаскивал из машины длинную винтовку, бинокль, толстые пуховые куртки бледно-голубого цвета, я немного осмотрелась. Сквозь слоистые мутно-белые облака робко просачивался мягкий солнеч-

ный свет, и его пятна, похожие на размытые желтые кляксы, то медленно ползали по склонам и верхушкам скал, то пропадали, то появлялись в других местах; а места эти были совсем не такие, в каких мне случилось охотиться. Во-первых, я не видела леса. По обрывистым берегам ручья рос только редкий кустарник, совсем не похожий на заросли, где могут обитать кабаны, косули или другие известные мне звери. Прямо от кустарника поднимались крутые горные склоны, покрытые снегом. Во-вторых, запах здесь оказался каким-то особенным: ласкал мои ноздри прохладный аромат не известных мне трав, аромат, растворенный в таком чистейшем воздухе, каким, казалось, никогда не надышишься. И еще я чувствовала своим внутренним собачьим чутьем, что диких зверей поблизости нет. Правда, я угадывала присутствие в этой округе домашних животных – овец, коз, лошадей... и кого-то еще... Нет, это не олень... Может, особая разновидность козы? Я вспомнила шкурку в доме прежнего хозяина. Огромные рога в сарае. Изредка возникавший во дворе запах незнакомого мяса. Кости... А этот разговор Михаила с Мухтаром? Ага! Значит, я встречу сегодня с живыми турами! Вот чьи невидимые призраки витают в морозном воздухе высокогорья!

Мои охотники облачились в пуховые куртки и надели на головы белые вязаные шапочки: Миша взял винтовку и бинокль, а Иосиф прицепил к поясу нож и навьючил на себя вместительный, но почти пустой рюкзак, в который положил только крепкую веревку да фляжку с айраном.

– Мухтар! Часа через два начинай жечь костер, – сказал хозяин. – Шашлычок мы все-таки поедим здесь. Как раз и за дровами далеко не ходить... – Он обернулся к другому краю поляны, где стоял дощатый сарайчик, поставленный еще летом косарями. Рядом с сарайчиком лежала груда поленьев.

– Хорошо! – мотнул головой Мухтар. – Идите, да скорей возвращайтесь.

Не успели мы пройти и четырех шагов, как я услышала окрик хозяина:

– Эй, Картечь! А ты куда? Назад!

От удивления я так и села. Что значит «куда»? Охота – и без меня?!

– Как ей объяснить, что на туров не охотятся с собакой? – спросил Миша.

Дядя Мухтар расхохотался:

– Скажи ей, что не всякого зверя стреляют картечью.

Я не хотела верить своим ушам и даже заскулила от досады.

– А может, возьмем собачку? – спросил Миша.

– Не дури, парень! Вернешься без добычи, – серьезно возразил Мухтар. – Привяжи ее лучше к машине.

– Нет, надо попробовать, – теперь уже заупрямился хозяин. – Иосиф, давай попробуем?!

– Никто еще не пробовал... – пожал плечами Иосиф.

– Тогда мы будем первыми! – решительно заявил Миша. – Пошли, Картечь!

Мухтар выразительно покрутил отверткой около правого виска и покачал головой.

А мы уже двинулись в путь по узенькой тропке, змеившейся вдоль быстрого ручья. Михаил впереди, я – следом. Иосиф – позади.

Тропинка ползла выше и выше, постепенно все глубже зарываясь в снег, пока совсем не исчезла. И тогда хозяин остановился, приставил к глазам эту странную штуку, которая называется биноклем, и задрал голову кверху. Подумав немного, он сказал:

– Будем подниматься здесь.

Наклонившись вперед и высоко поднимая колени, он медленным размеренным шагом пошел по крутому склону. Я удивилась, но не подала виду. Мне казалось, что мы должны прийти к какому-нибудь лесу, а получалось наоборот: лезли вверх, к далеким скалам, по гребням которых гуляли молочно-белые облака. Ни деревьев, ни кустарников там не было. Взорам открывались только обширные безжизненные пространства. Мои лапы скользили по тугим пучкам длинной альпийской травы, припорошенной снегом и схваченной первым хрустким морозцем. Сейчас я уже явственно чувствовала запах, напоминающий запах той самой шкурки, изредка наступала под мягким пушистым снегом на россыпи твердых горошин, почти таких же, какие сыпятся из-под куцых хвостов домашних коз. Однако многое было мне пока непонятно.

А поднялись мы уже высоко. Совсем маленькой, не больше соседской кошки, казалась машина, еле различимая далеко внизу, а ручей стал похож на оборвавшуюся и упавшую на землю бельевую веревку. Почему-то я успела устать и теперь – уже в буквальном смысле – никак не могла надышаться чистейшим и уж очень каким-то легковесным горным воздухом. Я далее забыла про голод. Больше всего мне хотелось лечь и полежать хоть немного.

А мои охотники шли, шли и шли, как заведенные, не останавливаясь и не сбавляя шага. В жизни не встречала таких одержимых и неутомимых людей! Неужели их выносливость не уступает собачьей? Не может быть. Небось, скоро высунут языки и начнут лизать снег!

Наконец Михаил остановился. Но не потому, что устал. Ему опять надо было осмотреться. Однако Иосиф его опередил:

– Вижу. И бинокль не надо.

– Ах, черт! А я не туда смотрел, – Михаил, кажется, был уязвлен тем, что не он первый обнаружил туров.

Они прилегли за большим валуном и стали наблюдать. Я же ничего живого не видела. И, наверное, эти треклятые туры были еще так далеко, что при боковом ветерке я не могла их учуять. Охотники посоветовались и наметили себе маршрут: так как туры находились выше и левее нас, надо было отойти немного вправо, где пролегла гряда крупных камней, и, прячась за этой грядой, подняться выше. Хребет широкой дугой изгибался влево и в своей верхней части довольно близко выходил к стаду, о котором толковали мои охотники.

Через несколько минут мы уже бесшумно пробирались вдоль хребта, оскалившего острые гранитные клыки. Михаил и Иосиф долго шли согнувшись, и вскоре вся наша компания стала на четвереньки: последний, наиболее крутой участок пути давался с большим трудом.

Огромные каменные стены, в которые упирался травянистый склон, были совсем рядом, когда хозяин остановился, подполз к краю узкого гребня и осторожно высунул голову, будто заглядывал через забор. Иосиф лег рядом с Мишей, а я втиснулась между ними и тоже посмотрела в ту сторону. И вот – о грезе собачьи, восторги щенячьи! – я вижу четыре, и еще четыре, и еще много раз по четыре крупных и ужасно рогатых, диких и ужасно серо-бурых зверей! Совсем близко (Михаил, неторопливо заряжая винтовку, пробормотал: «Метров сто пятьдесят, ближе и не надо»), в неглубокой, защищенной от ветра котловине, где копытами туров был вытоптан почти весь снег, спокойно паслось стадо, пощипывая белесо-рыжую траву.

И тут я не выдержала. Будто неведомая сила подбросила и толкнула меня вперед: забыв про усталость и бешено колотящееся после подъема сердце, я с громким отрывистым лаем кинулась на стадо. Дура, я совсем забыла, что это не кабаны, которых ждут в засаде охотники, что гоню зверей я не от загонщиков, а от самих стрелков!

– Картечь, назад! – услышала я за своим хвостом запоздалый возглас, но куда там!

Правильно говорил наш поэт Щабух:

*Чтоб кости мозговой
Мне в жизни не видать,
Нельзя при виде зверя
Собачью прыть сдержать!*

Кстати, и туры показали неплохую прыть: не успела я добежать до этого вытоптанного пяточка травянистого склона, как последние из стада переваливали через бугорок и, под пронзительный свист жожака, скрывались из глаз. Я помчалась вдогонку. Выскочив на гребень бугра, увидела, как стадо, которое уже растянулось в цепочку, на огромной скорости несется вверх по склону к едва заметному проходу между скальными

стенами на самой вершине горы. Я продолжала преследование, хотя и понимала, что по головокружительным каменистым склонам, да еще почти по брюхо в снегу, мне за этими сильными и резвыми животными никак не угнаться. Стадо уходило все дальше и выше, и мой захлебывающийся от одышки лай, который уже вероятно туры и не слышали, мне самой казался в этот момент жалким и смешным.

И вдруг – о чудо! Я и не смела о таком мечтать – сразу же за беспорядочной грудой гранитных обломков, всего в нескольких шагах от меня в узкой расщелине, замеченной коварным снегом, барахтался большой тур с огромными изогнутыми рогами. Он делал бешеные усилия, пытаясь выбраться из ловушки, а его передние копыта, хоть и цеплялись за края ямы, но после очередного отчаянного прыжка снова и снова обрывались, и массивная туша матерого козла бессильно сползала вниз. Конечно, я подбежала к самому краю расщелины и подняла громкий лай. Я и торжествовала, и злилась, и пугала зверя, и давала сигнал охотникам. Старый тур утратил усилия и один раз чуть было не выпрыгнул из ямы, но я с такой яростью бросилась ему навстречу, что он инстинктивно отпрянул и опять свалился в свою снежную ловушку. Кажется, тур вытряс из себя все остатки энергии и на какое-то время успокоился. Он мелко подрагивал, глаза его налились кровью, с мокрой морды падали хлопья пены. Пронзительный козлиный дух ударил мне в нос. Ноги мои подкосились, и я легла на брюхо. Потом несколько раз хватанула зубами холодного снега. Стало немного легче. Я перехватила бешено-ненавистный взгляд зверя:

– Что ты за тварь такая?! Куда залезла? Мало нам этих двуногих со своими громами и молниями!

– Чтоб тебе рога обломать, чтоб копыта твои стерлись!

Над бугром показались красные распаренные лица Иосифа и Михаила.

Я вскочила на ноги и залаяла с прежним энтузиазмом. Надеюсь, вы не осудите меня, в то время совсем еще молодую собаку, что с приходом охотников я вела себя так, словно и не испортила им всей песни, словно догнать эту рогатую скотину и запихнуть в скрытую яму – как раз было моей задачей. Я просто отмахнулась от всего, что произошло в предшествующие минуты, и нисколько не сомневалась в блестящем исполнении своей роли. И теперь с восторженным рвением я облаивала пока еще живую добычу, бросая иногда горделивый взгляд на хозяина: да, да, я поймала, я задержала, я загнала, я не пускала! Теперь можно стрелять – вот он, голубчик, со всеми его четырьмя копытами, распишитесь в получении!

Михаил почему-то медлил, хотя и держал винтовку наготове.

– Хороши роги, – сказал Иосиф. – Восемнадцать год – двадцать год. Старый.

- Слушан, Иосиф! Хочешь, стреляй ты...
– Джок! – ответил Иосиф по-балкарски. – Не хочу.
– Я тоже не хочу.

...«Вот так они и жили», – вспомнила я любимую русскую поговорку прежнего хозяина. Перли в гору, как бешеные, за короткое время влезли на черт знает какую верхотуру, причем нисколько не думали о том, что я-то не мастер спорта по альпинизму, да и вообще на подобной охоте впервые, а теперь – нате вам! – не хотят стрелять. Все мои старания – «на кота хвост бросали». Зверь, видите ли, беспомощный: сидит тут в четырех шагах и убежать не может! От обиды у меня стал вырываться вместе с лаем хрипловатый тоскливый вой. Тур неожиданно рванулся, склонил голову набок, воткнул, как ледоруб, один рог в землю, и... вдруг оказался наверху. Покачнувшись, он чуть не упал, но быстро отпрянул от меня и побежал вниз по склону между двумя гребнями узкой балки. Но скорее это был не бег, а плавание судорожными рывками по глубокому снегу. Как тяжело было старому зверю, я чувствовала по себе. Я бежала, вернее прыгала по борозде, проделанной туром. Снег был выше моих ушей, а ему доходил до середины брюха. Я каждую секунду ожидала выстрела, но вместо этого услышала позади себя голос Иосифа:

- Я его поймаю живой!
– Нет, это я его поймаю, – отвечал Михаил.
– Ладно, вместе!

Измучивший меня и сам еле живой от усталости, этот старый дикий козел повернул направо и полез на гребешок балки. Раза два-три он сползал на дно, где под снегом что-то шепотом бормотал невидимый ручеек, и все мы трое успели подойти к туру почти вплотную. Но вот он одолел подъем, и было слышно, как съехал по противоположному склону и затих на несколько секунд. Я поднялась наверх и увидела, как мой еще не добытый трофей медленно пересекает широкое и почти ровное снежное поле, которое заканчивалось довольно далеко новым гребнем, идущим по склону сверху вниз. В это время солнце утонуло в сомкнувшихся светло-серых тучах и пошел крупный, тихий снег. Видимость сразу ухудшилась, и тур превратился в неясное серое пятно, постепенно тающее в хороводе белых мух. С разбегу я врезалась в мягкие сугробы и, прыгая, как лягушка, устремилась вперед, ориентируясь по струе потного козлиного запаха, который оставлял после себя зверь. Струя становилась то гуще, то жиже, то почти совсем пропадала. За снегом я ничего не видела, даже когда выпрыгивала особенно высоко. Наконец, я признала себя побежденной и бессильно завалилась набок. В ту же минуту около меня раздалось шумное дыхание хозяина. Высоко вскидывая ноги, он пробежал мимо. Следом за ним, почти наступая другу на пятки, двигался Иосиф с мотком веревки в руке. Я встала и пошла, покачиваясь от стыда и смертельной усталости. Надолго меня

не хватило. Что-то сильно сдавило мою грудь, закружилась голова, и я снова легла на такой приятный, холодный и мягкий снег. Не успела отдышаться, как вдруг вернулся хозяин. Ни слова не говоря, он подхватил меня на руки, прижал к груди и стал догонять Иосифа.

Я виновато лизнула хозяина в щеку. «Ладно, ладно! – сказал он. – Все будет в абажуре...»

Иосифа мы скоро догнали и теперь топали за ним (по крайней мере, Михаил топал) след в след. Снег пошел еще гуще и крупнее. И даже в четырех собачьих прыжках было плохо видно. Зато я снова поймала струю турьего запаха и заскулила от возбуждения.

– Где-то рядом, – сказал хозяин. – Картечь его чувствует.

– Я тоже чувствует, – ответил Иосиф.

– Ну тогда прибавь скорости.

– Я могу. А ты с Картечь не будешь отстать?

– Ничего, успеем.

– «Ничего, ничего!» Последний год ты, Мишка, очень толстяк.

– Ну, ладно тебе! Ты вот в своем спасотряде не разжиреешь, а посидел бы, как я, над дис... – Тут я не помню, что за слово произнес хозяин. Дис... р-р-р...

Охотники пошли быстрее. Впереди все время маячила спина Иосифа. Запах тура становился гуще, сильнее. Но вот дорогу стали преграждать скальные обломки, торчащие из сугроба, и снег между каменными глыбами оказался еще глубже... Пришлось идти гораздо медленнее.

Мои охотники тоже, видно, устали и теперь еле волокли ноги. Иосиф остановился, снял рюкзак, раскрыл его и сказал Мише:

– Давай сюда.

Хозяин запихнул меня в мешок – одна голова наружу – и хотел взвалить нелегкую ношу за плечи, но Иосиф не дал.

– Мой очередь, – сказал он.

Теперь хозяин пошел вперед, а мы с его другом – за ним. В рюкзаке за спиной у Иосифа на моей шкуре таял снег. Согрелись лапы – и на ступнях начали сильно болеть подушечки. Но все это была чепуха по сравнению с дразнящим дурманом старого козла и жгучей болью переживаний, болью честной работающей собаки, которая сейчас находилась в позорно унижительном положении.

...Хозяин сделал еще шаг и провалился в снег по самую грудь. Иосиф взял чуть правее, и подошел к товарищу сбоку, где снегу было по пояс.

– Сам вылезу! – пропыхтел Миша и забарахтался в сугробе, подминая снег под себя.

Хозяин продвинулся немного вперед, уцепился руками за неровные края большого плоского камня, вылез и сел, кашляя и отплеываясь.

– Никто еще взрослый тур не поймал, – задумчиво сказал Иосиф, устраиваясь рядом.

– И никто, кха-кха, не охотился, кха, с собакой, – выдавил из себя хозяин.

– Хочешь ходить обратно? – спросил Иосиф.

– А ты хочешь?

– Когда ты хочешь, тогда и я.

– Почему ты думаешь, что я первый захочу?

Вот упрямы! Такого остервенелого упрямства не встретишь и среди собачьего племени.

Михаил выхватил веревку из рук Иосифа и двинул дальше, как машина-вездеход. Иосиф теперь старался идти рядом, и в следующий раз, уже в самом конце этого снежного поля-котлована, они провалились вместе. А тур, я готова была поклясться, все время шел совсем близко от нас, буквально в нескольких шагах. Сейчас моя голова, торчащая из рюкзака, находилась на одном уровне с краем сугроба, и я почти уткнулась носом в пару хлопьев еще дымящейся пены – этой скотине тоже приходилось часто проваливаться.

Снегопад прекратился. Я сама видела, как плавно опустились последние снежинки и как сквозь разжиженную пелену туч стала несмело проглядывать бледная голубизна чистого неба. Резко усилившееся потное зловоние заставило меня повести носом в сторону, и я увидела – первая увидела! – торчащие из снега туры рога, которые бесшумно и вяло покачивались вперед – назад, вперед – назад.

Я залаяла, Иосиф что-то крикнул, а хозяин, загребая руками, как пловец, пополз к зверю. Тур медленно, но верно выбирался из снежной западни. Когда Михаил, казалось, уже мог дотянуться до него рукой, тур начал подниматься на склон гребня, где снега было не так много. В обычное время он бы пулей взлетел на гребень, но сейчас, тратя последние силы, продвигался чуть ли не ползком. Почти на самом верху он зашатался, поскользнулся на гладком камне и, рухнув набок, съехал на несколько шагов ниже. И тут Михаил, даже не поднимаясь с четверенек, сделал отчаянный рывок, упал на тушу зверя и крепко уцепился за его рога. Тур мотал головой, дергал ногами и больно ударил копытом по колену хозяина. Но охотник был силен, тяжел и сумел без особого труда удержать добычу, пока не подоспел Иосиф, сбросивший рюкзак на землю. Из рюкзака я высвободилась быстро, но пока ковырялась в этом проклятом снегу, охотники уже спутали козлу ноги и привязали по веревке к каждому рогу. С молчаливой злобой впились я в турью ляжку, но хозяин оттащил меня от зверя и крикнул:

– Картечь, нельзя! Нельзя, говорю!

Иосиф вернулся к своему рюкзаку, а потом, подойдя к нам, сообщил, что фляжки с айраном нет. Она где-то выпала. Михаил махнул рукой и зачерпнул горсть снега. Иосиф молча сел рядом, но снег глотать не стал. Они посидели, отдохнули, остыли...

– Слушай, Иосиф! Доставай свой нож и... – Хозяин кивнул в сторону тура и провел ладонью по горлу.

– Нет. Резай сам.

– Может, хочешь отпустить?

– На, возьми нож.

– Нет, я резать не буду.

– Тогда отпускаяй.

– И отпускать нельзя. Мухтар засмеет. И еще всем расскажет.

– Да, никто верить не может, – вздохнул Иосиф. – Вся ущелья скажет: «Иосиф и Мишка – трепло».

– Вот и я так думаю. Ну что ж, потащим живого. За этим гребешком – гладкий травяной склон. Крутоват, правда, зато снега на нем мало. Спустим тура легко.

– Да, знаю, – согласился Иосиф. – Мы далеко шагали. Вон там уже Ануаров солонец.

– Точно! А знаешь, сколько времени прошло, как мы начали подъем от речки? – Хозяин посмотрел на часы. – Три с половиной часа.

– Обратно поедем быстро: час – полтора.

– Ага. Ну, взяли!

Охотники потянули оцепенелого от страха тура на гребень. Потом, осторожно придерживая веревки, перевалили его на ту сторону гребня. И начался «легкий» спуск. Михаил с веревкой в руке шел вприпрыжку, иногда съезжая, как на лыжах, впереди. Иосиф, натягивая другую веревку, шел позади, а я – в середине, рядом со сползавшим вниз живым трофеем. Надо же на всякий случай стеречь добычу, ведь чем черт не шутит...

Погода все больше прояснялась, и внизу стали отчетливо видны речка и заросли облепихи на ее обрывистых берегах. Михаил шел по склону наискосок, чтобы сразу выйти к тому месту, где потерялась тропинка. На самой крутизне охотники остановились, чтобы поменяться ролями. Хозяин был все-таки на целую собаку тяжелей, чем Иосиф, а здесь уже приходилось не столько тащить тура за собой, сколько удерживать его: иначе сам покатится вниз. Михаил поднялся к Иосифу и взял у него веревку.

– Смотри, – сказал он, – Мухтар костер зажег.

Я увидела вдалеке дрожащий оранжевый лоскуток и струйку серого дыма. Сейчас же спазмы голода сдавили мою глотку и обильная слюна закапала с высунутого языка. Как хотелось поскорее добраться до этого доброго огня, с которым всегда бывают связаны вкусные запахи и такие чудесные теплые кости!

Иосиф взял нижнюю веревку; мы «поехали» дальше и скоро оказались там, откуда начинали подъем.

Внизу перевели дух и стали совещаться, как быть дальше.

– По этим камням за веревки его не потащишь, – сказал хозяин. – Снега почти нет.

– А если бы зарезали?

– Тогда шкуру и внутренности – долой, мясо – на куски и в мешок, а голову с рогами – в руках.

– Нет, – покачал головой Иосиф. – Теперь дядя Мухтар режит.

– Правильно, – согласился Михаил.

– А мы вот что. Давай погоним его своим ходом. Это будет здорово, а?

– Удержим за веревку рога?

– Удержим. Возьми-ка заднюю веревку и дай мне нож.

Хозяин быстро разрезал путы на турьих ногах, схватил вторую веревку и отскочил вперед на всю ее трехметровую длину. Тур продолжал лежать, как парализованный. Заставлю тебя встать! Я зарычала и укусила его за ногу. Вот, правильно говорят: «Вскочил, будто ужаленный!» Старый козел рванулся вверх по склону, но веревки не пускали. А хозяин рванул его раз и еще раз, и еще, протащил несколько шагов и продолжал тянуть. С громким лаем я бросилась на упрямого скота сзади и как следует «подбодрила» его. И он пошел. Пошатывался, упирался, но шел. Подгоняя тура, я, видимо, немного перестаралась, и трофей бросился вдогонку хозяину и полукружиями рогов чувствительно поддал ему под окорока. Хозяин вскрикнул от неожиданности и резво устремился вперед. Иосиф хохотал, еле удерживая веревку, которая дергала его, как тряпичную куклу. Тур ухитрился еще пару раз напомнить хозяину о своих обидах. Никогда я не думала, что такой тихий человек, как Иосиф, может так громко смеяться. Он даже упал на землю, продолжая смеяться с какими-то странными присвистываниями и пристанываниями. Тур поволок его немножко по земле и остановился. Затем повернулся и бросился на Иосифа, который едва успел вскочить на ноги. Кажется, хозяин не особенно старался удерживать свою «вожжу», и тур тотчас этим воспользовался. От удара под зад Иосиф чуть было не взлетел на воздух, а Михаил покотился со смеху: до него дошел, наконец, весь комизм положения. Зато Иосиф уже не видел в этой ситуации ничего смешного. А я прыгала у самой морды зверя и лаяла, лаяла, лаяла до хрипоты. Но вот беспокойный козел опять выбился из сил и присмирел. Вскоре мы уже выходили на поляну, где нас встречал вытаращивший глаза и распахнувший рот дядя Мухтар.

– Это... Это как? – пробормотал он.

– А вот у Картечи спроси! – ответил торжествующий племянник. – Картечью туров не стреляют, зато Картечь их ловит живьем. Ясно?

– Не-а! – честно ответил дядя.

– Ну, ладно. Потом расскажу. А ты пока зарежь этого козлика.

– Ха! Зарежь! Что он, баран, что ли?

– Не будешь?

– Не-а! Я хоть и не такой знаменитый охотник, но все-таки охотник. Понял?

– Что делать?

– Дождемся попутного грузовика, отвезем в село, там кого-нибудь попросим.

– Ну, ладно, а пока его надо привязать.

Хозяин подтянул тура к машине и привязал веревку к заднему бамперу. То же самое сделал и Иосиф, опасливо поглядывая на массивные рубчатые рога. Тур несколько раз рванулся, сотрясая «шайтан-арбу», но тщетно. Его влажные бока раздувались и вздрагивали.

– Машину починил? – спросил племянник у дяди.

– Не в карбюраторе было дело, – виновато развел руками Мухтар.

– Значит, что-то с электричеством, – решил хозяин. – А ну, посмотрим еще раз. – Он открыл дверцу и положил винтовку на сидение. Иосиф бросил туда же свой пустой рюкзак.

Когда мужчины полезли во внутренности машины, тур дернулся, и я увидела, как у самого рога лопнула одна из веревок. Потом хозяин сел за руль, а тур снова дернулся, сильно тряхнув машину... и вдруг машина завелась: весело заурчал мотор, выхлопная труба чихнула облачком вонючего дыма.

– Видал, какой наш козлик! – радостно крикнул Миша. – Умеет машины заводить!

А «козлик» в это время уже скакал, с оторванным бампером на буксире, в сторону родных пастбищ.

– Эй! Куда?! – заорал дядя и, на ходу вытаскивая нож, бросился вдогонку.

Резвость он показал завидную и догнал тура, отягощенного тяжелым и страшно громыхающим грузом, почти одновременно со мной. Я заплясала перед турьей мордой, а Мухтар схватился за веревку и уже в падении, одним ударом лезвия перерубил ее.

– Стреляйте! Чего стоите? Стреляйте! – вопил он. Хозяин схватил винтовку, тщательно прицелился и... метко поразил пустую консервную банку, которая валялась у костра, совсем не в той стороне, в какую удирала наша сегодняшняя добыча...

Когда после безуспешной погони я вернулась к машине, то услышала, как хозяин говорил Мухтару:

– Все-таки придется тебе, дорогой дядюшка, резать сегодня барана...

Лариса МАРЕМКУЛОВА

О почтовых лошадях и ушах переводчика

А при чем тут лошади? Да в принципе не при чем. Просто А. С. Пушкин когда-то «обозвал» переводчиков почтовыми лошадьми просвещения. С тех пор почетное прозвище приклеилось к нам навечно. И мы не против. Более того, мы спорим о том, кто имеет право носить это высокое звание.

Если совсем серьезно, речь в статье пойдет о том, кто может быть переводчиком.

Мифы и заблуждения

Отношение к труду переводчика как техническому ремеслу – самое большое заблуждение. Это такое же творчество, более того – искусство.

Еще один миф: переводчиком нужно родиться. Ничего подобного. Вот поэтом или музыкантом нужно родиться. А мастерству перевода можно научить, как и мастерству хирурга, программиста, архитектора (хотя в любом деле нельзя исключать предрасположенности или отсутствия таковой. Недаром же говорят «врач от Бога»). Вот только с нуля учить гораздо труднее. На этот счет есть разные мнения, самое строгое из которых гласит: хорошим переводчиком можно стать лет в 70, не раньше. То есть – набрав огромный жизненный и творческий опыт. Пожалуй, нам лучше надеяться, что это случится раньше, при условии неустанного труда и самосовершенствования.

Другое мнение: чтобы стать хорошим переводчиком, нужно быть хорошим писателем (поэтом) или, в крайнем случае, хорошим редактором. Очевидно одно: считать перевод делом более легким, чем труд писателя или редактора, – это ошибка. Хотя бы потому, что писатель во всех произведениях может придерживаться одного стиля, а переводчик должен соответствовать стилю каждого автора, которого переводит.

В списке заблуждений не на последнем месте, а может, и на первом стоит самонадеянность: я знаю язык, значит, могу переводить. Как ни странно, момент очень спорный. Знание языка – главное условие для переводчика. В идеале – знание обоих языков. Но мы можем назвать массу людей, которых можно назвать полиглотами, но перевести книгу для них – непосильный труд. Может, потому, что они думают на языке источника, и второй язык кажется всего лишь второстепенным инструментом? Получается что – одинаково хорошо знать оба языка плохо?

Конечно, нет. Но тот, на который переводишь, должен стать главенствующим, чтобы на выходе получить качественный продукт.

В переводчики пойду, пусть меня научат!

По опыту работы могу сказать, что из десяти интересующихся результат может показать один. А может, никто. За несколько лет «приглядывания» к молодой смене могу сказать только об одной девушке, которая действительно серьезно хочет заниматься (и занимается!) переводом. И это я считаю отличным результатом. Пытаться поставить производство переводчиков на поток – по меньшей мере, нелогично. Ведь это, как говорят, штучный товар.

Сейчас предлагают дистанционно, по интернету решить любую проблему – излечить от болезни, помочь разбогатеть, издать книгу, научить писательской профессии. Есть и курсы, с помощью которых в короткие сроки могут научить искусству художественного перевода. Что ж, можно попробовать, лишним не будет, если не жалко времени и денег. Если интересуется мнение автора статьи, то оно таково: научить можно только при непосредственном контакте ученика с учителем. Неважно, за столом ли, по почте, по скайпу, но разбор полетов и рекомендации должны быть не теоретическими, а практическими, методом обратной связи, грубо говоря: вот здесь получилось, а здесь нет, а так будет лучше, и далее в том же роде. Одним словом, работа до седьмого пота.

А кто учителем будет? Наверное, редактор. Или другой переводчик, более опытный. Строгий и благожелательный одновременно.

И здесь я буду противоречить себе. Можно и нужно учиться на курсах, пусть двухнедельных, пытаться освоить эту науку по книгам (а их полно, и есть очень интересные). Но! После этого человек еще лет 20-30-40 будет учиться переводить. То есть заниматься реальной практикой, набивать руку.

Итог? Мастерство приходит только со временем, когда многое уже прочитано и переведено, и желательно издано.

И при чем тут уши?

Это очень интересный вопрос. Зачем переводчику музыкальный слух или хотя бы чувство ритма? Казалось бы, для него это не обязательно. Мы сознательно не говорим о поэтических переводах, где фонетическая составляющая играет едва ли не главенствующую роль. Но в прозе? Своя ритмика в прозаическом тексте тоже есть. К примеру, первое, что попало под руку: «Вот уже неделю горели костры на холмах» (А. Шортанов, «Горцы»). А почему нельзя иначе: «Костры на холмах горели вот уже неделю»? Или: «На холмах костры горели вот уже неделю»? Ошибки

нигде нет. Но есть, как говорится, нюансы. Главный смысл в том, что уже *целую неделю* заигался сигнал об опасности. А не в том, что это были костры. А в третьем варианте вообще нарушен принцип благозвучия: «На холмах костры» – сливаются соседние звуки. В конце концов, по звучанию и внутреннему ритму первый вариант предпочтительнее, он более музыкальный.

Да, про уши. При переводе свой текст нужно не только глазами видеть, но и *слышать*. Проговаривать про себя. Если не в процессе перевода, то во время редактирования. Сколько редактур, столько и правок, перестановок внутри текста. У меня есть замечательный пример – Нора Галь, богиня теории перевода. (К слову, на мастер-классах я настоятельно рекомендую молодым коллегам скачать и выставить на рабочий стол «азбуку перевода» – книгу Норы Галь «Слово живое и мертвое».) Так вот, эта гениальная переводчица явила нам с вами «Маленького принца» на русском языке. Переизданий было множество, не менее десяти точно. И всякий раз она заново правила свой же текст! Ни в коем случае не уравнивая себя с этим эталоном, скажу все же, что при каждом новом прочтении своих переводов я делаю то же самое и всегда остаюсь недовольна собой. Может, это единственно верный подход к труду переводчика? Для меня – да.

И наконец: что переводить

Есть за нами, переводчиками, такой грешок: думать, что нам все по плечу. Может, и были в истории такие гении. Если и были, то единицы. Реальность же такова, что опытный переводчик сначала исследует предлагаемый материал и лишь потом решит, возьмется за него или нет. Причины положительного или отрицательного решения две: а/ нравится – не нравится; б/ смогу – не смогу (это важнее). Автор статьи – не исключение, тоже есть масса табу, например, эпос «Нарты», или юмор Бориса Утижева. То есть прежде чем браться за книгу, нужно определиться, по плечу ли это мне. Если переводчик сам поймет, что не все может – честь ему и хвала. Значит, он готов расти и работать над собой. Как работать? Читать и писать. Писать и читать. Только так можно приблизить результат. А на обиженных сейчас даже воду не возят, она течет из крана. Встать в позу и сказать: «Вам не нравится, что я делаю, ну и не буду делать!» – это, по меньшей мере, непродуктивно.

В заключение – одна трагикомическая история из личного опыта. Молодой автор принес в редакцию пухлый том совершенно графоманских стихов. К сожалению, сейчас можно издать все что угодно. Поняв, что его творения не вызывают восторга, он взял книгу со стола и, приняв позу великого трагика (Шекспир плакал!), изрек: «Если моему народу не нужна эта книга, то и мне она не нужна!»

Аскерби ШОРТАНОВ

ГОРЦЫ¹

Книга 4

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Шамиль восседал в тени шатра, добытого в даргинской экспедиции и принадлежавшего самому наместнику Кавказа генералу Ермолову.

Один за другим входили к нему наибы и докладывали, сколько всадников подготовили к походу.

Пол шатра был устлан ворсистым ковром. Слева от входа стоял низенький столик, за ним сидел писарь – дородный парень с большими залысинами. Столик с резными козлиными ножками был отделан старым серебром, и, по всему, тоже был добыт в одном из походов. Справа от входа стояли в ряд кумганы – творение кубачинских мастеров.

По обе стороны квадратного шатра располагались обшитые бархатом тахтабаны с множеством подушечек. Место Шамиля располагалось по центру и возвышалось над тахтабанами. За его спиной стену украшало знамя ислама с надписью арабской вязью: «Да благословит Аллах твою дорогу!». По обе стороны от имама стояли два горских столика, заваленные книгами. От всей утвари шатра веяло роскошью султанских и ханских покоев.

Имам восседал на своей высокой тахте, погруженный в себя, и лицо его не выражало какого-либо беспокойства. Это был уже не прежний Шамиль, энергичный и сильный, тело его не казалось отлитым из стали, теперь оно обмякло и ссутулилось. На его облике отпечатались многолетние испытания и бесконечная усталость, они, казалось, лежали тяжким грузом на его плечах и сгибали его спину, даже когда он сидел. Не было уже того орлиного взора у имама, не было и знаменитой выдержки – теперь он сам замечал за собой, что быстро вспыхивает от любой мелочи, и за то серчал на себя еще больше.

Он взял одну из книг, лежавших на столике, рассмотрел обложку. Она была посвящена арабской логике «Иса Уджит». Положил книгу обратно и взял другую, потом третью – о мусульманской этике «Акаид». И эту имам бросил на стол, даже не открывая.

Вошел Эльмурза, недавно назначенный наибом в одном малолюдном ущелье. Шамиль не ответил на его приветствие и не предложил сесть.

– Сколько всадников снарядил? – только и спросил имам.

¹ Продолжение. Начало в № 1, 2017 г.

Эльмурза ответил.

– Ты не выполнил мою волю. – Шамиль не скрывал досады. – Сколько верховых велено было собрать?

– В моем ущелье аулы малолюдные, где столько всадников наберешь? Там разве что ишачье поголовье...

– А сам ты – не из того же поголовья? Уж никак не лучше!

– Но, имам...

– Довольно! Сколько тебе не хватает?

– Двадцати одного недостает, мой имам...

– Двадцати одного? – Шамиль с усилием встал. – Пойдем-ка...

Он вышел из шатра, Эльмурза – следом. При виде имама его мюриды вскочили и вытянулись перед ним.

– Саадул! – позвал он.

– Да, мой имам! – с готовностью отозвался оруженосец.

– Взгляни на этого Эльмурзу. Ему недостает двадцати одного всадника для полного счета. За это кинешь его в зиндан на двадцать один день.

– Пощади, мой имам! – бросился ему в ноги провинившийся, но тот уже отвернулся и направился к другой группе мужчин, стоявшей поодаль.

Тут шла оживленная беседа. Сидящие подвинулись, освобождая место для имама, но он садиться не стал. Турецкий мулла горячо проповедовал, рассказывая благодарным слушателям:

– Вы даже не представляете, как велико могущество Пророка Мухаммеда! Решили некие нечестивцы испытать его силу. Положили на одну сторону весов гору, а на другую поставили пророка, да благословит его Аллах! Перевесила сторона Пророка. Тогда положили на чашу все горы, что есть на земле, и поставили на вторую чашу нашего Пророка. И опять его сторона перетянула. Привели громадного верблюда, один горб которого был величиной с Ошхамахо, на спину ему взгромоздили весы, на них положили шар земной – и все равно перевесил наш благословенный Пророк!

Слушатели усмехались, но почтительно молчали.

– Странно получается, – прервал речистого проповедника Шамиль, – на горб верблюда поставили весы, на них взвалили землю, а на чем же тогда стоял сам верблюд?

Все рассмеялись, а проповедник смутился и умолк.

– Эти турки даже соврать толком не умеют, – добавил имам, вызвав новый взрыв хохота.

Шамиль отошел в сторону. Нигде ему не было покоя. Куда бы он ни направился, с кем бы ни встречался – разъедала его смутная мысль, от которой отделаться получалось все меньше. Его преследовало ощущение бессмысленности происходящего. Эта война длилась бесконечно.

Люди устали от нее – это понятно. Хуже всего, что устали воюющие. Случись какая стычка – она постепенно затухает сама собой, даже усилий особых не требуется. Да и власти самого Шамиля, и влиянию его, похоже, приходит конец. Как и этой войне. Не бывает вечных войн, все когда-нибудь заканчивается... Мюриды и наибы только хорохорятся, а толку-то... Вон даже воинство собрать не могут, не идет народ больше под их знамена. Да разве он, Шамиль, меньше устал от войны. Хотя признаться в этом, как и останавливаться на полпути, он считает ниже своего достоинства.

Он хмуро обвел глазами собравшихся. Горцы кучками стояли вокруг штаба наиба, и каждый находил себе занятие. Кто-то прокаливал клинок на огне и смазывал жиром, чтобы не ржавел и не тупился. Другие сгрудились вокруг полевой кузни, чтобы перековать лошадей, поправляли седла, осматривали сбрую. Группа молодых горцев затеяла состязание на меткость в пойме реки, и их веселый гомон разносился окрест.

Шамиль глядел на эту оживленную картину без всякой радости, не то что раньше. Кинул взгляд на безлесную вершину холма Ахул-Гох, где обычно разжигали сигнальный огонь при первой опасности. По всему краю вмиг узнавали об угрозе. Надо было седлать коней – седлали, надо было укрепляться – укреплялись, нужно было прятать семью – прятали, угоняли скот подальше в горы.

И вот уже всю неделю горели костры на холмах Дагестана и Чечни, извещая о приближении смуты. Говорили, что Шамиль затевает невиданный поход и собирает под свое знамя необъятное воинство.

Сцепив руки за спиной, Шамиль неспешно направился вниз к пойме, где лихачи состязались в стрельбе. Завидя его, с криками «имам идет» бросился навстречу один из аульчан по имени Салихан, упал ему в ноги и поцеловал край его подола. Его друг и вечный соперник Сулейман рванул следом, боясь опоздать, кинулся в ноги имаму и облобызал ноги, обвив его ногу руками. «Вот гяур, опять обошел», – со злостью подумал Салихан.

Эти двое родились в одном ауле, в одну пятницу и на одной улице. Всю жизнь они были неразлучны – и всю жизнь не могли поделить первенство. Ни дня не могли друг без друга, а как встретятся – тут же разгорался меж ними спор. Спорили обо всем на свете: у кто ровнее ложатся ряды на сенокосе, кто красивее ставит копну, кто быстрее поднимется на гору, кто быстрее спустится. Оба были чабанами, и целыми днями они могли спорить, какого пола родится ягненок у овцы. Или, бывало, нахлобучит один папаху и скажет, что быть дождю, так другой должен непременно возразить: брешешь, мол, сегодня погода будет отменной.

Шамиль знал об этой странности двух приятелей. И сейчас он отодвинул обоих и бросил беззлобно:

- Ну, будет вам, вставайте. Что, никак не наспоритесь?
 – Никак, имам, – поспешил первым ответить Сулейман. – И на том свете не будет мне покоя от этого пугала.
 – Сам пугало! На том свете дорога тебе будет напрямиком в ад.
 – А тебе?
 – А мне, значит, в рай! Не идти же с тобой вместе.
 – Видишь, имам, видишь, какой он! – всерьез обиделся Сулейман.
 – Ладно вам, – отмахнулся Шамиль. – Кто тут стрелял?
 – Да мы, имам, на спор...
 – Нечего порох попусту тратить, нам дела большие предстоят. На спор, говорите?

Имам достал из кармана серебряный рубль. Расщепил верх деревянного кола и вогнал его в мягкую землю. В щели закрепил монету.

- Кто собьет, тому достанется. Давай-ка ты, Сулейман. Ружье есть?
 – А как же без ружья, мой имам, вот оно! – Сулейман с готовностью улегся на землю и стал целиться.

– Э-э, нет, стоя стрелять, – остановил его Шамиль.

Стрелок неохотно поднялся, почему-то долго утаптывал землю вокруг, потом все выбирал удобное место, шурился и прицеливался. Любопытные горцы обступили их и наблюдали за страданиями земляка. Наконец раздался выстрел. Монета не шелохнулась.

– Имам, клянусь клинком, подаренным мне Салиханом, это он меня сглазил, у него глаз дурной!

Горцы расхохотались.

Теперь пришел черед Салихана. Торжествуя, передернул он затвор ружья, тоже долго целился, потом нажал на курок. Рубль, к удовольствию Сулеймана, остался на месте.

– Так ведь... солнце слепит, отсвечивает монета, – стал оправдываться незадачливый стрелок. – Да нет же, я понял, клянусь папашой Сулеймана, что на моей голове, – он мне специально порох подмочил, его рук дело! – Со злости он топнул ногой и укусил приклад ружья.

Все вокруг развеселились, как дети. И Шамиль не мог не улыбнуться своими пронзительными зелеными глазами. Среди этой суеты подошел к нему мальчонка лет двенадцати-тринадцати.

– Имам, позволь мне, – смело сказал он.

– Да? – слегка удивился Шамиль. – А ружье у тебя есть?

Мальчик тут же развернул из-за спины висевшее на плече ружье.

– Ну, попробуй, – снисходительно дозволил Шамиль, не придавая особого значения просьбе мальчика.

Юный стрелок занял стойку, выдвинув вперед правую ногу и правое плечо. Шамиль с удивлением подумал, что этот малый левша, как он сам. Ему уже нравился этот парнишка со светлыми глазами и веснушками, похожими на зернышки проса.

Мальчик вскинул ружье левой рукой, кинул взгляд на сверкающую монету, поморгал несколько раз, повел плечами – и выстрелил, почти не целясь. Не успел рассеяться пороховой дым, как вокруг раздалась возгласы: попал!

Шамиль ликовал. Он подхватил и поднял мальчика:

– Глядите все! Вот он один стоит двух мужчин! Двух таких мужчин, как Салихан и Сулейман! Ты чей, сынок?

– Кармоков я, – ответил парнишка. – Увжуко из рода Кармоко.

– Расти большой, живи долго, Увжуко, – сказал Шамиль. – Раз подрастает у нас такое потомство, никто не поставит Кавказ на колени! Да пребудет с тобой Аллах!

– Дай Аллах! – отозвались горцы.

Когда шум немного стих, Шамиль подозвал к себе подданных и велел поставить Увжуко в один ряд с самыми приближенными мюридами.

Солнце стояло высоко, и голые скалы вокруг отсвечивали тускло, и лишь по расщелинам шли темные полосы светотени. Все вокруг было незыблемым и привычным глазу.

Мелодично зазвонили часы в нагрудном кармане Шамиля. Он достал их, открыл серебряную крышку с надписью «Верному генерал-адъютанту Махти-Александрю». Это действительно был дар русского императора Александра I с его вензелем. Часы были пожалованы горцу Махти за верную службу. Но горцам до всего этого не было ровно никакого дела, они дивились тому, что часы издают звуки.

– Полдень, – сказал Шамиль, – время намаза.

Имам давно взял за привычку перед походами делать намаз вместе со всеми в пойме реки, под сенью шелестящих ив. В этом он находил для себя сходство с самим Пророком, который перед сражениями за веру молился Аллаху возле ручья, на чистой траве, и за то Всевышний снисходил к нему и даровал победу.

Мюриды, найбы, простые горцы – все засуетились и стали готовиться к намазу вместе с имамом, устраиваясь кто за своей бурке, кто на башлыке, а кто и на конском потнике. Выстроившись в ряд вдоль речки, ивы тоже, казалось, вторили горцам, которые шепотом проговаривали слова священной молитвы.

Намаз был на середине, когда раздался нарастающий свист пушечного снаряда. Ядро с шипением приземлилось прямо посреди молящихся, покатило по земле и остановилось на краю намазлыка Шамиля. Люди перепугались, многие вскочили, чтобы пуститься наутек, но, видя невозмутимость имама, бежать не смели. Шамиль спокойно оттолкнул ядро, словно отмахиваясь от мухи, мешавшей намазу, ядро покатило по склону – и взорвалось в овраге.

Весной 1854 года на Босфор были стянуты флотилии Англии и Франции, больше сотни военных кораблей с тремя тысячами пушек. Обеспокоенный такой активностью на проливе, главный посол в Константинополе Александр Сергеевич Меншиков явился во дворец великого визиря Абдула. Обняв низкорослого турка и приподняв его, Меншиков пошутил:

– Абдул-визирь – на лбу пузырь. – Затем спросил серьезно: – Это что же, дорогой визирь, за столпотворение у вас на проливе?

– Так это... дорогой друг, у нас же друзей много, вот и едут к нам, навещают. У нас для них всегда двери открыты.

Меншиков подвел его к окну:

– А это как понимать?

На улицах города было полно янычар, они ходили толпами, размахивая кривыми саблями, нанося себе раны и потрясая окровавленными руками. Над толпами развевались зеленые знамена пророка, раздавались дружные крики: «Джихад! Джихад!»

– Это? – замялся опять Абдул-визирь. – Это янычары. Для них нет законов, творят что хотят. Захотят – казаны свои перевернут кверху дном и станут требовать снять султана. Одно слово – янычары.

Так начиналась Восточная война.

Россия не была готова к этой войне. На вооружении все еще были однозарядные винтовки, нарезных еще не было, и пушки были старого образца. А у противника все было иначе – и ружья, и пушки нарезной конструкции. Правда, турецкая армия была неоднородна, состояла она из регулярных частей, так называемых низами, и вновь призванных – этих звали редирами. И у России дело с этим обстояло не лучше – около миллиона регулярного войска и новобранцев. Кавказские части были сильнее и надежнее, хорошо обучены. Но их сдерживал Шамиль.

Союзным командованием Англии, Франции и Турции было принято жесткое решение: Шамиль должен усилить сопротивление российской армии, и нужно переходить от обороны к постоянному наступлению. Таким образом, кавказцы должны отвлечь на себя с Балканского, Кавказского, Севастопольского фронтов два-три корпуса русских. И воинству Шамиля предписывалось занять Тифлис. Получалось, что союзное командование сильно рассчитывало на помощь Шамиля, а Россия его побаивалась. Сам Шамиль хорошо понимал, кто какие интересы имеет и чего от него ожидает. Хотя нельзя сказать, что союзное командование было до конца честным с предводителем горцев. Они хотели использовать его как вспомогательную единицу, отвлекающий маневр, а ему же говорили, что вся надежда только на него. Этим они рассчитывали поддержать боевой дух кавказцев.

Сейчас союзники придумали новый ход. Они сообщили Шамилю, что в районе Батума в означенный день высадится турецкий корпус, вместе с которым им надлежит выдвинуться в сторону Грузии. Целью было отвлечь и ослабить русских. Для Шамиля этот поход был очень важен. Что и говорить, ему хотелось показать тройственному союзу свою силу и влияние. Вот почему он собирал по всем ущельям свежие силы. По его приказу, если в семье двое мужчин, один должен встать под зеленое знамя, где четверо – двое, где пятеро – трое мужчин должны стать воинами Шамиля. Оно и понятно: турки обещали высадить на батумский берег корпус не менее сорока тысяч штыков, и тут надо не ударить в грязь лицом. Не мог Шамиль уступать туркам ни по силе своей, ни по численности.

Помимо Дагестана и Чечни, он послал своих вестников в Кабарду, Осетию, Карачай и Черкесию, чтобы и оттуда подтягивались войска. Каждый всадник был на счету, и потому велел Шамиль снаряжать в поход примкнувших венгров и поляков, даже русских пленных, строго наказав всем облачиться в свою национальную одежду.

Семь мест было отведено для сбора воинства Шамиля. Имам дал своим наибам день-два, чтобы осмотреть каждую группу – какое у них снаряжение, лошади, провизия. После этого всем надлежало слиться в единое войско в Закатали. По семи ущельям нескончаемым потоком шли сюда конные. Искушенный в ведении долгой войны Шамиль имел свою тактику передвижения сил. Впереди, версты на три опережая основную часть воинства, шли, разведывая дорогу, лазутчики. За ними пробирались верховые стрелки, следом везли на конной тяге легкие орудия. За пушками следовала ударная сила – воины, наторевшие в битвах на кинжалах и ружьях. Потом неспешно тянулись арбы с тяжелыми пушками. И замыкал ход обоз с провизией.

На каждую тысячу воинов был один предводитель, и у каждой сотни был сотник. Каждый из предводителей носил на груди соответствующий серебряный знак с надписью арабской вязью. У тех, кто вел за собой тысячное войско, надпись означала: «Рожденный львом смерти не боится». Предводитель пяти сотен удостоивался надписи «У героя смерть одна». У сотника же на знаке читалось: «Кто отступит, тот вероотступник».

Сам Шамиль с несколькими сотнями мюридов следовали в середине шествия. Зеленое знамя над ним держали высоко, чтобы все знали, где именно находится имам. Кроме прочего, имам держал при себе, переняв манеру русских, человек шесть-семь трубачей, которые время от времени начинали трубить на всю округу. Когда шли мимо крепостей, городов или аулов, музыканты громко играли русские и горские марши. На привалах место нахождения имама определялось по раскинутым шатрам и знаменам над ними.

Всегда отличавшийся строгостью нравов и скромностью Шамиль сегодня, вопреки правилам, был очень наряжен. Его седло, подарок от акушинской знати, на котором некогда восседал блистательный персидский шах Надир, было отделано золотом. Конская сбруя, оружие, пояс и газыри имама – все переливалось золотом и серебром. Даже шнурки, опоясывающие ноговицы Шамиля, на кончиках были украшены золотыми язычками.

Горцы понимали причину, по которой так принарядился имам. Ведь предстоит встреча с турками, а это известные щеголи, и уступать им нельзя, чтобы не выглядеть бледно на их фоне. Шамиль кланяться не привык, и он будет равным среди этих задавак.

Горское войско продвигалось с большими трудностями. Особенно тяжело было тащить тяжелые орудия. Четырех, а то и восьмерых волов приходилось запрягать в арбу. Это сильно задерживало продвижение войска. Если бы не тяжелые пушки, верховым под знаменем имама нипочем были бы и семьдесят верст в день. Бывало, они неожиданно оказывались в тех местах, где русские даже не чаяли их увидеть. Так бывало во время недельных походов Шамиля, когда он мог неожиданно появляться и нападать на русских.

Теперь же иное дело. Теперь не то что подданные – сам Шамиль не знал, сколько ему выпадет пройти и где он окажется. Не потому ли было велено каждому верховому вести с собой еще одного пристяжного коня. Да и то, одно слово, что свободные лошади – эти бедные животные тащили на себе грузы. В хурджинах было сушеное мясо, копченый сыр, айран в бурдюках. Отдельно приторочены были мешки с овсом для лошадей. Сейчас пристяжные несли на себе провиант, однако предназначение их на самом деле было в другом. Каждый из отправлявшихся в поход рассчитывал отбить у врага богатую добычу, и вот ею-то и нагружали пристяжных. Иные даже двух лошадей с собой брали, бывало, сажали на них едва подросших сыновей, рассчитывая на несметные богатства. Но война есть война, и нередко случалось, что не то что добычи – трупа самого добытчика не привозили обратно лошади... Но сегодня еще горцы шли за Шамилем, и каждый лелеял в душе надежду на удачу. Недаром сказано: надежда – лучшее наследие отцов.

Разными путями, в разные сроки подбирались воины Шамиля к Закатали, останавливаясь в ближних аулах, на кошарах, пастбищах. Куда направляться дальше – это было ведомо только туркам, и горцы остановились в ожидании. Ждали целую неделю. Поубавилось еды в хурджинах, да и местным лезгинам было уже в тягость затянувшееся гостевание этой тьмы пришельцев. Но что делать, горский обычай велит привечать гостей и помогать им во всем, даже себя обделяя.

Наконец просочился слух, что турки начали высаживаться в порту Батума. Услышав это, Шамиль изрек только: «Турок в месяц один

раз повернется». Больше он никак не посетовал на медлительность заморских друзей. Словно услышав этот укор, турки вскоре прислали своего посла.

Им оказался Рашид-паша. Удивительно, что русские в свое время поймали его и бросили в застенки, когда он под видом спекулянта зачастил на Кавказ вместе с Хаджи-Исмелом. Правда, продержали недолго. Не нашли, что предъявить. Да и в Порте подняли шум, и тогда Воронцов велел его отпустить, точнее, выдворить. А сами турки ценили Рашида-пашу, считая его искушенным в делах Кавказа, хорошо знакомым со многими видными горцами и знающим несколько языков.

Шамиль остановился в Закатали в двухэтажной постройке с длинной верандой на высоких столбах. Имам располагался на втором этаже, а внизу, под крыльцом, расположились вповалку приближенные мюриды, и лошади их стояли тут же наготове, отгоняя хвостами мошкарку.

О прибытии Рашида-паши известили его вестовые, прискакавшие вперед, однако Шамиль не вышел им навстречу. Следом важный гость въехал во двор, гордо восседая на рослом арабском скакуне. Он был уже немолод и сильно сдал, но все же держался с достоинством, длинные бунчуки на его сарыке мерно покачивались за спиной. Один из турок, крупный мужчина, подбежал к Рашиду-паше и вынул его ногу из стремени, сам плюхнулся на землю и распластался перед ним, как пес на четырех лапах. Паша, спешиваясь, привычно наступил на лежавшего и лишь потом сошел на землю.

Он постоял, сколько подобает, ожидая, что Шамиль выйдет его встречать. Однако имам не удостоил его такой чести. На лице Рашида-паши выразилось недовольство, да так явно, что резче обозначились морщины на его продолговатом лице. Но он сумел взять себя в руки и кивнул мюридам, поднявшимся ему навстречу с притворным радушием. Лишь тогда он заметил на веранде второго этажа стоявшего неподвижно Шамиля. Слегка склонив голову в знак приветствия, имам пригласил гостя войти. Спутники обступили Рашида-пашу и проводили его к крыльцу.

– Могут же себя показать! – ухмыльнулся вслед один из мюридов.

– А хоть и могут, нашему имаму до них и дела нет, – ответил другой.

– Наш имам и не таких видал, – добавил третий.

– Потихе вы, – одернул их горец постарше, – никогда не знаешь, как все обернется.

– Что ни говори, – поддакнул еще кто-то, – а этим туркам порядка не занимать. Видали, как они помогли своему паше спешиться?

– Тоже мне порядки, – махнул рукой первый мюрид. – Это как же, такому же мужчине, как ты, который так же ест, детей плодит, до ветру с кумганом ходит, с женщиной живет, – взять да подставить ему спину – это ты называешь порядком?

– Ну, будет вам, не шумите, – снова попытался прервать спор молодых мюридов тот, кто постарше...

Комната, где встретились Шамиль и Рашид-паша, была обставлена скромно, если не сказать скудно. Большой тахтабан вдоль стены, пять горских стульчиков без спинок у другой стены, таз и кумган для омовения в углу – вот и вся утварь. На стене висел дагестанский ковер с двумя скрещенными кинжалами посередине. На полу кусок пестрого войлока. Из двух узких оконцев проникали острые лучи солнца и скрещивались на половике, как два ножа, настораживая и наводя на тревожные мысли.

Рашид-паша начал издали, заведя рассказ о том, как в молодые годы был комендантом в Анапе, и в знак уважения им был подарен золотой клинок Кази-Мухаммеду. А еще о том, что был он дружен с Шех-Али-Ханом, Кубатием, князем Аслангерием, чеченцем Бей-Булатом.

– Всех знаю, кроме Кубатия, – кивнул Шамиль. – А кто это будет?

– Осетинский алдар, вроде вашего хана. А Бей-Булат где теперь?

– Он тут, с нами.

– А князь Аслангерий?

– Э, на этих кабардинцев надежды мало, – махнул рукой имам. – Для них обмануть стоит не дороже одной конской слезы. – Он был явно раздосадован, да так, что даже голос у него дрогнул. – Правда, братья их, черкесы, те, что на побережье живут, отчаянно воюют. Я к ним Эмина послал.

Вести разговоры или принимать решения имам предпочитал сидя, считая, что так человек может собраться с мыслями. И он не любил, когда кто-то ходил перед ним, когда он сидит. Рашид-паша не знал этих чудачеств Шамиля и вышагивал взад и вперед по комнате, чем немало раздражал хозяина. Но что делать, гость есть гость, и делать ему замечания негоже даже имаму всего Кавказа.

– Живи тысячу лет, досточтимый имам, – перешел к делу Рашид-паша, – настало время постоять за себя и вырваться из русских оков. Самое время ринуться в бой единой силой! Вам, горцам, своими силами не справиться, Россия – огромная держава, могучая, и жалости к покоренным народам не знает. Но ваше солнце уже взошло, имам. Начинается великая война. Такая война, что в крови утопит Россию. Все великие державы – Франция, Англия, Турция – спешат вам на помощь. Нет сомнения, что они сломят Россию. А ты, имам, должен показать в этой битве то, что до сих пор не мог...

Шамиль перебил его на полуслове:

– А чего я не смог? Вы у себя по закуткам отсиживались, а я один вот уже двадцать с лишним лет веду войну против этой самой великой державы! Двадцать лет! А вы, вы помогли мне хоть горстью пороха? Нет, не помогли! Говорите, что молились за нашу победу – вот ваша помощь!

– Молились, имам, день и ночь молились за вас Аллаху, а это немало!..

– С Аллахом я сам договорюсь без вашей помощи. А от вас мне нужны ружья, порох, пушки! Молились они!..

– Не только это, имам, – зачастил Рашид-паша. – Разве султан не сделал тебя маршалом, не поставил во главе всех народов Кавказа?

– Не нужны мне ваши титулы! Все, что у меня есть, я завоевал огнем и мечом, и никто меня никем не сделал!

– Зря ты, имам, не сделают – так и не станешь. Кем поставят, тем и будешь, так-то, брат.

– Ты вот говоришь, якобы русские ведут войны во спасение православных в Греции, Иерусалиме, на Балканах. Брехня это, России никто не нужен, дай только оружием махать. Для того только и создал эту нацию Всевышний. А уж повод для войны она всегда найдет. Мне нет до них дела, пусть у себя творят что хотят, только бы за Дон не совались.

– А Азов?

– И Азов отдаю.

– Думаешь, она этим насытится?

– Когда-нибудь да насытится.

– Не было еще такого.

Шамилю вконец надоело мелькание Рашида-паши перед глазами:

– Присядь-ка ты, гость дорогой! Не мельтеши! – Он резко указал паше на стул. – Так ты говоришь, гяуры хотят известить всех мусульман на земле, потому и русские нам покоя не дают, и против султана идут войной. Но вот что странно: почему же инджилизы и франджи объединились с султаном? Они что, тоже мусульмане? Нет, паша, тут другое кроется. И ты правды не говоришь. Одному Аллаху ведомо, что делят между собой эти державы.

– Англичане и французы заступаются за мусульман, потому что они совестливые люди, имам, жалость имеют, – ответил Рашид-паша, сам не веря своим словам и прекрасно зная, что не верит ему и имам. – По доброте своей и сочувствию, имам.

– Не знал я, что из жалости войну можно затеять. Зато слышал, что эти жалостливые англичане расстреливали мусульман Инда, привязывая их к жерлам пушек, – не сдавался Шамиль. – Это как же, дорогой гость?

– Врут всё, имам, – поспешил ответить паша, – не было такого.

– Да нет, не врут. Мне рассказал тот, кто своими глазами видел.

– Тоба, тоба, – замахал руками Рашид-паша, – не кощунствуй, не поощряй лжи, попроси прощения у Аллаха!

– Неподходящий случай для тоба, – возразил Шамиль.

Рашид-паша подобострастно возвел глаза к небу, начал шептать молитвы и вполголоса напевать закиры. Имам, не обращая внимания на его лукавые игры, продолжал:

– То, что вы затеваете, может сильно затянуться. Мои люди не привыкли к затяжным войнам. У нас так: что до обеда навоевали, то и едим на ужин. Припасы на исходе – мы-то оседлали коней две недели назад, а вы только появились на горизонте. И нет у нас такого обоза, как у русских, чтобы непрерывно запасы подвозились.

Шамиль не скрывал своей досады на турок. Он злился на них за неповоротливость. Для горцев привычно появляться неожиданно, нападать и исчезать так же быстро. Турки этого не умеют, вот что плохо. И Рашид-паша, со всеми паузами и недомолвками, пытается донести до предводителя горцев планы османов. А планы таковы, что надлежит им вместе идти на Тифлис, зажать город с двух сторон. Со стороны Батума ударят турки, а со стороны Закатали нагрянут горцы. Шамиль принимает такой план, но одно его бесит: когда начинать атаку, сколько дней продлится наступление, когда оно завершится – ничего туркам не известно.

Во дворе послышался громкий говор. Шамиль с гостем вышли на веранду. Двор был полон народу. Со стороны скотного загона на копне сена пристроился низкорослый турок в сарыке и громогласно оглашал фирман султана:

– Эта война не похожа на другие войны, где одно государство идет на другое, когда идет борьба за земли или богатство. В этой войне наши враги об одном думают: как бы уничтожить всех мусульман до последнего, стереть с лица земли наследие нашего Пророка. И потому – ратуйте, горцы, седлайте коней и идите в бой на веру нашу, чтобы предстать перед ликом великого Аллаха с чистой совестью! Вперед, мои отважные горцы, вы – надежда ислама! Со мной бок о бок идут державы, что властвуют над половиной мира, – Англия и Франция! Смело идите в бой, чтобы извести заклятого нашего врага, гяуров России! И мы изведем их вместе, аминь!

– А этот откуда взялся? – недовольно спросил Шамиль. Ему не понравилось, что без его ведома турок зачитывает среди его подданных султанский фирман.

– Это мой писарь, – кротко ответил Рашид-паша.

– Слыхали, – раздалось в толпе горцев, – султан называет нас «мои горцы». Мы не его горцы, мы сами по себе!

– Да, но все мы – дети Аллаха, – возразил кто-то.

– И все же мы вольные горцы, и вовсе не подданные султана!

Рашид-паша встревожился, и это не ускользнуло от внимания Шамиля. Недовольные возгласы раздавались среди тех, кто пришел с Шех-Али-Ханом. Сам он предупредительно приподнялся в седле, давая понять своим людям, чтобы не усердствовали излишне.

– Это еще что за шавка? – брезгливо повел бровью Рашид-паша.

– Я тебе не шавка, паша, – отозвался Шех-Али-Хан. – Можешь делать вид, что не знаешь меня, но я-то тебя узнал. И здесь я от наместника царя на Кавказе Воронцова.

Шех-Али-Хан говорил правду. Его направил сюда Воронцов. У входа в наместничество он велел выставить большой желтый ящик, куда всякий желающий мог бросить бумажку с жалобой или просьбой. Приходя на службу, Воронцов первым делом отдавал приказ своим адъютантам опорожнить ящик и выложить ему на стол все послания, что скопились за сутки. Не раз ему попадались безымянные донесения о том, что Шамиль собирает большие силы горцев под свои знамена, намереваясь двинуться на Грузию. И тогда Воронцов вызвал к себе Шех-Али-Хана.

В кабинете наместника, на подставке в углу, в глаза сразу бросался большой тесаный камень с надписью арабской вязью: «Крепость Сальты возведена по приказу имама Шамиля, и быть ей навеки крепостью, и всякий, кто столкнется с ней, расшибется насмерть, и всякий, кто попытается напасть на нее, найдет гибель». Этот камень был привезен с Тифлиса в память о взятии Сальты русским воинством.

Воронцов повел речь, по обыкновению, вкрадчивым голосом, беря вошедшего под локоть и подводя к креслу:

– Хан, я хотел бы попросить вас об одной услуге.

– К вашим услугам, светлейший князь, – учтиво ответил Шех-Али-Хан. – Мой конь и моя камча всегда наготове.

Воронцов изложил свою просьбу, рассказал и о доносах из желтого ящика. Хану надлежало наведаться в стан Шамиля, чтобы разведать в подробностях о его намерениях и по возможности порушить их.

– Российское правительство не забудет твоих заслуг, Хан, – вкрадчиво продолжал Воронцов. – Отблагодарим по достоинству.

– Наград ваших мне не надо, – гордо поднял голову Шех-Али-Хан. – Я одного хочу – защитить несчастных горцев...

В тот же день он оседлал коня и выехал из Тифлиса. И теперь он держал речь на годекане в Закатали:

– Слушайте, братья, говорю вам от имени наместника царя Воронцова. Прежде чем поворачивать коней, подумайте, куда идете и зачем. За кого кровь свою проливать собираетесь? Всегда так было: у сильных мира свой интерес, а страдает за него бедный горский люд. Горцы – они такой народ, что сперва делают, а потом думают.

Шамиль забеспокоился: красноречие Шех-Али-Хана опасно, оно может сильно навредить делу и взбаламутить горцев. Но даже он, имам, заслушался и не хотел его прерывать. А люди вновь забурили, стали спорить и хвататься за кинжалы.

– Вы хоть знаете, какова мощь России? Я бывал и в Турции, и в Персии, и много где еще. Пока дойдешь до одного края России, можно дважды побывать в Мекке...

– А ты не слышал, что в фирмане султана прописано? Половина мира на стороне Турции! – раздался вдруг над годеканом зычный голос. Это был Шамиль. Все затихли и развернулись к нему. – А сам-то ты куда коня повернул? Куда, говори!

Шех-Али-Хан ответил сдержанно:

– Высокочтимый имам, ты хорошо меня знаешь, было время, когда я оказывал услугу Кази-Мухаммеду. И грузинского царевича Александра я к вам приводил. И у Рашида-паши, рядом с тобой стоящего, я тоже гостевал. Немало я повидал в жизни, имам, и годами я не моложе тебя, если не старше. Правда твоя, случалось мне много воевать, не разобравшись, куда направить коня. Но пора уже поумнеть, всем нам пора. Ты вот гарцуешь, а следом за хвостом твоей лошади идет война и смерть для горцев. Успокойся, Шамиль, дай им жить. Хватит нести беду горцам. Нельзя всю жизнь быть злодеем, пора и одуматься.

Шамиль слушал молча, сощурился левый глаз и перебирая четки. Ничто в его облике не выдавало волнения или интереса. Мюриды внимательно следили за выражением его лица и движениями пальцев. Вот он покрутил четками в воздухе и ловко собрал их в горсть. Мюриды хорошо знали, что означает этот жест, и мигом обступили Шех-Али-Хана. Тот выхватил кинжал из ножен, но силы были неравны. Раненый Хан зажал рукой рану в животе, пытаясь собрать выпущенные кишки, и отступил спиной к каменной кладке дома, не давая себя окружить. Глаза его пылали бесстрашным предсмертным огнем.

– Предателю своего народа, вероотступнику не место на земле, его место в земле! – крикнул Шамиль.

Мюриды приблизились к раненому с обнаженными клинками. И вот уже из-за их широких спин виднелись лишь сверкающие шашки и кинжалы, взмывающие в воздух и опускающиеся на жертву. Наблюдавшие за такой расправой неодобрительно качали головами: столько воинов рубят и кромсают одного раненого – нет такого в горских обычаях.

И вдруг часть мюридов отшатнулась назад, и люди увидели обезглавленного Шех-Али-Хана. Тело его так и стояло, прижатое к каменной кладке, а сквозь изрезанную одежду на груди виднелся железный крест, который он получил за битву с персами.

– Смотри, имам! – завопил один из мюридов. – Он гяур, на нем крест!

Шамиль, конечно же, знал, что Георгиевский крест на полосатой ленте – это орден. Но горцам это знать ни к чему, пусть верят, что перед ними неверный. Он медленно спустился с веранды, подошел к обезглавленному телу и рывком сорвал с него крест. Бросив его на отрубленную голову, коротко приказал:

– Закопать, как собаку.

Был апрель на исходе, все вокруг зеленело, возрождаясь к новой жизни. Зольские пастбища утопали в альпийском разноцветье.

Испокон веков эта земля была общественным пастбищем. Земля, не принадлежащая никому и принадлежащая всем – кабардинцам, балкарцам, карачаевцам. Строения тут были более чем скромные – разбросанные там и сям шалаши, загоны и кошары. Богатые разнотравьем альпийские луга были поделены между всеми по справедливости, и каждую весну все округа, все аулы сгоняли сюда свой скот, занимали отведенные места и пасли свои стада до поздней осени, пока не настала пора спускаться в долину.

Но сегодня что-то изменилось. Над урочищем Малки парил огромный орел, которому не то что ягненка – теленка утащить в когтях не сложно. Орел парил, между распростертыми веерами крыльев сквозил солнечный свет, отчего птица казалась еще больше. Орел парил медленно и казался недвижимым. Что происходит там, внизу? Казалось, орел недоумевал, наблюдая непривычную картину. Отчего тысячи и тысячи животных сгрудились в каменистой пойме, почему маются на жарком солнце, вместо того чтобы пастись на тучных пастбищах?

В орлиной памяти неизгладимо запечатлено, как бывало раньше. Стада начинали тянуться от села к селу, постепенно становясь все кучнее, и нигде не останавливаясь, разве что на время ночного отдыха. А теперь два дня как не трогалось с места головное стадо. А сзади животные прибывали и прибывали, следующее стадо упиралось в предыдущее и останавливалось, и так шло час за часом. А орел парил в недоумении: что происходит там, в мире людей и животных? Он то замирал неподвижно, то, спохватившись, делал в небе круг, словно очерчивал пределы своих владений.

Внимание орла привлекли три холма посреди луга, стоящие в ряд – один повыше и два поменьше по бокам. Холмы как холмы, каких много разбросано по долинам Кабарды. Но только на этом, который повыше, шелестел на ветру тополь, а под ним журчал родник, вокруг него сидели несколько мужчин. Орел сделал маленький круг и снизился, словно желая подслушать разговор пастухов.

Мужчины, рассеявшиеся от нечего делать вокруг ручья, слушали Саида, который рассказывал легенду об этих холмах и роднике, прозванном в народе Слезами Адиюх.

– Когда-то в старину жила в этих местах девушка, краше которой свет не видывал. Сватались к ней самые знатные женихи – ханы, султаны, шахи и даже цари, но никто ей не приглянулся. Отец дал слово, что дочь его выйдет замуж лишь за того, кто будет ей по сердцу, и по-

тому неволить ее не хотел. Так продолжалось, пока в одно время не посватались к ней сразу двое молодых пастухов. Оба они были ей по нраву, только выбрать между ними все никак не могла. Утром с одним встречается, вечером – с другим, но ни одному не может ответить согласием. Увидит одного – левый глаз ее светится радостью и любовью, а правый грустит, потому что не может она отдать ему свое сердце. Встретит другого – улыбается правый глаз, а левый плачет...

Так шло время. Наконец девушка, не желая обидеть ни одного из юношей, сказала: «Давайте поступим так. Возьмите косы, отойдите вон туда и начинайте косить. Кто первый свою полосу до меня докосит, за того и пойду замуж».

Взяли юноши косы и начали косить. Стараются, спешат, каждый хочет опередить соперника. Девушка стоит и наблюдает. Косари шли бок о бок, так и дошли до нее вместе. Только протянули оба к ней руки – неожиданно упали на землю и... испустили дух в один миг.

Вот эти два холма – это двое женихов. А вот этот, с тополем на вершине и с родником в изножье, – это она, и родник потому так называли – Слезы Адиюх.

Орел все парил и парил, словно слушал вместе с пастухами грустную историю человеческой любви. А Саид взял свою пастушью свирель и заиграл, запел печальную песню – ту самую историю, которую он только что поведал. Песня была очень печальная и прошибала мужчин на скупую слезу. Орел все парил, поднимаясь выше, когда мелодия взмывала вверх, и опускаясь ниже, когда певец запевал низким голосом.

Они даже не заметили, как на лошади без седла подлетел к ним Рамазан и на всем скаку соскочил на землю.

– Вы тут сидите да прохлаждаетесь, – возбужденно выкрикнул он, – а там, возле холма Бота, бог весть что творится!

– А что творится? – с тревогой спросил Саид. – Ну что, не пускают нас?

– Нет, не пускают!

– Да что же это! – возмущенно забасили пастухи.

– По слухам, и не собираются пускать! – подлил масла в огонь Рамазан.

– Еще чего! Пусть попробуют! – Все повскакивали с мест.

– А увидите чего, если пойдете к холму Бота.

– И пойдём!

– Кто отступит, тот трус!

– Пошли все вместе! Айда, маржа!

Пастухи вскочили на лошадей и понеслись к холму Бота. Орел все так же кружил над урочищем, полным согнанного из всех ущелий скота.

Не меньше полутысячи крестьян собрались возле холма Бота. Здесь сходились три дороги, по которым сгоняли скот из сел Кабарды, из балкарских ущелий и русских станиц. Здесь же проходила казенная дорога, которую так и называли – «прогон». Военные части тоже передвигались по этому пути.

Крестьяне вооружились кто чем – берданками, шашками, а то и просто вилами. Возбужденный гомон стоял на всю округу. На холме Бота стояли с десятков человек. Не составило бы труда угадать, что находящаяся у изножья людская масса и стоявшие наверху были недругами. Из тех, кто поднялся на холм, выделялся своей генеральской формой Бекович-Черкасский, перед ним, загораживая, стоял князь Аслангерий. Бекович-Черкасский за годы жизни и службы среди русских отвык и не очень хорошо владел родным языком, и потому предоставлял князю честь говорить за него. Вот и сейчас слово держал Аслангерий:

– Уймитесь, земляки! Не натворите бед, ни к чему это! Земля зольская – не ваша собственность, принадлежит она Аллаху, а после Аллаха – белому царю. Мы были у царя, встречались с ним, и он повелел строить на этих пастбищах его конные заводы. Это – приказ самого царя. И никто не вправе оспаривать его волю!

– А мы, нам-то куда деваться?! – раздались выкрики.

– А вам отведут другие участки.

– Не нужно нам других! – разноголосым гневом отозвалась людская масса.

– Царь не играет в такие игры – нужно, не нужно!

– Поглядим, чья возьмет!

– Поглядят они! Да вы знаете, что это за бумага?! – Князь вытащил из нагрудного кармана матово-желтый с золотым отливом лист и развернул его. – Это указ императора Николая, того самого царя Николая, с которым мы имели честь встречаться.

Аслангерий говорил правду. Бумага в самом деле исходила лично от императора. До этого Бекович-Черкасский ходил к министру финансов с личными просьбами, но ничего обнадеживающего так и не услышал. Тогда он предложил князю Аслангерию построить на Зольских пастбищах конные заводы, взяв Карпа Кузьмича в компаньоны. И был в том свой резон.

Хотя царь изрек когда-то, что знает в лицо каждого из тысячи своих генералов – в отличие от писателей, которых глаза бы его не видали, – Бековича-Черкасского Николай никогда не знал. Хотя был о нем наслышан.

А вот князя Аслангерия он знал не в пример лучше. Впервые император увидел его во время своей коронации. Именно князь держал тогда

заслуженную речь от имени кабардинского дворянства. Он же преподнес царю черкеску с золотым поясом и клинком в золотых ножнах. Кто-кто, а Бекович-Черкасский был наслышан, что такого император не забывает. Было еще одно, почему сам генерал чувствовал себя в немилости. Во времена Ермолова, когда Черкасский сжег адыгский аул Лоо, Ермолов написал на высочайшее имя прошение о присуждении героическому генералу Георгиевского ордена третьей степени. Но вместо креста он удостоился... выговора. На рапорте стояла резолюция Николая: «Этот священный орден не присуждается за убийство и пленение детей, женщин и стариков».

Умудренный житейским и военным опытом Черкасский полагал, что император не мог забыть тот случай. Но как же он заблуждался! Тогда Николай едва вступил на престол, казнь декабристов случилась не так давно, и он изображал из себя либерала. Но сегодня это был уже не тот царь. Он и думать забыл про того генерала и его несостоявшуюся награду. А Бекович-Черкасский до сих пор опасался, и все свои неудачи относил к царской немилости. Князь Аслангерий, напротив, был на коне. Он ликовал, что ему посчастливилось предстать перед императором, а дворянская черкеска, сшитая по меркам самого Аслангерия, пришлась Николаю впору. И князь даже позволял себе дерзкие речи, мол, они с императором российским – словно близнецы из утробы одной матери, к тому же они родились в один год, и даже одежду им можно шить по одной мерке.

Вторая встреча с царем состоялась в Терек-кале, во время его приезда на Кавказ. Тогда адыгское дворянство оказало ему поистине царский прием. Подарок – чистокровного кабардинского скакуна – в этот раз тоже вручал Аслангерий. Николай взял коня под уздцы и сказал:

– Черкесы во второй раз дарят мне скакуна, и сыну моему подарили настоящего шагди. Надеюсь, мне выпадет случай отблагодарить вас. А про вас лично, – обратился он к Аслангерию, – Паскевич говорил мне немало. Знаю и о ваших воинских заслугах. Премного вами доволен.

Тогда еще в виде царского дара выдали князю три тысячи рублей.

Легкий на подъем князь не заставил себя долго уговаривать и объединился с Бековичем-Черкасским. И вскоре они вместе предстали перед императором. Он встретил их в белой черкеске, то ли из уважения к гостям, то ли ему действительно нравилась эта одежда.

– Рад вас видеть, – радушно принял их Николай, приглашая сесть. – А то у меня в титуляторах значится «всех кабардинских и черкесских земель государь», и я волей-неволей думаю: а где они, мои адыги?

Князь ответил в тон, не желая сразу же переходить к сути аудиенции:

– Вот и мы подумали, Ваше Величество, что надо бы пред Вами предстать, чтобы Вы про нас совсем не забыли. – Он встал и слегка поклонился императору, то же самое сделал Бекович-Черкасский.

– Вас также я рад видеть, генерал, много о вас наслышан, – обратился к Бековичу император, и тот снова привстал. – Сидите, не вставайте.

– А привело нас к Вам, Ваше Величество, – продолжал свои речи князь, – событие радостное. Завтра исполняется восемь десятков лет с того дня, как бабушка Ваша, великая Екатерина Вторая, пожаловала кабардинцам грамоту и флаг. Под сенью России находятся много таких же малых народов, как наш. И, конечно же, мы не можем по всякому поводу заявляться к Вашему Величеству.

– А вы и так всегда при мне, – ответил Николай. – Ведь мой эскадрон охраны состоит из одних черкесов.

– И это исключительно благодаря вам, Ваше Величество, – теперь Бекович-Черкасский нашел возможность вставить слово. – Многие мечтали бы оказаться в Вашей гвардии.

– Я рад, что кабардинцы верой и правдой служат государству российскому. Знаю, что Шамиль наведывался к вам, да вы его изгнали. Он думал, вы пойдете за ним, едва завидя, а вышло иначе. Не повезло ему.

Николай бережно поправил Георгиевский орден четвертой степени, приколотый поверх газырей. Князь отметил, что Николай сильно сдал со времени их последней встречи и выглядит старше своих лет.

– Мы, кабардинцы, еще со времен властвования Ивана Четвертого идем вместе с великой Россией, и потом, когда к власти пришла Ваша династия Романовых, ничего не изменилось, мы никогда не поворачивали своих коней в другую сторону. Мы храним верность русскому престолу, и так будет всегда, волей Аллаха: мы будем оберегать Вас, а Вы – нас.

Император не сомневался в искренности князя. Его голос, глаза, даже высокий лысый лоб излучали радость.

– Мой дед был среди тех горцев, что прибыли к Вашей бабушке Екатерине за грамотой и флагом, – продолжал Аслангерий. – Вы ведь помните, Ваше Величество, о чем просили послы Вашу великую бабушку?

Николай молча ждал, что скажет дальше князь. Тот понял это и не стал мешкать:

– А просили они, Ваше Величество, уравнять в титулах адыгских уорков с русским дворянством.

– И что?

– Отказала...

– Ну, раз моя бабушка не дала такого позволения, то и говорить не о чем, князь, – отрезал император.

Кабардинским уоркам давно не давала покоя такая несправедливость. Грузинских дворян уравняли с русскими, а чем они хуже? В каких ущельях обитали грузины, когда адыги уже были в союзе с Россией? Это было самым невыносимым и оскорбительным для честолюбия уорков Кабарды.

Князь хорошо знал: реши он сейчас с императором этот болезненный вопрос – имя его останется в истории. Однако по ответу Его Величества он понял, что на сей раз дело не выгорит. И потому, недолго думая, перешел к вопросу о пастбищах. Говорил кратко, по делу, зная, что государь не любит длинных речей. Сказал, что Зольские альпийские луга всегда были ничейными и в то же время общими. И, чтобы не давать прощать таким хорошим землям, неплохо было бы построить там конные заводы. Николай, будучи страстным лошадиником, приветствовал эту идею и повелел немедля приступить к делу.

– Оно бы хорошо, Ваше Величество, – замялся князь, – да вот...

– Что еще?

– Нам бы для начала денег немного, и той бесхозной земли кусочек в законное пользование, чтобы табуны выгуливать.

Император улыбнулся:

– Ладно, выдадут вам денег, и земли отмерят.

Ходоки вернулись от царя очень довольные. Им пообещали выдать денег на строительство и закупку поголовья, притом без всяких кредитов и процентов. Через три года они обязались поставлять в царскую армию тысячу лошадей ежегодно. Получили они и документ, по которому в их пользу отчуждалась большая часть Зольских пастбищ. Вот этой бумагой и размахивал Аслангерий, взобравшись на холм Бота:

– Вы видите это? Это указ царя!

– Ты нам бумажкой не тычь! Есть еще и закон! – выкрикнул из толпы Хаджи-Исмел.

– Закон? – подал голос Бекович-Черкасский. – Слово императора – вот закон!

Хаджи-Исмел вышел вперед и, по обыкновению размахивая правой рукой, направился к холму. Карабкаясь по небольшому склону, он придерживал на толстом животе часы на серебряной цепи, его чересчур длинная аба развевалась на ветру. Добравшись до цели, он отдышался немного и начал:

– Эта земля испокон веков была в общем пользовании у народа. Она никому не принадлежит – и принадлежит всем.

– Так не бывает, – возразил Бекович-Черкасский.

– Бывает, Беков сын! – Хаджи-Исмел рубанул воздух толстой короткой рукой. – Неожее дело вы затеяли. Солнце общее для всех, Аллах его создал для всех. Так и земля эта.

– Земля – не солнце, – все больше распалялся генерал.

– Земля эта не с неба упала! – снова перехватил вожжи Аслангерий. – Все и вся, что есть на земле, принадлежит государю императору. До сих пор ему недосуг было заняться вашими пастбищами, вот вы и творили здесь что хотели. А теперь царь набирает большую армию, а

армии нужны лошади. А лошадей возвращают на конных заводах. Вот император и поручил мне заняться этим, и мы хотим...

Его слова потонули в грозных выкриках крестьянской толпы:

– Мы тоже много чего хотим!

– Попробуй, отбери у нас хоть пядь нашей земли!

– Увидим, кто первым струсит!

– Пусть в другом месте себе участок ищет!

Хаджи-Исмел втайне радовался этому всплеску народного гнева. Он ощущал себя едва ли вождем, подобным самому Шамилю. Ни таланта имама, ни его влияния у Хаджи не было, и все же он воображал себя такой же героической фигурой. Он понял одно: чтобы выбиться в вожаки, нужно всегда быть на стороне народа, и не бояться при этом пререкаться с сильными мира сего.

Своя доля уважения у него, конечно, была, и заключалась она в добавке к его имени – Хаджи, которую он получил благодаря двум хаджам в священную Мекку. Многие аульчане даже считали его шейхом-святым. Но этого благочестивому паломнику было мало. Он понимал: чтобы захватить бразды, нужно постараться. Потому он, едва заслышав о Зольской смуте, направился напрямик в Тифлис.

На восходе солнца – именно в этот час доходят до Аллаха молитвы – он сделал намаз. Затем собрался и направился к резиденции царского наместника, к заветному ящику, и бросил в него свою жалобу. Он пространно изложил, что в Кабарде творится произвол, у народа отбирают исконно общие пастбища, и что он, Хаджи-Исмел, уже обращался к светлейшему с этой тревогой, и он, светлейший, повелел все решить по шариату, и они так и сделали все, по шариату.

Затем вернулся в постоянный двор, где остановился, и до обеда провел время в молитвах, не вставая с намазлыка. После обеда он снова принялся молиться, и так до самой ночи.

Хаджи-Исмел уже видел себя народным радетелем и заступником. Если получится заручиться поддержкой Воронцова, тогда обеспечена ему слава Шамиля, о которой он грезил теперь во сне и наяву. Конечно, он понимал, что князь Аслангерий и Бекович-Черкасский бесчинствуют, и крестьян на самом деле обижают. Но больше народной беды волновала Хаджи-Исмела собственная выгода и слава героя и предводителя. Таким он себя видел. Иногда и сам осознавал, что цели его корыстны, и ощущал внутренний холод. Но потом снова ощущал трепет при одной мысли, что при удачном исходе вернется домой победителем, повергнувшим князя и его подельников, и тогда влияние его в народе взлетит до небес.

Утром второго дня за ним приехала карета с адъютантом самого светлейшего князя Воронцова. Это было добрым знаком, и Хаджи уже не сомневался в успехе.

Воронцов встретил его радушно, если не сказать ласково, обнял за плечи и подвел к обитому бархатом дивану.

– Читал я вашу жалобу, читал, – начал Воронцов. – И как уж мне не хочется обижать вас отказом, но придется. Видите ли, я бессилён что-либо менять в указах из Петербурга.

– Но... вы разрешили нам все обустроить по шариату, мы так и сделали, по слову вашему, – залепетал расстроенный Хаджи.

– И как вы сделали, душа моя?

– Так, чтобы не отдавать Зольские пастбища никому.

– Так и вышло бы, не будь императорского указа.

– А как же закон?

– Все, что скажет император, и есть закон.

– Тоже мне закон...

– Не надо так, душа моя, вредно, – холодно сказал Воронцов.

– Не отдадим мы наши пастбища, высокочтимый сардар, – упрямо повторил Хаджи-Исмел.

– И что вы сделаете, если я солдат пришлю?..

Так и вышло. Крестьяне поднялись и погнали скот на пастбища, только остановили их на подступах. Едва до наместника дошло, что в Зольском ущелье начались крестьянские волнения, он отдал по военным гарнизонам в Пятигорске, Георгиевске и Нальчике приказ быть наготове.

– Из-за вас горцы себе места не находят, из-за вашего бесчинства, вы им житья не даете! – кричал Хаджи-Исмел. – Правильно Шамиль делает, правильно, так вам и надо!

– И что же он правильно делает, Хаджи? – подхватился Аслангерий.

– А то, что и вам он житья не дает, нет вам ни сна, ни покоя!

– Полегче, Хаджи, скоро твоего Шамиля отправим к прошлогодним покойникам!

– А не много ли ты народу туда отправил, князь? Хватило бы тебе с лихвой греха за гибель Бота, на чьем холме ты стоишь!

– Да что ты! – развел руками князь. – А ты, значит, чистенький? На тебе нет ли греха того же Бота.

– За свой грех я сам отвечаю, – не сдавался Хаджи-Исмел.

На холм Бота быстрыми шагами взбежал балкарец Рамазан. Легкий короткий кафтан, лохматая шапчонка, детский взгляд из-под черных бровей, девичий румянец на всю щеку – ничто не выдавало в нем мужчину с характером. Тем не менее, все знали, что у этого парня неукротимый нрав.

– Прости, почтенный Хаджи, – поднял руку Рамазан. – Хочу тоже слово сказать. Думаю, довольно терпеть, чтобы вот эти пихали нас со всех сторон. Эх, жаль, что нет с нами Батоко, сына того самого Бота! Не думай, Аслангерий, что кровь наша остыла, что позабыли мы, как ты на теле бедного Бота крест выжиг раскаленным железом!

– Закрой рот, ничтожный! – крикнул Аслангерий. – Когда это было, чтобы босяцкое отродье могло отчитывать кабардинского князя!

– Мы, балкарцы и карачаи, коней оседлали и прибыли сюда, чтобы поддержать кабардинских крестьян, таких же, как мы! И не тебе меня пугать, князь!

Оставшаяся внизу толпа загудела, как пчелиный улей, выкрики и воинственные призывы звучали все громче. Князя мало пугал бунт черни, однако Бекович-Черкасский, более искушенный в таких делах, смекнул, что сейчас не самое лучшее время для решительных действий, и старался как мог сдерживать князя.

Одобрительные возгласы крестьян придали Рамазану уверенности, и он снова выкрикнул:

– Довольно вы нашей крови попили! Довольно вы нас тумаклами кормили!

– Я тебя сейчас вот этим накормлю! Пулю в лоб хочешь? – Разъяренный Аслангерий схватил свое короткоствольное ружье.

– Пулю в лоб пустить нехитро, – ответил Рамазан, сдернув из-за спины длинную берданку, – но как бы ее обратно не получить!

До пули не дошло: Бекович-Черкасский отвел в сторону дуло ружья князя. И к Рамазану обратился:

– Ты тоже не кипятись. Тут есть люди постарше тебя.

Хаджи-Исмел был разочарован. Ему вовсе не хотелось, чтобы генерал вот так запросто усмирил закипавший гнев крестьян. Его бы больше устроило, чтобы князь со злости пристрелил Рамазана. Вот тогда бы разгорелся настоящий пожар.

– Эти пастбища – не ваши и не мои, они даны Аллахом для всеобщего пользования, для блага каждого! – Хаджи решил возобновить спор. – Вот вы говорите – царь, бежите к нему и добываете всякие бумажонки для своей выгоды. А мы давно уже решили дело по маххаме, по шариату. Идти против шариата – значит, идти против воли Аллаха и против своего рода-племени!

Хаджи-Исмел разглагольствовал бы еще долго, но князь Аслангерий подошел к нему, взял за рукав и отвел в сторону.

– Погляди туда, Хаджи, видишь? – Он кивнул куда-то в сторону горизонта, и Хаджи увидел вдалеке застывший строй солдат. Но он не испугался, как ожидал князь.

– А этих ты видишь? – Хаджи указал короткой рукой на стоявших у изножья холма крестьян.

И тут началось. Все смешалось в тесном урочище. Люди уже не разбирали своих и чужих, все понеслось в едином потоке. Скот, зажатый в узком переходе, хлынул в сторону высокогорья, подгоняемый людьми, и вот уже передние стада прорвали цепочку стражников, перегородивших путь на пастбища. А следом шли и шли другие стада,

рогами подгоняя передних. Смешались в единый рев мычание коров и телят, ржание лошадей, бляение овец и коз, крики людей и выстрелы. Остановить этот круговорот уже не могла никакая сила. Мощный поток давно снес стражников и втоптал в грязь. Земля гудела, топот тысяч ног и копыт, казалось, раздавался из-под земли, из самой преисподней. Сила народного гнева прорвалась наружу со всей неукротимостью. Горцам казалось, что холм Бота стал намного выше.

На вершине холма плясала старуха Канцук. Ее черная шаль развевалась на ветру и казалась крыльями огромной птицы. Ее худые длинные руки держали концы распростертой шали, еще больше делая ее похожей на черную птицу. Она плясала по кругу, ликуя и громко выкрикивая:

*Ду-ду-ду,
Белого шелка рубаха,
Черной кожи ноговицы,
Вышел, вышел в круг.
Ду-ду-ду,
Разрезвились чувяки,
Ноговицы прогнали,
В грязь рубаху втоптали,
Ду-ду-ду,
Ох-ох-ох, лучше бы тебе
В Петербург не ездить...*

Круживший в небе орел, кажется, возомнил, что это его тень кружится и машет крылами на холме, и повторял все движения старой женщины.

Торжество Канцук оборвалось со свистом пушечного ядра, пролетевшего над ее головой и упавшего неподалеку, в самую гущу стад, заполонивших долину. Не успел грохот разорвавшегося снаряда докатиться до всех уголков Зольского урочища, как с двух сторон стали бить батареи, затем налетели конные казаки, разбежались по разбросанным на пастбище кошарам, поджигая нехитрые камышовые и соломенные крыши.

– Ой, погибель моя! – запричитала Канцук и плашмя упала наземь.

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

«И СТАЛА ЖИЗНЬ ТРЕУГОЛЬНОЙ...»

Мурадин Ольмезов – балкарский поэт, драматург, писатель, переводчик – родился 20 марта 1949 года в с. Эрназар Талды-Курганской обл. Казахской ССР. После реабилитации балкарского народа в 1958 г. семья Мурадина возвращается на родину – в Кабардино-Балкарию.

После окончания Второчегемской средней школы он поступает на заочное отделение Литературного института им. Горького при Союзе писателей СССР в Москве, затем с отличием защищает дипломную работу «Стихотворения».

Мурадин долгое время работал в системе горнолыжного туризма в Приэльбрусье. Сейчас он является ответственным секретарем литературно-художественного журнала «Минги-Тау».

Перу М. Ольмезова принадлежат 19 книг стихов, поэм, сказок и драм на балкарском языке, многие из которых были опубликованы в переводах на русский и французский. Он перевел на балкарский язык и издал отдельной книгой рубаи Омара Хайяма (Нальчик, 2002). Мурадин – участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, 15-21 мая 1984). Он удостоен в 1991 году премии Госкомиздата КБАССР по детской литературе, а в 2000 году – Государственной премии КБР в области литературы и искусства. Также он участник Международного театрального фестиваля «Кавказ – гора языков» (Париж, 17–20 ноября 2003 г.) и X и XI Международных фестивалей поэзии тюркских народов (Бишкек, 28 мая – 2 июня 2013 г.; Казань, 1-4 октября 2015 г.). А его пьеса «Тахир и Зухра» на II фестивале национальных театров Северного Кавказа «Сцена без границ» (Владикавказ, 2002), была признана лучшей национальной пьесой. Он также лауреат Международного (Париж-Мадрид) конкурса «Eurodram 2014».

М. Ольмезов – финалист Всероссийской общенациональной премии по литературе «За верность слову и Отечеству» (2012).

Спектакли по его новой пьесе «Изнанка тишины» с успехом идут сейчас в нескольких театрах Северного Кавказа.

Он член Союза писателей (СССР) России.

Живет в Нальчике.

Молодой поэт Мурадин Ольмезов, несомненно, является одним из самых талантливых в молодой поросли балкарских литераторов. Нет

сомнения в том, что он вырастет в одного из лучших наших поэтов. Думать так дает нам право молодая сила его дарования.

Кайсын Кулиев,
поэт, лауреат Ленинской премии
28. 05. 1972, Нальчик

Это не так уж часто случается. Но когда я познакомился с некоторыми подстрочниками М. Ольмезова, у меня возникло желание – немедленно перевести эти стихи, что я и сделал.

У М. Ольмезова есть все, что необходимо поэту – знание жизни, острое зрение, мысль, чувство. В стихах его есть и национальный колорит, и широта взгляда на мир, лежащий за границами малой родины. Я очень рад, что познакомился с одаренным и серьезным поэтом, ответственно и талантливо работающим в литературе.

Николай Старшинов,
поэт, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького
20.10. 1985, Москва

Подстрочники, которые представил Ольмезов, позволяют догадываться о многом. И, в первую очередь, – о незаурядном таланте автора (я употребляю здесь именно это достаточно ответственное определение). Эти стихи хочется переводить – первый признак того, что в них кроется нечто, вызывающее встречное душевное движение.

Иную грань авторского дарования демонстрируют стихи для детей. Эти веселые миниатюры, начисто лишённые дидактического занудства, построены на игровой, даже в подстрочниках осязаемой, основе, которая должна мгновенно схватываться ребенком...

Восточная мудрость гласит, что перевод – это изнанка ковра. Во всяком случае, по «изнанке» стихов Ольмазова можно судить, что сам ковер – ручной работы, и соткан при этом щедрой и искусной рукой.

Игорь Волгин,
поэт, доктор филологических наук, профессор МГУ
11.12.1985, Москва

М. Ольмезов – поэт оригинальный и самобытный. Он находится в расцвете творческих сил – это пора и жизненной, и творческой зрелости. Он художник ищущий, не останавливающийся на достигнутом, мастерство его будет совершенствоваться, так как его поэзию отличают верность прекрасным традициям прошлого, подлинный талант.

Жанна Кулиева,
кандидат филологических наук, 2010, Нальчик.

Поэзии Мурадина Ольмезова в большей степени присуще «умение удивлять». Он удивляет, прежде всего, свободой – как мировидения, так и формой выражения. Такая свобода не имеет ничего общего с разнузданностью и вседозволенностью, но зиждется на незамысловатом показе самых простых вещей с детской пристальностью.

«Дар поэта состоит в том, чтобы превращать обыденность в праздник» – таково творческое кредо Мурадина Ольмезова.

Георгий Яропольский,
поэт, переводчик, 2012, Нальчик

Характеризуя творчество М. Ольмезова (для детей, ред.) в целом, нам хотелось бы подчеркнуть, что уникальность таланта поэта – в умении создавать удивительные картины окружающего мира, увиденного под углом зрения ребенка, в способности не замыкаться в рамках этого мировосприятия, а быть впереди своего читателя, выступать в роли мудрого, тонкого и эмоционального посредника между двумя способами познания мира: детским взглядом на предметы и восприятием взрослого человека.

Зауризат Джанхотова,
кандидат филологических наук, преподаватель КБГУ, 2012, Нальчик

Как много мы потеряли бы, если бы не имели возможности прочесть стихи или прозу, написанные на языке, которого не знаем. К счастью, человечество придумало такую вещь, как перевод. Эта мысль часто приходит мне в голову, когда я читаю стихи балкарского поэта Мурадина Ольмезова. Насколько беднее, бледнее, обыденнее была бы моя жизнь, если бы я не познакомилась с его удивительными верлибрами – одновременно короткими и глубокими, простыми и изысканными, свободными и гармоничными.

Лера Мурашова,
поэт, 2014, Москва

Тахир ТОЛГУРОВ,
доктор филологических наук

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ МАТРИЦА МУРАДИНА ОЛЬМЕЗОВА

К середине 70-х годов прошлого века балкарская поэзия оказалась в весьма необычном эволюционном положении. Статус её в глазах союзного читателя определялся творчеством Кайсына Кулиева – одного из сильнейших авторов второй половины XX столетия. Но на самом деле к этому моменту полноценно национальная поэтическая традиция представлялась текстами сразу нескольких человек, чьи одаренность и профессионализм были, если не равны, то вполне сравнимы с кулиевскими.

Сложилось уникальное в истории советских национальных литератур положение, при котором система-реципиент по уровню развития моделей поэтической рефлексии, по сложности их структуры со всей очевидностью догнала донорную – русскую советскую – и, фактически, на новой этнической почве возродила достижения поэтической мысли Серебряного века. Даже поверхностный анализ информационных порядков балкарских стихотворных текстов этой поры выявляет их конструктивную близость образам символизма второй волны и, особенно, акмеизма. «Овеществленное», «материализованное», равно как и двухуровневое представление, стало фирменным знаком балкарской поэтики, вошло в повседневный опыт авторов в качестве обычного элемента «технологии» стихотворчества.

Этиологической основой «пластического», или, в других интерпретациях, – «фактурного» образа стала специфика национального поэтического языка, в котором субъект, как правило, имеет частный характер, а предикат ещё больше конкретизирует описываемое. Кайсын Кулиев, писавший о форели, Танзиля Зумакулова, воспевавшая цветок, раскалывающий камень, имели в виду не просто рыбу и не просто растение – они создавали картину, абсолютно детальную, вещную и чувственно достоверную. И (sic!) им не хватало внутренней конкретики образа, они и дальше уточняли его сензитивные характеристики – например, вплоть до пятнышек на чешуе.

Именно такая упаковка информации в тканевых поэтических единицах определяла мейнстрим мировой поэзии, начиная с 70-х годов, что и было зафиксировано в 1987-м присуждением Нобелевской премии Иосифу Бродскому. Многоярусная «укладка» смыслов, когда качества одного объекта даются посредством натурального описания с привлечением качеств другого, позволяла резко увеличить суггестивный потенциал художественного слова, расширить диапазон его ассоциативных адресаций. В этом смысле «мостовая – чешуя карпа» Бродского стоит в одном ряду

с «мокнущей тенью береговой листвы» Кулиева, и ещё вопрос – в каком из образцов информативная плотность выше.

Тем не менее, эволюционный пик балкарского поэтического мышления остался, фактически, безрезонансным, из полудюжины авторов, вышедших на весьма высокий уровень образного представления, авангардный на тот момент, лишь Танзиля Зумакулова была отмечена критиками и государством. Сложнейшие рефлексивные структуры, развитые до изошрённости модели сопереживания являлись достоянием исключительно национального читателя. И надо признать – тому были и сугубо литературные причины.

Дело в том, что «пластический», материализованный образ с двойной – субъектно-предикативной – конкретизацией, тяготеет к сугубо национальному мироощущению. Точнее, сформировавшись в границах этнической картины мира, структуры подобного рода находятся на периферии пространства взаимной интеграции различных культур. Де факто, балкарские поэты, ступившие на дорогу, проложенную Кайсыном Кулиевым и Керимом Отаровым, лишь к концу 60-х – началу 70-х оказались в поле национального отражения окружающего, едва избавившись от практик механического использования русских-советских конструкторов во всех организационных порядках текста. И сразу стали перед необходимостью разработки средств выражения, которые позволили бы органично войти в границы русского естественного восприятия, не потеряв при этом своей аутентичности – в пределах русского поэтического горизонта совершить переход от наличия к функционированию.

Необходимость этого шага остро ощущалась всеми. Именно этим объясняется чётко ощущаемый отход от уже канонического национального представления с выраженным сензитивным наполнением, к середине 70-х ставший очевидным у всех авторов. Бесспорный лидер балкарских поэтов – Кайсын Кулиев – начинает экспериментировать с новым для себя типом образа – нечленимым этнокультурным символом, Танзиля Зумакулова обращается к идиоматическим межъязыковым аналогам, Ибрагим Бабаев усиленно разрабатывает абстрактные категории, Али Байзулла, Салих Гуртуев, Ахмат Созаев заняты затяжным экспериментом – поиском механизмов интеграции в пространство мировой культуры. Все ищут пути универсализации национального поэтического языка. В той или иной степени большинство балкарских стихотворцев приближаются к решению проблемы рефлексивной совместимости балкарской и русской систем поэтического отражения. Однако особый вклад в преодоление этого эволюционного барьера – заслуга человека, принадлежащего новому поколению и выросшего на уже устоявшейся почве советской традиции национальной поэтики.

По его собственному признанию, Мурадин Ольмезов стихи писать начал очень рано – в 12-летнем возрасте, во всяком случае, именно с

этого момента его попытки выразить свои мысли и чувства в рифмованных строках стали постоянными. Но нас интересует не исходная хронологическая точка поэзии Ольмезова, а те образцы стихотворного текста, которые послужили первопричиной его творческого – пусть и детского – порыва. А это были произведения И. З. Сурикова.

Не вдаваясь в подробности индивидуального стиля русского поэта, отметим лишь то, что ему присущи две черты, совершенно несвойственные горским стихотворцам. Во-первых – прозрачность и предельная семантическая локализованность строк, подкреплённая такой же очевидностью эмоционального алгоритма. Во-вторых, явное предпочтение выраженных реакций лирического «я» произведения при умеренном интересе к его стационарным состояниям. Говоря иначе, Сурикова более тянет к описанию переходов из одной эмоциональной позиции к другой, нежели сами эти позиции. Это качество свойственно всей русской поэзии и является редкостью в поэзии кавказских народов. Эмоциональная лапидарность горцев, по всей видимости, проистекает из этнических представлений о мужском поведении, предпочитаемых образцах мужского психотипа, диктовавших и соответствующие нормы представления эмоций в стихах.

Важным следствием лаконичности чувственно-переживательных описаний становится преимущественное обращение к отражению внешних объектов. Они могут выступать актантами представляемых картин, но лишь на локальном уровне, то есть – женщина, купающаяся в реке; время, бегущее сквозь эпохи в виде черной и белой лошадей; журавли, летящие над горами, – все они действуют, совершают поступки, но – только в той сфере ощущаемого, из которой складывается статус лирического героя. Описание последовательности объектов в балкарской поэзии регулярно замещает описание последовательности чувств и реакций «Я» автора в русской традиции.

Закономерно объектный ряд балкарской поэзии, лишь изредка разбавляемый универсалиями общекультурного происхождения, остаётся строго этническим, и это его качество закреплено детализацией объектов на уровне ощущений. Упрощённо это можно трактовать как сензитивную этническую атрибутированность.

Мурадин Ольмезов, конечно же, не был подражателем, шедшим исключительно от опыта русских поэтов. Балкарский фольклор – в части любовных песен – также был насыщен прямыми выражениями чувств, качество которых давалось в текстах в предельно ясной форме. Но признания в любви в народном творчестве опять-таки имеют вид категорических кратких констатаций, уточнявшихся затем введением в сюжет лирического переживания конкретных актантов. Ольмезов фактически отказался от этого приёма, сохранив в своих текстах лишь итоговый результат его реализации. Он стремится к созданию безусловной эмо-

циональной картины, не допускающей двояких толкований и колебаний смысла – к чему шли и безвестные создатели фольклорных произведений.

И этому было своё обоснование – прежде всего, эволюционного плана. Как уже было сказано, поэт вступил в литературу, когда настоятельно ощущалась потребность в приобщении к общеевропейской и мировой эстетике, а развитая национальная поэтическая мысль вполне созрела для того, чтобы сделать подобный шаг, оставаясь в границах собственной аутентичности. Насыщенность поэтического образа специфической национальной информацией делала невозможным его взаимодействие с единицами иного этнического происхождения в пределах одного смыслового периода поэтического текста. Мурадин Ольмезов, с детства осваивавший технологии русского поэтического сопоставления непосредственных ощущений, интуитивно уловивший их доступность и саспенс-эффект, понимал и их своевременность. Уже в первых опубликованных текстах, помеченных концом 60-х – самым началом 70-х годов, мы можем наблюдать, как в пределах одной строфы сливаются в органически единое структуры исконно национальной генерации и «облегчённые» обозначения прямой номинации:

*...Наверное, я был слеп,
Я точно был глух...
Моё сердце, как ржавый замок,
Открылось с лязгом –*

выражение своих переживаний, выходящее за рамки привычных национальных стандартов скупого автологического «проговаривания», явно родственно привычным в русской литературе прямым изъявлениям – лишь немного обогащено сознательным утрированием, впрочем, и оно вполне соответствует приемам презентации, разработанным в своё время Пушкиным и Жуковским.

Однако ряд условных «слеп» и «глух» замыкается осязательно, визуально и акустически достоверным «сердцем, открывающимся с лязгом, как ржавый замок». С точки зрения информационной емкости, плотности информации образа – он чётко вписывается в балкарские поэтические практики. Но он и вполне гармонирует с предыдущими автологическими определениями. Ольмезов добивается стилового единства посредством упомянутого приёма гипертрофизации, когда осязательному преувеличению чувств, понимаемому как конвенциональная литературная презентация, соответствует такое же, нарочито чрезмерное даже в границах авторского произвола, уподобление сердца грубому бытовому предмету.

Единым основанием для сведения столь разнонаправленных в смысле механизмов рефлексии поэтических единиц является их когнитивная определённость, однозначность трактовки предлагаемых читателю чувств и объектов. С учётом того, что в предваряющих строфах речь идёт о внезапно нахлынувшем чувстве, характеризуемым Ольмезовым так же ярко, можно

сказать – декоративно («наполнившись улыбкой, дающей радость мирозданию»), «забыв, где я нахожусь, стоял, ошеломленный» и т. п.), «слепота» и «глухота» лирического героя стихотворения, очерчены настолько рельефно, что приобретают абсолютно однозначный смысл. С одной стороны – это оставляет за пределами нашего внимания естественные для используемых в лирическом стихотворении определений ассоциации, то есть сужает актуальные смысловые поля любовной «слепоты» и «глухоты» – здесь, в этом конкретном произведении. С другой, позволяет им бесконфликтно соседствовать с «сердцем – лязгающим ржавым замком» – просто за счёт такого объединяющего их качества, как однозначность и локализация в совершенно чётко ограниченном поле любовного переживания.

В дальнейшем Мурадин Ольмезов окончательно принимает эту рефлексивную схему, осознанно или подсознательно понимая, что именно она даёт возможность реализовывать различные модели поэтического освоения окружающего – как фактурные материализованные, так и автологические, связанные с культурными ассоциациями. Для балкарского поэта разработка и освоение структуры подобного типа означали выход на новые пространства и уровни художественного мышления, собственно говоря – получение личного творческого пути, выведившего его из тени старших товарищей. Главное же, возможности сочетать конструкции различного когнитивного типа открывали перед ним оперативный простор в том, к чему стремились коллеги по писательскому цеху – равноценности восприятия семантики их текстов носителями национальной и общемировой культуры.

По всей видимости, сам состав, так сказать, сумма природных и благоприобретенных способностей Мурадина Ольмезова, изначально обусловил направление его развития как стихотворца и предопределил доминирование в его когнитивике структур особого рода – многовалентных в культурном и рефлексивном планах. Они постепенно начинали превалировать в его произведениях, к началу – середине 70-х годов практически полностью взяв на себя функции акцентных, итоговых образов. Обращаясь к ранним текстам Ольмезова, мы наблюдаем безусловно талантливые попытки следования этнической традиции, традиции сензитивно насыщенного описания. Здесь и «весна, одевшая синее платье», и «барбарисовые кусты», и «тальник, похожий на танцующую цыганскую девочку». Однако эти, казалось бы, вполне состоявшиеся произведения всё меньше удовлетворяют поэта. Его поиски приводят к созданию стабильной пары, подобной вышерассмотренному сочетанию «литературно-условной» номинации с «физиологическим», материальным представлением:

*...Как холоден огонь
рябины осенью...
А зима едет рысью
На своей белой лошади с шеей, (похожей) на лук!*

Или:

*...Зима торопливо шла,
Запряжи своих наибелейших коней.
Осень медленно умирала,
Сложив свои золотые крылья...*

Но в этом образном бинаре, на границе 60-х – 70-х годов ставшем основным конструктом художественного мышления Ольмезова, не было места ещё одной стороне мироощущения и мироосознания автора – очень рано сформировавшейся тяги к семантической и эмотивной ясности. И главное, что, по-видимому, очень остро ощущалось им самим, – отсутствие черт специфического, индивидуального почерка, которые выделяли бы его тексты из общего потока балкарской поэзии.

Между тем, прозрачный, полностью определённый эмоциональный оттиск той или иной ситуации, состояния объекта был для Мурадина Ольмезова весьма близок и естественен. Думается, что сочетание фольклорной поэтики в части очевидности переживаний с русской культурно-этической манерой свободного изъяснения чувств было неотъемлемой органической частью творческого сознания молодого балкарского поэта, тем элементом его индивидуального мышления, который требовал обязательной реализации в текстах.

Об этом говорит многое. И тот факт, что Мурадин Ольмезов занял место одного из самых значительных (если не самого) детских поэтов Северного Кавказа. И его ярко проявленный дар драматурга: реализованность творческой рецепции в сценической смене очевидных переживаний – явление того же ряда, что и открытая декларация чувств в жёстко ограниченном векторе смыслов. И, конечно же, интерес к наследию Басё.

Не обращаясь к анализу переводов японской классики, отметим, что она, несомненно, привлекала Ольмезова именно своей кристальной ясностью и обязательностью возможных трактовок. Влияние Басё сказалось и в нескольких созданных балкарским поэтом произведениях, весьма сходных с японскими миниатюрами в смысле самих принципов поэтической презентации:

*Сегодня моего соседа,
старика, стоящего целого села,
в земле,
– так, как сеем зерно,
мы схоронили...*

Третья особенность рефлексивных реакций Мурадина Ольмезова – стремление к жёсткой локализации поэтического переживания в пределах достаточно узкого семантического поля – закономерно влилась в состав дуальных структур, образовав, таким образом, совершенно новую для

балкарской поэзии конструкцию, которую условно можно назвать эмоциональной матрицей.

Поэт создаёт картины, пронизанные совершенно однозначным чувственным переживанием без прямого указания на это самое переживание:

*Стройная девушка идёт с реки.
Что сегодня с ней такое?
Это знает весна,
но только не говорит это мне.*

Или:

Не рви свою глотку, поэт, пытаясь каркнуть «Снег!».

Смотри, как тихо падает-идёт снег – это первая составляющая его фирменной конструкции, обязательная компонента, требующая уточнения с помощью локализации в группе близких ассоциаций – во-первых, во-вторых – нуждающаяся в сензитивной достоверности – в соответствии с национальным опытом поэтического творчества.

Эмоциональная матрица Ольмезова – смысловой период, не всегда совпадающий со строфой, несущий чётко подразумеваемое чувство – даже в случае отсутствия упоминаний о нём в тексте. Она часто берёт на себя функции основного ударного образа, выступая и как условная традиционно-литературная фигура, например, в резюмирующих частях произведения («Песня моего детства», «Люблю другого», «Топор, построивший дом» и др.).

Нет сомнения, что начало этой содержательной структуры следует искать в любовной лирике балкарского фольклора и – в большей степени – в порядках классической русской поэзии. В стремлении сохранить полную однозначность её эмотивного наполнения Ольмезов не чурается даже архаичных форм пафосной презентации и может создавать произведения несомненно дидактического качества:

*Почёт (даваемый) слову, тела (дерева) сохи,
Хлеба почёта не значимей.
Если ты не поймёшь этого,
– дело твоё пропадёт, планы твои – зола...*

Или прибегать к изживаемой идеологической символике, точнее даже, к эмблематике советской формации, обогащённой общечеловеческими и этническими концептами особой значимости:

*...Я не дрался грудь в грудь,
Но я знаю – почему,
суеверно не надевая чёрного,
бабушка смотрит на дорогу.*

Ещё один способ локализовать лирическое переживание в границах единообразно трактуемых эмоций – использование общекультурных одинаково понимаемых образов:

*Его кизиловая палка
Ощупывает дорогу,
(И) идёт слепой.
Со светом, потухшим в его глазах...
Ощупывая дорогу.*

Идёт слепой – и в данном примере особенно наглядно стремление Ольмезова ограничить семантику образа слепого его актуальным пониманием. Его слепой в данном эпизоде лишён всех возможных наращений, предусмотренных поэтической традицией Северного Кавказа и России, это именно невидящий человек, вызывающий базовое в таких случаях чувство – жалость. И он замкнут в кругу этого чувства с помощью материальной «кизиловой палки», и рафинированно условного «потухшего света глаз».

Анализ текстов поэта, созданных в промежутке между началом 70-х – началом 80-х годов прошлого века свидетельствует, что Мурадин Ольмезов, в конце концов, вполне осознал характер своего поэтического дарования и его своеобычность, понял и принял составляющие его творческой индивидуальности. Во всяком случае, целый ряд стихотворений, принадлежащих его перу, отмечен целенаправленным поиском способов наиболее эффективного использования элементов его эмоциональной матрицы, и, в принципе – поиском самой окончательной формы соединения этой триады в единое целое. Условная автологическая номинация, сензитивное представление и локальное эмотивное поле в наиболее простых вариантах сводятся в единую конструкцию путём прямого механического сопоставления:

*Жизнь видит (считает) нас хорошими-красивыми,
Пусть (таковыми и) видит – ты (действительно) красива.
Закон (обычай) – срывать звезду с небес
(Закон) влюблённого. А тебе я
Бьющую (светом), как родник,
Звезду (одну из них) выбираю,
И называю её твоим именем –*

Пусть находится на небе та, что родилась на небе – поясним, что в оригинале «звезда, бьющая светом, как родник» имеет неоспоримое и даже несколько утрированное «фактурное», «пластическое» наполнение; она материальна на уровне физиологических реакций читателя.

В итоге Мурадин Ольмезов достаточно быстро пришёл к структуре эмоциональной матрицы, распространенной в пределах единого смыс-

лового периода, и это было реальным решением проблемы культурной валентности национальных тканевых представлений. В его конструкциях новой формации общность когнитивных эффектов у балкарских и русскоязычных читателей обеспечивалась точностью «попадания» в поле авторских переживаний, ассоциативный шлейф оговаривался «литературными» формами рефлексии на уровне понятийных и автологических лексем, а балкарская этническая принадлежность стиха маркировалась «фирменным» национальным образом с двойной, субъектно-предикативной конкретизацией описываемого – «фактурного», «пластического» описания, известного в союзной критике и литературоведении как «кулиевский образ»:

*Время будет идти, похожее на позднего всадника.
И, как оно, вода тоже не остановит свой ход.
Она не смирится перед угловатым камнем-глыбой –
Превратит (его) в щебень, ради достойной свободы!
Или – с привлечением подчёркнуто «приземлённого» объекта:
Надежда (вера) моя, ты почему мой враг?
Я вылечил ослабевший (бессильный) цветок – он расцвёл.
(И теперь,) как дворовой пёс, скулит и воем моя душа,
То, что я принимал за цветок – выросло колючкой.*

Типологических разновидностей эмоциональной матрицы Ольмезова можно насчитать более десятка – тем более что эту структуру поэт продолжает разрабатывать и сейчас. С ней были связаны перспективы подъёма балкарской поэтической мысли на новые уровни, что было подтверждено практикой многих представителей третьего поколения балкарских стихотворцев. Эмоциональная матрица, или, если угодно, – триада, стала обычным формантом и в текстах А. Додуева, и более молодых авторов, включая таких заметных, как М. Табаксоев и Л. Ахматова. Однако в своём «чистом», незамутнённом виде, с видимым треком предыдущей эволюции она предстала именно в поэзии Мурадина Ольмезова. И хотя воследовавшие в 90-х годах события вновь низвели балкарскую поэзию до функционирования в режиме политического приложения, можно с уверенностью констатировать, что будущее национальной культуры – интеграция в общемировое пространство при сохранении этнической аутентичности. На сегодняшний день в инструментарий балкарской поэтики входит информационная структура, ориентированная именно на этот процесс. И львиная доля заслуг в её создании, художественной «обкатке» и приведении к эстетически функциональному состоянию принадлежит Мурадину Ольмезову – совершенно «недетскому» поэту.

эльбрусские верлибры

торговец временем

Зычно сзывает людей на базаре
продавец времени:

– Эй, кто хочет прожить долгую жизнь,
налетайте скорее –
продаю время оптом,
в упаковках по дням,
по неделям,
а можно и по несколько лет.
По десять,
по двадцать,
по желанию покупателя.
Налетайте!
Бесценный товар!
Недорого прошу.

Вот ты уже совсем не молод:
лицо – гармошкой,
и зубы – через один,
что скажешь, когда Азраил¹
постучится к тебе и скажет:
«Собирайся!
Пора и честь знать!»
Правильно.
Пойдешь, как миленький.
А вот если купишь время,
то, махая квитанцией перед его носом:
«Нет, дорогой, – скажешь, –
мне ещё жить и жить!» –
и он уйдёт, что-то бурча под нос,
а ты будешь ехидно смеяться ему вслед.

В этом свёртке –
непрожитые годы акробата,

¹ *Азраил* – ангел, забирающий душу.

разбившегося под куполом цирка
совсем молодым.
Взвесить?
Очень здоров и красив был акробат.
Не скупись.
Всего за 90 золотых того добра,
которого так не хватает
брошенным детям с нашей улицы,
они каждое утро
обходят мусорные баки
в поиске объедков с наших столов.

А этот свёрток –
жизнь очень сытого человека,
который каждый день,
выходя из дому, причитал:
«Как бы чего не вышло,
как бы чего не вышло!»
Так и случилось:
поскользнулся о банановую шкурку
и отдал богу душу.
Берите остаток его жизни
за 50 золотых –
и подарим хотя бы по одному сытному месяцу тем,
кто недоедал в доме престарелых,
тем, кто лопатой и киркой
вытаскивал страну
из послевоенной разрухи.

А в этом свёртке жизнь актрисы,
умершей от передозировки.
Стоит всего 30 серебряных
чистых улыбок.
Купи, и мы подарим все тридцать
неизлечимо больной девочке,
которой осталось всего-то
с воробьиный клюв.
По улыбке в день.

А вот этот свёрток –
непрожитая жизнь героя.
Он отдал её по вине алчной,
вероломной власти,

отправившей его на смерть,
чтобы защитить награбленное.
Берите!
Он был честным
и очень достойным человеком.
Берите!
Только как бы и вы не погибли
за правое дело.

А вот это – время доносчика,
который сдох, как собака,
отдам за бесценок.
Слышите, за бесценок,
почти что даром.
Эй, вот ты, с грязными,
трусливыми глазами!
Эй! Да, тебе говорю.
Бери, отдаю за так.
Уж очень оно воняет.

по усталым дорогам

по усталым дорогам –
инвалиды
уже без иллюзий

по изувеченным улицам –
голодные дети

по утихшим дворам –
брошенные старики

по сожжённым полям –
неродящие бабы

над остывшей золой
звон пустых казанов

год окончания войны –
он впереди
или это мучает память меня?

человек боявшийся всего

человек боявшийся всего
уйдя в зонт по самые плечи
шёл в осеннюю морось с моря
печальной тенью

грустное его отражение
подрагивало на витринах
он шёл с моря
в который раз не сумев
бросить в пасть
разъярённым волнам
голову свою никудашную

боявшийся
воспитательницы
в детском саду
учителя в школе
профессора в институте
начальника на работе
жены дома
соседа во дворе
крепкого слова на улице
даже ласкового взгляда –
печальной тенью стал
вдруг в толпе
идущей ему навстречу
он увидел тёщу

сперва исчезло его отражение
потом – и он сам
с тех пор его никто не видел

на том месте где он исчез
под зонтиком
съёжившиеся от страха
нашли его вещи

курский вокзал

Старик и на человека-то
не похож:
на голове торчком
вздыбленный клочок волос
в зловонном рту –
последний огромный зуб.

Он на скамейке сидит,
песню поёт под гармонь,
ветхую, как он сам.

Слов и не разобрать:
птичками ввысь
не летят,
будто плевки об асфальт
шлепаются у ног.

Старик поёт,
и летят
на дно потёртой фуражки
со сломанным козырьком
монеты
со звоном пуль,
его пощадивших когда-то.

А после, как и всегда,
старик налижется вдрызг,
задрыхнет,
обняв гармонь –
куча старого хлама.

И на его простом,
порченном войной
порченном жизнью лице
будет улыбка блуждать –
единственное добро,
что у него осталось.

1974, Москва

КОГДА В НАШЕМ ДВОРЕ

когда в нашем дворе
срубили последнее дерево
и улетели отсюда
самые стойкие птицы –
огромный дом вырос здесь
из стекла и бетона
и стало не видно за ним
ветра солнца и радуги

и тут же в нас грипп вцепился
вечно злой и голодный
напали хандра и скука
тоска и заморский сплин

и стала жизнь треугольной
и стены упрямо встали
меж злобных её углов

но раз – кто бы смог поверить! –
попрыгали с полок книги
на улицу бросились в дождь

и тут же пустили корни
деревьями стали вдруг

росли пока вновь не скрылся
стеклянной сверкая кожей
с бездушной ухмылкой монстр

стихи мои – звонкие птички –
сверкают радугой перья
по новой вить стали гнезда
на ветках и петь о том
о том что прекрасно небо
свет радуга дождь деревья

скажи-ка ну что плохие
я книги всю жизнь писал

ЗНАЧИТ...

значит
за то что я так бос и наг
и так несчастен
есть надежда у меня
получить вторую жизнь
не того
кто ползает
а того
кто летает?!

решено!

этой же осенью оплетусь
шёлковой нитью
в кокон превращусь
буду висеть себе на ветке
до весны

вот только
кем я вылечу из кокона
ведь я же не гусеница?

море когда-то было

море когда-то было
щедрой рекой
озорным родником
тишайшим снегом
тягучим туманом
лебяжьим облаком
ливнем над лугом
звонкой росой
весёлой радугой...

оно снова и снова
повторяет этот путь

а человек
владеющий морем
может лишь осушить болото
повернуть реку
расстрелять град

отменить дождь
вывезти на свалку снег
задушить родник
и стереть радугу
как со школьной доски
вчерашнее задание

тавро

в небе неисчислимы звёзды
бесчисленные птицы
бессчётные мечты
сбывшиеся и несбывшиеся
облака наполненные дождинками
на земле – множество травинок
пылинок, песчинок...

но их давно пересчитали

и луну давно взвесили
измерили вдоль и поперек...
разумеется чтобы продать

плёнка мыльного пузыря
в 5000 раз тоньше волоска.

а в нервной системе человека
100 млрд нейронов
вселенная в поперечнике вытянута
на 156 млрд световых лет

уже за пределы её заглядывает человек
за пределы себя

все взято на учёт
даже думы, мечты, слёзы человека...

о глупости молчу
измерить её пока невозможно
да и вряд ли возможно будет когда-нибудь

сколько детей умирает за год?

сколько ещё умрёт?

и сколько бродяг роются в помойках?

вдумайтесь,
если в минуту на вооружение в мире
тратится 2 000 000 долларов,
сколько же жизней отнимается у детей?

измерившие тяжесть дыма
проникающие в сны птиц
как вы измерите боль ребенка?

а горе старухи-нищенки
сидящей на голой земле
с протянутой сухой рукой?

а горе бездомной собаки
едва волочащей свою костлявую тень
как измерить его?

мы знаем радость ребёнка
она равна объятию матери
воротам радуги над горами
и улыбке солнца и всех цветов на земле

ветерок, родившийся на рассвете
от росы и звёздного луча
прячься, не то и тебя поставят на учёт
поставят тавро и на тебе!

усталый ветер шёл в пыли

усталый ветер шёл в пыли
шёл который уж год
впервые не зная куда и зачем

и впервые ему было небезразлично
что думает о нём дерево
им же, потехи ради
вырванное с корнем
а птенцы на нём
так и не успели взлететь
навстречу заветным мечтам

он шёл
опустив свои воспалённые глаза
лохматый растерянный разбитый

скрестив по-старчески
руки за спиной
шёл, как чужими дорогами идёт
обросший
изрядно потрепанный путник

шёл и мечтал упасть и умереть
упасть и умереть
сложить когда-то полные сил и желаний
готовые к героическим свершениям
тяжёлые крылья

уронить своё продрогшее до костей тело
хотя и не был уверен
что у него есть кости

но не было грифов в небе
не было даже ворон

ни облачка не было ни тучки
только сухое небо над ним
а на земле – ни травинки
ни муравья, ни живой тени

вокруг –
железобетонные скелеты домов
ржавые остовы машин
кладбища совсем еще юных надежд
и зловещая хищная тишина

под лучами адского солнца
как жестоко изнасилованная женщина
валялась Земля

она была мертва

это зеркало

это зеркало в туалете
было
щеголеватым генералом
в орденах и медалях

вором в законе –
отморозком
в мажорном прикиде
скромным учителем
в потёртом костюме
примерной школьницей
с косичками
шлюхой с запахом
дешёвых духов и пота
грязной попрошайкой
набожной монашкой
шулером
полицейским
даже депутатом

оно иногда кололось
в тесной кабинке
блевало
напившись в хлам
материлось –
доярка после вечеринки
валялось
на зассаном полу
ревело
размазывая тушь по лицу
но так и не сказав
metoo...

сегодня оно застрелилось –
дырка в виске

почему? кто его знает

ни шприца
ни предсмертной записки

лишь оно
бездыханное
в лужице крови

собственной крови

Перевод с балкарского Алексея Прокопьева

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Концепция коллективного академического труда «Очерки истории литератур народов Северного Кавказа»

Масштабная трансформация духовного пространства народов Российской Федерации в последние десятилетия кардинально изменила не только структуру общественного сознания, но и самопонимание функций и статуса национальных литератур. При этом, к сожалению, современная литература вообще осталась вне поля зрения исследователей. Оказался неотрефлексированным новый культурный пласт художественного сознания, который до многим характеристикам является своеобразным, неповторимым в плане художественно-эстетическом, стилевом, идейно-содержательном.

Многообразие литературного материала предполагает многоплановый подход к его осмыслению, характеристикам и классификации. Для выявления объективных закономерностей развития литератур народов Северного Кавказа представляется необходимым предпринять комплексное, фундаментальное их исследование, новое прочтение художественно-стилевой динамики произведений, вопросы генезиса и современного художественного уровня национальных литератур, их жанрово-видовой эволюции и эстетической специфики. При этом определение основных тенденций и закономерностей развития и становление национального литературного процесса должно непосредственно ориентироваться и сопрягаться с достижениями культур других народов Российской Федерации, в особенности – русской.

Журнал «Литературная Кабардино-Балкария» предлагает проект, цель которого – обсудить важнейшие этапы развития литератур народов Северного Кавказа, осветить историческую динамику развития национальных литератур в контексте взаимодействия с культурами других народов Российской Федерации.

В предлагаемой серии публикаций могут быть учтены:

- значительные этапы и явления национальных литератур;
- особенности фольклорного мировоззрения и характера бытования произведений устного народного творчества и народно-профессиональных песнотворцев;
- роль и место в национальной культуре религиозного и внесакрального факторов;
- основные литературные направления и течения, отношение первых национальных писателей к различным художественным системам;
- факты жизни и творчества национальных писателей;

- современное состояние литературы как итог длительного исторического развития этноса и его художественной словесности;
- состояние национальных литератур в эпоху глобализационных процессов.

В этом номере ЛКБ публикуется первая серия статей на заявленные темы.

Хамиша Тимижев, Юрий Тхагазитов

*Нина НАДЪЯРНЫХ (1927–2018),
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник ИМЛИ РАН*

**«История литературы как наука»:
аксиология целостного смысла**

Мы давно находимся на странном перепутье. Живем и работаем под знаком вопроса, на изломе культурной парадигмы, в неустойчивости эпистемологического или иного «кризиса», которые мы должны заново по-человечески переживать и осмысливать как ученые-гуманитарии, ценность труда которых, впрочем, снова настойчиво и безапелляционно ставится под сомнение.

Ценность понятия «научной истории литературы» с последних десятилетий прошлого века тоже и очень уж часто ставилась под сомнение. Зарубежные «деконструкции» в отечественной ученой среде отозвались – напомним – особенно остро в конце 1990-х и в начале 2000-х годов, когда в журналах «Вопросы литературы» и «Новое литературное обозрение» развивались по сей день памятные и по сей день отнюдь не исчерпанные дискуссии. Подвергалась далеко не всегда научной критике сама возможность создания «историй национальных литератур» и «истории всемирной литературы» (объектом непрекращающейся критики служила, в частности «История всемирной литературы», созданная в ИМЛИ РАН). Но при этом из виду самых яростных оппонентов отнюдь не исчезала практическая потребность в историзации литературы. К словосочетанию «история литературы» тогда было добавлено множество концептуальных определений: гендерная, маргинальная, альтернативная, постколониальная... Определений, как будто призванных прорисовать путь иронической историзации литературного смысла в «эпоху» «смерти автора», в «эпоху» отказа от принципов и категорий научности и целостности.

Но отечественное гуманитарное мышление совсем от идеи целостности отказаться как-то не могло. И вот М. Л. Гаспаров, участник тех дис-

куссий, в статье «Как писать историю литературы» вдруг заключал: «Да, история литературы есть одна из форм нашего сознания, собственного мышления, в рамках нынешней научной парадигмы и так далее. Но прежде она все-таки есть средство систематизации наших разрозненных знаний о литературе»¹. «Бедный Гаспаров, он и не заметил, что *систематизация* отменена вместе с “*системой* “!» – комментировал это высказывание много позже в одной из последних своих работ В. Б. Земсков («Современные споры по поводу компаративных и других историй»)². И, продолжая, подчеркивал, что забывший про «актуальные» отмены и отказы Гаспаров сумел опустить «на землю залетевших в неведомые дали “теоретиков”»: перепрыгивая через этапы, мы не прошли толком “позитивистского академизма”, писал Гаспаров. «Кто внедрил бы его [позитивистский академизм] сейчас в изучение новой и новейшей литературы – тот мог бы в нынешней ситуации считаться самым революционным модернистом. Если говорить о «других историях литературы», то эта *нулевая степень* истории литературы могла бы считаться у нас самой-самой «другой»³.

Мы сегодня говорим об «академической литературе народов Северного Кавказа», видимо, начиная прорисовывать контуры концепции именно такой – академической, научной истории. Идею «позитивистского академизма» из виду никоим образом упускать нельзя. И потому, что именно «позитивистский академизм» учит скрупулезной фактографии, и потому, что именно позитивизм (в лице И. Тэна) разрабатывал идею историко-культурной *объективной* безусловности «вечных образов»; да еще и потому, что позитивизм когда-то выдвинул хорошо забытую и одновременно до автоматизма критически клишированную триаду, в контексте которой исследовалась литература в XIX веке: конец XX и начало XXI века с успехом пользуются тогдашними позитивистскими находками, правда преломляя (переламывая) *объективную* для позитивистов этническую, географическую (ландшафтную), временную специфику призмой вездесущей *субъективности* и вездесущего же «*воображения*».

«Воображение» – одно из ключевых для современных исследований слово... Но взятое в исторической перспективе оно воссоздаст еще один методологически и полемически чрезвычайно актуальный для нас контекст – романтический. Именно этот контекст отсылает нас к тем европейским историям национальных литератур, которые рождались в лоне раннего романтизма, прорисовывая вопреки чисто механистической рационалистической логике концепцию *органического развития*

¹ Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 143.

² Земсков В. Б. «Современные споры по поводу компаративных и других историй» // Сравнительно о сравнительном литературоведении: Транснациональная история компаративизма. Под ред. Е. Дмитриевой и М. Эспаня. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 136–149.

³ Там же. С. 145.

литератур, благодаря чему в них «просматривается единство истории», как много позже говорил А. В. Михайлов, восстанавливая ценности романтической историографии, с невниманием к неповторимой индивидуальности и целостности как выражению духовной жизни народов в тесной связи с их религиозной, философской и политической историей¹.

О том, как сложнейшая диалектика «неповторимой индивидуальности» и «целостности» предстанет – должна предстать – в задуманной «академической истории», надо будет, пожалуй, ещё много размышлять. Я искала некий общий формат в отношении к нашему сегодняшнему предмету – многонациональной, полиэтнической литературной историографии Северного Кавказа. Но лишней раз убедилась: исходить из какого-то общего знаменателя, «налагая» теорию на процесс, или, как сказал в свое время Д. С. Лихачев, «готовую концепцию на факт», нельзя. Нельзя по определению. Каждая литература Северного Кавказа, её художественный мир, требуют от историографа индивидуального подхода, «тождества себе», если по С. С. Аверинцеву. И потому только в согласии с динамикой интеллектуальной интенции, определяющей смысл историографического сочинения, только в сговоренности теории с историей, их взаимной погруженности создаются условия, при которых «методологическая мысль перетекает в деятельность». «Теория всё время имеет дело с *самой* историей, – писал, подчеркивая слово *самой*, А. В. Михайлов. – Выясняя законы поэтического, теория как бы изготавляет ключ к самому поэтическому осмыслению истории и убеждается в том, что, чем бы она ни занималась, – историей отдельных литератур, жанров, толкованием отдельных произведений, стихосложением и так далее, – она <...> всякий раз приближается к так или иначе осмысленной истории, к самой сгущаемой истории, получающей образ и облик»².

Концепция историзма А. В. Михайлова, как и концепции С. С. Аверинцева и Д. С. Лихачева – стоит об этом помнить – формировались во вполне определенном научном контексте – в контексте осмысления и возрождения принципов исторической поэтики, то есть того теоретического метода – «ключа» к «истории литературы как науке», который был «создан-изготовлен» А. Н. Веселовским³. Метод этот получал новое развитие как раз в то время, когда ставились под сомнение и сам принцип историзма, и принципы «истории литературы как науки», к тем же 1990-м годам, о которых я упоминала в начале своих размышлений: в 1994 г. в ИМЛИ РАН увидела свет книга «Историческая поэтика. Литературные

¹ Михайлов А. В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. М., 1989.

² Михайлов А. В. Методы и стили литературы. М. ИМЛИ РАН, 2008.

³ Именно Веселовскому, напомню, принадлежит формула, вынесенная в заглавие моих размышлений: «История литературы как наука».

эпохи и типы художественного сознания». Книга эта вполне актуальна по сей день, но не менее актуальным является ценностно-вопросительное перечтение и новое осмысление работ самого Веселовского в контексте конкретных проблем научной историзации литератур Северного Кавказа¹.

Можно, например, задуматься о потенциале известного тезиса Веселовского о литературно-фольклорной двойственности – константе развития европейских литератур, определяющей и генезис «проявления в сознании поэтического акта как личного»², и всю органику становления и развития европейских литератур, их многогранную динамичную целостность³. Веселовский, как мы помним, о возможных путях внутренней эволюции европейского фольклора (к поэтическому акту как личному) рассуждает гипотетически. А вот исследования внутренней эволюции фольклора многих народов России и фольклорных традиций Северного Кавказа (*в их неповторимой индивидуальности*) как раз научно верифицирует данную гипотезу.

Рассуждая о взаимодействии литературного и народно-поэтического, Веселовский прибегает к понятиям «союз», «сочетание», «подражание (литературным. – Н. Н.) образцам»; говорит о «скрещивании своего, народного, с пришлым и культурным»⁴. И вот что важно: согласно Веселовскому возникшее сочетание литературы и фольклора никоим образом не указывает на отмирание народно-поэтической основы (всем

¹ Новое осмысление метода исторической поэтики, напомним, вписывается в концепции проектов ИМЛИ РАН «Литературная классика в диалоге культур» и «История национальных литератур. Теория, методология, современные аспекты изучения».

² *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику // *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 48.

³ Веселовский формулирует: «Задача исторической поэтики, как она мне представляется, определить роль и границы предания в процессе личного творчества». – *Веселовский А. Н.* Поэтика сюжетов // *Веселовский А. Н.* Цит. изд. С. 300. Погружаясь же в динамику литературных смыслов отмечает: «Древние литературы здесь ничего не освещают, мы не знаем, при каких условиях они зарождались, какие посторонние элементы участвовали в их создании, и мы сами слишком мало знакомы с процессами народной психики, чтобы в данном случае делать заключения к прошлому от явлений современной народной жизни». Научная достоверность суждения о «личном творческом акте» нащупывается только на уровне европейских культур Средневековья: «На почве европейской культуры с характерной для нее двойственностью образовательных начал он решается легче и осязательнее. <...> Европейская поэзия развилась таким именно путем: поэтическое чутье возбудилось к сознанию личного творчества не внутренней эволюцией народнопоэтических основ, а посторонними ему литературными образцами». *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику // Цит. изд. С. 48.

⁴ Там же. С. 49.

ведь здесь памятна эта лозунговая схема: от фольклора – к литературе?). Но механическая замена фольклорного «этапа» литературным в *научную органику* исторической поэтики никоим образом не вписывается. А органика конкретных литературных систем – литературной системы Северного Кавказа – строится на (требующих этически и эстетически очень внимательного, детального, скрупулезного анализа) многообразных процессах взаимодействия и «своего» фольклора и «пришлой» литературы (пришлых литератур?), и «своего» фольклора и «своей» литературы, но и «чужого» фольклора и «своей» литературы...

Сразу оговорюсь: научная органика исторической поэтики отнюдь не подразумевает снятия глубинного напряжения особого типа смыслопорождения, постоянно протекающего *на границах «своего» и «чужого»*. Фольклорно-литературные *взаимодействия* – это лишь одна грань в подлежащем исследованию сложнейшем структурном образовании «литератур Северного Кавказа». Литератур, особым образом генерирующих в своем развитии потенциал «культурно-цивилизационного пограничья»¹. Литератур, включающих в динамику своего структуропорождения целый ряд взаимодействий, выстраивающихся на уровнях традиций и современности, подразумевающих этнонациональные, социокультурные, конфессиональные, эстетические и этические, языковые аспекты².

Аксиология историзации целостного смысла литератур Северного Кавказа, принимаемых во всей противоречивости их разветвленной динамики, во всей сложной – «пограничной» – энергетике их структурности, требует разработки соответствующего концептуального и методологического аппарата. Метод исторической поэтики здесь, на мой

¹ См.: Проблемы культурного пограничья. М.: ИМЛИ РАН, 2014.

² Эти уровни, как я уже указывала в свое время, также имеют весьма серьезные внутренние градации и стыки, что и к самому понятию «структуры» требует особого отношения. Мне наиболее близко понимание структуры как таковой, которое я нахожу у известного теоретика искусства Яна Мукаржовского: «В качестве смыслового единства структура есть нечто большее, чем простое суммарное целое, т. е. такое целое, которое возникает в результате обычного соединения частей. Структурное целое знаменует каждую из своих частей, и, наоборот, каждая из них знаменует это, а не иное целое. Следующий существенный признак структуры – ее энергетический и динамический характер. Энергетичность структуры состоит в том, что каждый из элементов имеет в общем единстве ту или иную функцию, включающую его в структурное целое и связывающую с ним; динамизм же структурного целого определяется уже тем, что благодаря своему энергетическому характеру эти отдельные функции и их взаимоотношения подвергаются постоянным изменениям. Поэтому структура как целое находится в постоянном движении в отличие от суммарного целого, которое при изменении нарушается». – Мукаржовский Ян. Структурализм в поэтике и в науке о литературе // Мукаржовский Ян. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. С. 257.

взгляд, принципиален, но он отнюдь не отменяет иных подходов, поверяемых принципом историзма (среди этих иных не могу не упомянуть современную имагологию и современную литературно-философскую феноменологию, ориентированную на реконструкцию «неповторимости» и «целостности» как опыта). Ещё один принципиальный, на мой взгляд, момент касается перепрочтения ряда стереотипных, затертых «формул-постулатов», все еще бытующих в отечественной «концептосфере» национальных литератур – литератур народов России: младописьменности, стадиальности, линейности, ускоренности...¹

Впрочем, не менее затертыми видятся подчас, например, и понятие «диалог культур», и формула «текст и контекст» национальной литературы. Формулы эти из тех, что девальвировались содержательно от частого употребления, размылись функционально в своей расхожести. Собственно, заформализованная зашоренность формулы «диалог культур», как и, кстати, формулы «взаимодействие и взаимовлияние литератур», во многом и подтолкнула меня на открытие теперь уже почти десять лет развивающегося проекта «Литературная классика в диалоге культур», который позволяет при фундаменте классики показать такие важнейшие принципы взаимодействия литератур, как эстетическая и национальная результативность культурного диалога и универсалий духовных коммуникаций, как роль когнитивной компоненты мультилитературного *контекста*, а также, конечно, значение герменевтических черт национальных литературных моделей. И диалектику «текста» и «контекста» как особых факторов литературной динамики утрачивать, конечно, нельзя.

Напомню, в частности, только об одной сфере литературоведческого научного употребления понятий «текст» и «контекст» – явно методологически актуальной в свете обсуждаемого проекта.

«Контекст» – это функционально-осевая категория концепции особых межлитературных общностей, разрабатывавшейся в 1980-е гг. под руководством словацкого теоретика-компаративиста Д. Дюришина. В трудах Дюришина понятие «контекста» обрело свое устойчивое место в теоретическом лексиконе и в применении на практике. То же касается категории «текст» национальной литературы, взятой в полном историко-содержательном и формальном объеме. Извлечение когнитивного смысла понятия «контекст» важно и тогда, когда познаются все еще труднодоступные тайны особенности той или иной литературы (своеобразие её «текста»), и тогда, когда акцент падает на изучение труднодоступных коллизий литературной совокупности, сообщества, общности литератур.

¹ По необходимости я лишь бегло (штрихом) касаюсь некоторых, можно сказать, полуостаточных явлений, мешающих методологическому обновлению научной мысли, тем более, что больший смысл вижу в обращении к вопреки всему набирающим силу положительным тенденциям.

Понятие «контекст» задействовано на целостность суждений об искусстве слова, без абсолютизации единичного и предпочтений общего, в конечном счете – на связь и когнитивную взаимодополняемость литератур. И вот что важно – сама концепция «межлитературности», на рубеже XX–XXI вв., казалось бы, полностью перешедшая в область «истории критики», становится в наши дни все более востребованной, как в общетеоретических компаративных штудиях, так и в новейшей историзации литературных опытов: и зарубежных – западных и восточных, и – главное – опыта литератур народов России и СНГ, в том числе литератур Северного Кавказа. Но опять-таки: концепция «межлитературности», «межлитературных общностей» (и в её основе, кстати, просвечивается метод исторической поэтики – Д. Дюришин ведь тоже из последователей Весловского) должна быть подвергнута аксиологическому перечтению в контексте конкретики планируемого и обсуждаемого сегодня проекта. Автоматически и этой концепцией пользоваться недолжно, ненаучно.

На сегодняшний день доказали свою несостоятельность идеологическая регламентация историографических моделей и созданного ими социологического канона. Но удивительное дело. Сознвая необходимость новой критериологии, многие историографы впали в своеобразный анабиоз. В анабиоз ожидания – и, боюсь это вымолвить, но все же – ожидания чего-то готового, чего-то, как прежде, указующего. Но без мыслительных усилий каноны не дадутся, путь к целостному смыслу не откроется. Д. С. Лихачев даже считал, что эти усилия должны закладываться еще в планирование научных работ, высвечиваясь затем в обсуждениях и спорах.

Мы давно находимся на странном перепутье. Пусть же это перепутье превратится в место встречи наших мнений, станет перекрестком споров и поисков. Пусть наши споры и поиски осуществляются и будут плодотворными.

*Казбек СУЛТАНОВ,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий отделом литератур
народов РФ и СНГ ИМЛИ РАН*

Поэзия северокавказской эмиграции: мотив «исторической родины»

В изучении литературной диаспоры как фундаментальной научной проблемы отчетливо обозначилась смена этапов: от восстановления объемов культурной работы диаспоры через собирание материала, его систематизацию и каталогизацию к дифференцированному подходу к эстетически значимым тенденциям. Безусловно, эта смена знаменует собой окончательный отход от задач идеологической полемики, от моно-

литного восприятия литературной диаспоры как идейно-эстетического антипода литературы советской эпохи.

Анализ характерных черт формирования и функционирования литературной диаспоры включает в себя и внимание к соотносительности с контекстом культурного традиционализма, исторической национальной традиции, и учет конкретных обстоятельств пребывания вне исторической родины. Уточнение концептуальных принципов описания явления литературной диаспоры, о которых сегодня так много говорят, требует прежде всего взаимодополнительности сравнительно-исторического и типологического методов изучения. Только на этом пути возможно четкое представление об интегрирующих факторах и поиск ответа на извечный вопрос: одна или две литературы.

В рамках концептуального подхода можно выделить следующие аспекты: дифференциация эмиграционных потоков (первая волна – кавказская война в XIX веке, вторая – революционные катаклизмы, третья – вторая мировая война); хронологические границы, этапы развития; географические характеристики (страны расселения, национально-культурные центры и т. д.); состав литературной диаспоры (социально-политический, этнический и т. д.; при изучении северокавказской диаспоры остро не хватает изданий типа: П. Ковалевский. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека. 1920–1970. Париж, 1970); собственно эстетический анализ, имеющий свои задачи, вовсе не сводимые к мотиву «дюжина ножей в спину революции»; характер ассимиляционных процессов, переход на язык страны расселения, степень отстраненности от проблематики исторической родины.

Литература северокавказской диаспоры, обнаруживая несомненную генетическую связь с этнокультурным контекстом национальной традиции, сформирована там (Турция и другие страны), будучи по приверженности к определенной проблематике здесь (Кавказ). Это, если воспользоваться образной аналогией Г. Струве из его книги «Русская литература в изгнании», «воды отдельно текущего... потока», но не вызывает сомнения основополагающая задача литературной диаспоры: «содействовать обогащению... общего русла...»¹, ибо в нерасторжимом единстве оказались отношения к родине как исторической земле предков и отношение к Родине как национальной культуре.

В поэзии северокавказской диаспоры последовательно и целеустремленно звучит мотив, суть которого выражена в названии известной книги Р. Гуля «Я унес Россию». Ощущение своей духовной правоты уходит корнями в это миропонимание: наши предки унесли с собой Кавказ. Острота переживания драматической судьбы кав-

¹ Г. Струве. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк. 1956. С. 7.

казских народов, глубина чувства исторического унижения, утраты исторической Родины действительно оказались в большей степени прерогативой литературной диаспоры, чем дали знать о себе в кавказской поэзии советского периода, в которой этот комплекс идей и чувств был полностью заблокирован по понятным причинам. В этом смысле диаспоре удалось «сохранить достоинство»¹ национальной культуры вообще.

Общеэмигрантская тематика (одинокость, ностальгия, тоска по утраченной и поверженной Родине) конкретизируется через призму непрерывной духовной связи с Кавказом, сильного чувства преемственности поколений, которая сохраняется вопреки историческим потрясениям. Тема всепоглощающей тяги и духовного «исхода к Кавказу», сознание фундаментальной ценности свободы как синонима понятия «Кавказ» обрели первостепенное значение.

При всей невыдуманной остроте антитезы «дом-чужбина» существенным для литературной диаспоры оставался конфликт ценностных ориентаций. В 1947 году в работе «Русская эмиграция перед лицом России» В. Лазаревский писал: «Смирение перед Россией; непримиримость к советчине – такова двуединая формула, определившая морально-политический смысл эмиграции»². Надежда на национальное возрождение Кавказа и «непримиримость к советчине» – формула духовного самочувствия северокавказской эмиграции. В этой системе оценок завоеванный и позднее советизированный Кавказ воспринимался не иначе, как цивилизационная катастрофа, слом идентичности, крах традиционных ценностей, распад кодекса горской чести и поведения. Стремление сохранить «свой Кавказ» как духовную альтернативу процессам денационализации «исторической родины», угасанию национальной самобытности, измельчанию запросов в обстановке идеологического рабства прямо связано с усилением «момента памяти – памяти генетической, памяти традиционной, памяти прежних культур», когда повышается роль «рудиментов, которые были для созданной заново культурной системы субстратами, исходными элементами»³.

Речь идет об актуализации тех настроений, суть которых выразил в конце XIX века К. Хетагуров на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей»: режим после покорения Северного Кавказа «с первых же шагов пошел совершенно вразрез с духовно-социальным строем туземцев, во всех его разнообразных проявлениях, – до самых пустых мелочей

¹ Г. Адамович. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж. 1961. С. 6.

² В. Лазаревский. Русская эмиграция перед лицом России // Русская мысль. № 3. 3 мая 1947.

³ Л. Гумилев. Этносы и антиэтносы // Звезда. 1990. № 1. С. 139.

включительно»¹. На протяжении девятнадцатого столетия декларациям «владычества» (самое популярное слово-лейтмотив в названиях трудов русских историографов, в донесениях, реляциях и т.д.) неизменно как обратная сторона медали сопутствовало понимание трагической безысходности исторической драмы кавказских народов, столь гениально выраженное в тираноборческом «Кавказе» Т. Шевченко («за горами горы, тучами повиты, засеяны горем, кровию политы»),

Кровию политы – постоянный, чтобы не сказать – дежурный, образ северокавказской литературной диаспоры. Семих Сейид Дагестанлы, автор книги «Звезда мухаджира»², не устает повторять: «в крови все мои стихи», «кровь орошает побегии грядущей свободы», не останавливаясь перед гиперболизацией мотива: кровь не только освятила воды Терека, но и впиталась в земные пласты под водой.

Поэзия Алаэтдина Сезгина, Демира Шимшека, Семиха Дагестанлы, Эфгана Чаглы, Рифата Озбея, Али Акатурпа и др. чутко отреагировала не столько на столкновение цивилизации и природы, модернизации и органики горской жизни (хотя эта проблема колоссальной значимости для Кавказа, о чем свидетельствуют удивительные прозрения Важи Пшавелы), сколько на глубочайшее противоречие между историческим призванием, обоснованным в ходе кавказской войны, и тем социальным проектом, который был реализован вопреки духовным устремлениям кавказцев.

Перекликаясь с мучительным вопросом лермонтовского черкеса из «Измаил-бея» («за что... вы возмутили нашу долю?»), лирический герой Алаэтдина Сезгина призывает равняться на высший духовный ориентир:

*Плуг и сабля, перо и Коран – не про нас,
Если не беспокоит отныне,
В чьих руках и под чьими ногами Кавказ –
Опустевшая наша твердыня.*

В стихах Семиха Дагестанлы лирический инвариант («ручьи по склонам – плач скал по погибшим») претерпевает различные вариации, но вектор лирического самочувствия остается неизменным: острое переживание исторической драмы соплеменников. Мало при этом сказать, что идея и идеал героического сопротивления присутствуют как несомненный духовный импульс. Это скорее род постоянной силовой тяги образных решений, решающий компонент мировосприятия и поэтики, создающий и поддерживающий особую эмоциональную атмосферу и экспрессивную окраску.

¹ К. Хетагуров. Неурядицы Северного Кавказа // Санкт-Петербургские ведомости. 1899. № 82.

² Семих Сейид Дагестанлы. Звезда мухаджира. Махачкала. 1994.

Свою парижскую речь в 1924 году И. Бунин начал с принципиального уточнения: «Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину»¹. Если различать эти понятия применительно к северокавказской диаспоре, то очевидно, что выходцы с Северного Кавказа в большинстве своем изгнанники, а не эмигранты, покинувшие родину не добровольно, а насильно (могила или изгнание – другого не дано; в чеченской народной песне о генерале Фези выразительно сказано об этом: «мы в горы, мы в леса – всюду он за нами, ...укрыться можно только в могиле»).

Далее И. Бунин говорил о «глубоком падении народа», о «великом падении России» («сошла с ума», «погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы»)². Продолжая сопоставление, можно выделить иную тональность в поэзии северокавказской диаспоры: оправдание народа в его героическом сопротивлении, в верности идеалу свободы, в возвышении, а не в падении, национального самосознания. Признание Семиха Дагестанлы («я один – без народа») исполнено трагического смысла именно потому, что пронизано чувством оторванности от героического жребия народа. Приобщение к несломленной национальной воле – нравственный императив отношения к народу.

Поэзия северокавказской диаспоры вовлечена в контекст неразрешенного (или неразрешимого?) спора, истории взаимонепонимания России и Кавказа. Что стоит за этим спором – столкновение несопоставимых миров? Трагический поиск возможной одной исторической дороги? Мучительное сближение чужих, но не чуждых миров? Тяжелый, но все-таки частный вопрос в рамках геополитического соперничества России с Персией и Турцией (в одном из документов середины прошлого века не скрывается заветная цель: «...Россия могла бы со стороны Анатолии сделаться страшною, как Турции, так и Персии», «Поздние виды на овладение Персиян могли бы способствовать к утверждению Индийского торга» и т. п.)³?

Эта мировоззренческая доминанта исторической памяти, закреплённая в семейных преданиях, в народных легендах и т. д., мощно корректирует мир личностно-неповторимого, прямо влияет на тип поэтического сознания, формирует психологический контекст поэтического слова. Пульсирует, если так можно сказать, нерв коллективного бессознательного, а процесс *опамятования* выступает как источник лирического вдохновения.

¹ И. Бунин. Миссия русской эмиграции // Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 349.

² И. Бунин. Указ. соч. С. 355, 352, 351.

³ Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Кн. 2. С. 93.

Если лирическому герою Орхана Догбая «опять отчизна снится», то продолжение предопределено упомянутым выше контекстом: «в дыму, в стенаньях и огне». Когда Семих Дагестанлы пишет о том, что «дышит дух имама», то становится ясно: для поэта незатухающий резонанс исторической драмы трансформируется в сиюминутное чувство, в повседневность сегодняшнего переживания, когда *предок воспринимается как современник*. Душа шахида, позывные джихада, дух имама, священный флаг предстают не как далекое прошлое или вчерашний день, а как жгучая реальность. Столь же неопровержимая, как и соль аравийского песка на хлебе изгнанника.

Прошлое как интимное семейное предание – в актуализации этого мотива сходятся многие поэты диаспоры. Поход Надиршаха или восстание шейха Мансура, задолго до Шамиля, не говоря уже о трех легендарных имамах (Кази-Магомед, Гамзат-бек, Шамиль) и мухаджирах – эти и многие подобные факты истории переживаются как события личной биографии. Лирический герой Семиха Дагестанлы чувствует, как «соки струятся из пластов истории», следуя логике почти экстатического самовнушения: «моя душа на восемьдесят лет старше тела». Стоическая верность памяти и праху предков как бы останавливает само время (у Али Акатурпа: «мы далеко, но над нами все та же звезда»; у Семиха Дагестанлы: «возмужавшие юноши, как и двести лет назад»). В стихотворении Семиха Дагестанлы «Смирились мы с участью Вечного жида, хотя нас и не в чем винить!», которое разворачивается как ответ на вопрос ребенка («а что это – родина?»), юному созданию предстоит познать главное – «тоску по отчизне забытой»:

*Пытливый потомок мюрида узнает,
Как гасли в домах очаги,
И как предпочли мухаджиры изгнанье
Горам, что обжили враги.*

Бросается в глаза характерная особенность поэтического мироощущения: глубинная историческая ретроспектива трансформируется в желаемую перспективу, отшумевшие события приобретают как бы «второе дыхание» в рамках нового цивилизационного проекта, обращенного в будущее. Прошлое, оставаясь самим собой, становится будущим, минувя многомерный и более чем поучительный опыт XX века. Погибнуть тогда, чтобы воскреснуть завтра, пережить новое, подлинное самоутверждение в другом историческом и духовном измерении. Очень характерны в этом смысле не столько констатации типа «сирота свободы», «потомственный изгой», «участь вечного жида», «бесконечная нить обид», сколько обращенность в будущее («расчехлить знамена», «жди, недолог час», «придут иные поколения», «наши молитва и любовь все

же спасут»). Для Семиха Дагестанлы все жертвы – «зерна грядущей свободы», ибо ожиданием свободы живет Кавказ. Поэт находит сильный образ («одержим фантомной болью»), разворачивая свое представление о Кавказе не только как о духовной опоре и стихии свободного духа, но и как о доме, временно оставленном. Мысль, которая «словно дервиш» бродит по долинам отчизны («отчизны, где сроду я не был») – предвестник возвращения, возрождения, неизбежного воссоединения с исторической родиной.

Кавказ как интегрирующий идеал, как цивилизационный тип общности, расширяющий смысловое поле понятия «историческая родина», как надвременная субстанция – магнитный центр образных миров. Доминирует общекавказская ментальность, надэтнический кавказоцентризм как следствие вынужденного этнического самоотречения (биографическая невозможность идентификации своих корней: в каком конкретно ауле родились предки и т. д.), что приводит подчас к излишнему общему, глобализирующему восприятию Кавказа, к незнанию внутрикавказских деталей и живых подробностей.

Отстаивая обобщенно-символическое значение Кавказа как исторической родины, подчеркивая его бессмертное начало, поэзия декларирует приверженность кавказскому дому. В программном стихотворении Семиха Дагестанлы «Северному Кавказу» край предстает как «алмаз монолитный», а «море Черное с Каспием» – как «рукава одной неразрывной черкески». Не замыкаться «в этнических станах», предпочитая «одинокости – объединенье» – в этой тональности «спасающего единства» выдержаны многие стихотворения. Рефреном проходит в стихотворении «Абхазия ищет свободу на полях сражений» фраза «народы кавказские, узы единства не режьте!».

Характерный штрих в стихотворении «Грезы имама»: «Боль Абхазии – в сердце чеченцев бесстрашных». Для Демира Шимшека «поодиночке гаснут звезды», но «кавказское созвездие» неугасимо: «повсюду надо мной твой знак».

Отношение к свободе как фундаментальной общекавказской ценности лишено, как правило, конкретно-исторической обусловленности. Перед нами скорее метафизика свободы, абсолют свободы как таковой, свобода в себе и для себя, безотносительно к чему-либо как возможной мотивировке. Пушкинское «свобода! Он одной тебя еще искал в пустынном мире» точно схватывает суть вопроса. Одной тебя еще искал...

Свобода как единственная и постоянно ускользающая ценность, поиск которой самодостаточен – эта тема у поэтов северокавказской эмиграции обретает онтологический статус. Именно со стихотворения «Свобода» начинается Семих Дагестанлы свою книгу «Звезда мухаджира». Через взаимоотношающиеся метафорические уподобления – «солнце свободы», «дети гор – дети свободы», «свобода – желанная невеста»,

«Кавказ – обитель свободы» – историческая родина конкретизируется под знаком перманентного свободолюбия. Достаточно типический поворот лирической темы у Али Акатурпа: «вечно терпение наше, а будет ли вечной свобода?» Рифат Озбей, обращаясь к абхазскому шахиду, пишет: «погиб ты, но жива твоя любовь к свободе».

Нельзя не отметить, что поэзия, выступая исключительно как образная реконструкция исторической драмы, оставляет ощущение жестокой тематической связанности. Почти не заметны иные смысловые обертоны, повороты ищущей мысли, способной подняться до национальной самокритики. За границами устойчивого миропонимания остается то, что можно назвать высотой философского осмысления (например, уровень антивоенного пафоса, когда начинаешь понимать, что «под небом много места всем», как в лермонтовском «Валерике», или: «но счастья нет и между вами, природы бедные сыны», если вспомнить пушкинский комментарий к спору Алеко с цыганами).

Реконструкция предполагает прежде всего мышление контрастами, предельно обозначенной оппозицией (как у Семиха Дагестанлы: «для преданных тебе (Дагестану. – К. С.) – взлет и высота, для предавших – падение и бездна»). Текст, поэтическое слово погружены в контекст, предполагающий не столько широкий социокультурный смысл, сколько систему знаковой нормативности, сложившихся внутренних смысловых связей между ключевыми словами (Кавказ – свобода – честь – дух – горец и т. д.), которые выстраиваются в некий обязательный синонимический ряд.

Нетрудно заметить устойчивость образной логики, постоянно возвращающей поэта и читателя к внетекстовой обусловленности слова, к предопределенности смыслового хода. Слово как бы сигнализирует о себе в переключке с другим словом, в ассоциативном ряду, обязательность которого очевидна в рамках условно-поэтического, стилизованного Кавказа.

При этом общекавказская символика (Эльбрус, заветный кинжал, черкеска, звук зурны) создает нередко только внешнюю ситуационную достоверность, оставаясь элементами самодовлеющей декоративности. Кроме того, верность иному мировоззренческому полюсу, естественно, сама по себе не в состоянии гарантировать качество поэтического мышления, обеспечить свободу от ангажированности (при обсуждении книги А. Авторханова «Империя Кремля» на страницах журнала «Дружба народов» я пытался обосновать это немаловажное наблюдение: резко антисоветский пафос книги был не в состоянии скрыть, как это ни звучит парадоксально, сугубо советский стиль мышления, однозначно тяготеющий к категоричности оценок).

Ответственное отношение к явлению литературной диаспоры предполагает отказ не только от былой идеологической недооценки, но и от соблазнов ложной актуализации, сотворения новых кумиров.

Отказываясь от приговора как способа оценки, мы должны стремиться к адекватности восприятия иной социокультурной ситуации в рамках целостной характеристики национального художественного опыта. В поисках слагаемых ответственного отношения и адекватного восприятия полезно вспомнить методологически значимое замечание М. Бахтина: «В гуманитарных науках точность – преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнавание чужого и т. д.)»¹.

В ряду устойчиво-доминирующих признаков – при всем понимании неоднородности северокавказской эмигрантской среды – выделяются: активность национального самосознания; острое переживание исторической самооценности своего народа и его вклада в цивилизацию; отношение к нему как к субъекту исторического творчества. Идею национальной самобытности и исторической самостоятельности народов Северного Кавказа лучшие представители северокавказской литературной диаспоры пронесли через социальные и политические потрясения, последовательно выступая против разрушительного процесса денационализации культуры.

*Юрий БАРАБАШ,
доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИМЛИ РАН*

Историко-литературный дискурс: вызовы и апории

Данная проблематика актуализируется сегодня на фоне вызовов, выдвигаемых перед историей литературы как филологической дисциплиной кардинальными изменениями социальной, общественной и духовной парадигмы в бывшем советском континууме.

Несколько штрихов.

Утратили влияние (во всяком случае, решающее) идеологические императивы, ещё недавно считавшиеся незыблемыми, диктовавшие направленность и характер как современных штудий, так и историко-литературных исследований.

В собственно историко-литературном дискурсе потеряли актуальность некоторые ключевые для недавнего времени идеологемы и методологические доктрины (например, ленинское положение о «двух культурах» в каждой национальной культуре).

Изменяются, углубляются, подчас существенным образом пересматриваются оценки тех или иных литературных имён и фактов, в том числе и относящихся к классике, расширяется круг исследуемых явлений.

¹ М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 371.

Одновременно в сферу научного исследования в последние десятилетия вошло значительное число «новых» – забытых, а чаще табуированных, – имён, явлений, целых пластов (литература эмиграции и диаспоры), что привело не просто к количественному расширению дискурсивного поля, но к системным изменениям, в частности, в иерархии ценностей.

Подверглось серьёзной деформации – если не разрушилось вообще – общекультурное пространство на территории бывшего СССР.

Ушло из общественного бытия и сознания (оставшись в научном обиходе как объект ретроспективного осмысления) понятие советской многонациональной литературы, органической частью и структурирующим фактором которой была русская литература. Усиливается научный интерес к самобытным корням национальных культур, к широкому спектру влияний на их формирование и развитие; акцентируется национальный фактор.

Охарактеризованная постсоветская историко-литературная ситуация, при всех её специфических особенностях, с точки зрения своей «методологической неустроенности» [3: 181], достаточно отчётливо вписывается в глобальную панораму *общего*, мирового кризиса исторического мышления, в частности, истории литературы.

Начало осознанию кризиса, исчерпанности прежних, в значительной своей части либо позитивистских, либо, напротив, предельно идеологизированных, моделей, необходимости для исторической науки критического самоанализа, трезвой оценки своих реальных возможностей и границ положила сама эта наука, прежде всего такое её ответвление, как философия истории; отсюда инспирационные импульсы были даны и истории литературы. Работы Ганса-Георга Гадамера «Истина и метод», Мишеля Фуко «Археология знания», Гейдена Уайта «Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века», Фрэнка Анкерсмита «Эффект подлинности в написании истории. Динамика историографической типологии» и др. стимулировали включение в трактовку историко-литературного (вслед за собственно историческим) дискурса таких понятий, как релятивность наших знаний и неизбежная субъективность представлений о прошлом, альтернативность версий и концептуальных схем, вариативность интерпретаций и аксиологических критериев.

На этом фоне стало очевидным, как замечает в статье «Будущее истории литературы: три вызова XXI века» профессор Манчестерского университета Галин Тиханов, что пришло время отказаться «как от позитивистского накопления фактов XIX века (в духе постулата Л. фон Ранке – показывать события истории такими, «какими они были» [«wie es gewesen»), а не «sub specie aeternitatis»]. – Ю.Б.), так и от высокопарных идеологических параллелей Geistesgeschichte века XX». В качестве «вызовов XXI века» Г. Тиханов называет: а) новые тенденции бытования и развития национальных культур, б) электронные средства массовой

коммуникации как средство «синхронизирования передачи и потребления информации» и, в результате, трансформации национальных традиций и с) неизбежность растворения истории литературы как самостоятельной научной дисциплины «в истории культуры» [5: 346, 343, 346].

В ряде современных западных историко-литературных исследований сказываются неуверенность авторов в эпистемологической надёжности основополагающих категорий истории литературы, утрата веры в целостность литературного процесса, растерянность перед очевидным несовпадением этого процесса, каков он есть в реальности, с его описанием. Историко-литературный дискурс обретает – в глазах самих его авторов – сугубо виртуальный характер.

Концентрировано и с предельной определённой сутью подобных настроений и тенденций выразил американский профессор Дэвид Перкинс заголовком своей книги «Возможна ли история литературы?» (*Is Literary History Possible? By David Perkins*). Она не привлекла особого внимания российских литературоведов, – слишком резок диссонанс с устоявшейся у нас традицией.

Не принимая предложенную автором вызывающе-парадоксальную постановку вопроса, признаём всё же, что за не лишённой эпатажности оболочкой кроются вполне реальные, непростые и нерешённые (да и всегда ли вообще поддающихся окончательному решению?) теоретические и методологические проблемы истории литературы как филологической дисциплины. Безусловно заслуживающим внимания в концепции Д. Перкинса я считаю то, что его тезис о «невозможности» истории литературы обосновывается не внешними, внелитературными, в конечном счёте преходящими причинами и факторами (социальными, идеологическими, информационно-техническими и другими так называемыми «вызовами века», а внутренними, имманентными, причём непреходящими и неразрешимыми, противоречиями, заложенными в самой природе литературного процесса, или его *апориями*. Именно с последними Д. Перкинс связывает «всегда безуспешные попытки каждой истории литературы объяснить развитие описываемой [ею] литературы» [4: 6].

Вырисовывается два возможных направления в поиске ответа на вопросы, касающиеся новых историй литератур: «Нужны ли они?» и «Как к ним подступиться?».

Первое направление определяется прагматическим, *экстенсивным* подходом к проблеме. Логика его опирается на здравый смысл: ответом на сакраментальный вопрос Д. Перкинса может и должна стать прежде всего исследовательская *практика*, а именно новые историко-литературные разработки, учитывающие особенности реально сложившейся

социокультурной ситуации. На основе этого подхода в научных центрах Москвы, Санкт-Петербурга, российских регионов, шире – на всём постсоветском научном пространстве в последние годы осуществлены историко-литературные проекты различного масштаба, объёма и целевого диапазона – от академических коллективных трудов до школьных учебников и вузовских пособий, от многотомных историй национальных литератур до авторских историй и индивидуальных монографий.

Другое направление связано с превалированием *интенсивного* начала, с акцентом на разработке теоретико-методологических и эпистемологических проблем истории литературы как научной дисциплины, на прояснении её внутреннего потенциала и реальных возможностей.

В сказанном внимание заинтересованного читателя наверняка не может не задержаться на словосочетании «реальные возможности». За ним угадывается намёк на существование за «возможным» некоего скрытого «невозможного», за определением «реальные» – наличие чего-то «нереального», недостижимого для научного дискурса.

В этом контексте принципиальное теоретико-методологическое значение приобретает апоретический аспект историко-литературного дискурса. То есть необходимость учёта его внутренних *апорий*, диалектики развития как исторического знания о литературе, так и самой литературы.

* * *

1. Апория «полноты». Объём и многообразие литературного материала, накопленного человечеством за тысячелетия, начиная с античных времён, таковы, что это *ab definitio* исключает *исчерпывающую полноту его охвата* не только одним исследователем, не только отдельно взятым (пусть даже коллективным, пусть даже сколь угодно многотомным) историко-литературным трудом, но историей литературы в целом. Проблема «полноты» лежит не в количественной плоскости, это проблема содержательная, связанная с критерием научной истинности, ибо *неполнота* приводит к нарушению связей, пропорций, последовательности, то есть к *искажению* картины.

Каков же выход и существует ли он вообще? В общетеоретическом плане ответ, на мой взгляд, будет, увы, отрицательным, ибо греческое слово «апория» (*ἀπορία*) означает «безысходность», «безвыходное положение».

Однако в плане прагматическом существуют пути и способы хотя бы частичного преодоления апоретичности историко-литературного дискурса.

Один из таких способов – максимальное расширение фактологической базы, включение в дискурс фактов, явлений, имён, которые доселе находились на маргинесе историко-литературного мейнстрима, а то и вообще вне его пределов. Например, историки литературы теперь чаще обращаются, помимо хрестоматийного классического канона, также к

корпусу авторов и сочинений недоценённых, полузабытых или вовсе забытых, так называемых второстепенных, к «беллетристическому» или даже «паралитературному» пласту, андеграунду, китчу различных эпох.

В нынешних условиях особенно значим для русской и других литератур постсоветского пространства последних десятилетий стремительно развивающийся процесс расширения фактологической базы за счёт включения в сферу исследования литературных явлений *новых*, впрочем, точнее будет сказать, реактуализации *старых*, тех, которые по разным, чаще всего трагическим, причинам на протяжении десятилетий оставались вне этой сферы.

Не вызывает сомнений, что расширение границ исследовательского пространства есть явление для истории литературы в высшей степени благотворное, необыкновенно обогащающее дискурс. Однако происходит это обогащение отнюдь не механически и далеко не только в количественной плоскости. Если фактологическая *неполнота* приводит к нарушению реальных внутрилитературных связей и соотношений, то включение в дискурс материала нового ведёт к неизбежному нарушению *сложившихся* структур, традиционных пропорций, шкалы ценностей. Это процесс *качественной* трансформации.

Примем во внимание и другой аспект. Процесс семантического обогащения дискурса и расширения его фактологической базы практически не имеет завершения, он не может привести к конечному результату; нам, давно подсевшим на наркотик своего всезнайства, придётся согласиться с английским философом и историком Дж. Коллингвудом, что «умопомрачительному количеству событий прошлого суждено навеки остаться непознанным и непознаваемым» [2: 585]. К тому же беспредельны возможности интерпретации *уже известных* истории фактов, событий, литературных явлений. И процесс этот бесконечен. Поэтому искомая всеохватность *постоянно* «ускользает» от исследователя подобно черепахе, которую никак не может догнать быстроногий Ахиллес в знаменитой апории Зенона Элейского; (позволю себе напомнить, что Гегель считал Зенона «отцом диалектики», апории древнегреческого философа, особенно «Ахиллес и черепаха» и «Летящая стрела», привлекали внимание Пушкина [стихотворение «Движение», 1825*] и Л. Толстого [«Война и мир», т. III, начало 3-й части], Поля Валери и Хорхе Борхеса).

* Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить,
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

2. Апория «объективности». Каждый уважающий себя автор историко-литературного труда (или авторский коллектив) убеждён, что его труд соответствует требованию научной *объективности* как важнейшему критерию и «индикатору» академизма. Это иллюстрирует важнейшую – часто и решающую – роль в оценке труда мнения личного, *субъективного*. То есть вопрос об объективности переводится в субъективную плоскость, тем самым само понятие объективности ставится под сомнение.

На это могут возразить: существуют ведь такие безусловные критерии, как, скажем, точность фактов, дат, имён, ссылок, степень подлинности документов, переписки, свидетельств современников, корректность цитирования и т.п. В ответ можно сказать, что перечень *точных* критериев на самом деле значительно короче приведённого; мы слишком хорошо знаем, что подлинность документов не всегда бесспорна и доказуема, что письма нередко не столько отражают, сколько скрывают мысли и чувства корреспондентов, и что о достоверности иных «свидетельств» современников не приходится говорить. Стерильно чистого «фактажа» не существует.

Объективность научного исследования и фактологическая точность – вещи разные. Категория *объективности* лежит в *концептуальной* плоскости. Она связана с такими понятиями, как избирательность исследователя в подходе к фактам, интерпретация этих фактов, анализ их взаимосвязей и иерархических соотношений, выявление на этой основе определяющих тенденций и закономерностей, конечные выводы, в итоге – концепция. Очевидно, что эта концепция и её составляющие формируются не вне времени и духовного пространства, что ни один труд по истории литературы, как и вообще по истории, не создаётся автором для себя, а всегда в контексте и под влиянием целого ряда факторов – социальных теорий и практик, идеологических постулатов.

Впрочем, идеологический фактор отнюдь не исчерпывает проблему *интерпретации* историко-литературных явлений. Действуют и другие моменты: «мягкий» диктат (иногда и прессинг) доминирующих в духовной сфере философских взглядов, религиозно-этических норм, национальных традиций и ценностных критериев, общественных настроений и др. А ещё – интересы и запросы массового сознания, формирующиеся в его недрах вкусы и оценки, способные корректировать, порою существенно, восприятие литературных явлений, что вносит изменения в их интерпретацию. А ещё – влияние новейших эстетических теорий и интерпретационных практик, скажем, герменевтики и рецептивной эстетики, обосновывающей неисчерпаемую множественность интерпретаций, что в сущности делает невозможной единую, каноническую трактовку того или иного литературного факта, явления, текста.

Едва ли не ещё важнее внутренние, *имманентные* особенности этого процесса. В самом деле, как разрешить – и возможно ли разре-

шить? – изначальное противоречие между историей литературы как некой *завершённой* формой (системой, структурой, «текстом») и реальной историей литературы как в сущности *«бесформенным»*, безграничным, перманентно незавершённым процессом? Как преодолеть несовпадение попытки создания «сплошного» и «полного» нарратива с необходимостью *структурирования* исследуемого материала, что предполагает известные ограничения и «отсечения», заведомую неполноту, волевой отбор?

На передний план выходит фактор *личностный*, вопрос о неизбежно субъективных вкусах, пристрастиях, взглядах историка (-ов) литературы, влияющих на его (их) выбор и оценки; наконец, о социальных, идеологических, межпоколенческих, корпоративных различиях в научной среде. Отважусь на вывод: нет и не может быть единой, канонической, «на все времена» истории литературы, есть различные *версии* этой истории, отражающие субъективные *представления* о ней авторов (авторских коллективов). Хорошо это или плохо, я не знаю, но думаю, что это так.

Главное заключается в том, чтобы понять и признать: объективность – это скорее апория дискурса, нежели его результат. Достичь её вряд ли возможно, но следует к ней стремиться. В этом диалектика (она же, по Гегелю, *ирония* [См. 1: 182, 183]) процесса, таящаяся в несовпадении ожидаемого результата с достигнутым. По аналогии с гегелевской «иронией истории», можно говорить об *иронии истории литературы*.

3. Апория Юрия Тынянова. Известна принадлежащая Юрию Тынянову иронически-пародийная схема развития русской литературы – «... Ломоносов роди Державина, Державин роди Жуковского, Жуковский роди Пушкина, Пушкин роди Лермонтова...» и т. д. [6: 258]; автор «родил» её в ходе полемики «формальной школы» с упрощённым представлением об историко-литературном процессе как о стройной цепочке «мирной преемственности». В контексте сегодняшних дискуссий о кризисе истории литературы как филологической дисциплины и о его, кризиса, виновниках (постмодернисты? структуралисты? деконструктивисты? кто там ещё?) мы прочитываем в тыняновской пародии апорию, фиксирующую изначальное несоответствие между внешним, эмпирическим восприятием и научным осмыслением литературного процесса в его реальной *внутренней* противоречивости. Схема «очереди», в которой писатели выстроены строго в затылок друг другу, казалось бы, отражает непрерывность и однонаправленность развития, но отражает лишь на школярском уровне, вне схемы остаётся неоднозначность обоих понятий. Между тем непрерывность нельзя понимать механистически, процесс диалектичен, ибо имплицитно включает в себя как протяжённость, так и дискретность, как плавные «перетекания», так и качественные скачки, как преемственность, так и момент отрицания. Так же и однонаправленность: она не равнозначна линейности, развитие происходит чаще всего не по прямой, а по причудливо ломаной, зигзагообразной линии.

Историко-литературное пространство многомерно, полиморфно и полисемантически, литературный процесс – это образование скорее *ризомовидного*, нежели структурного типа *, отличающееся децентраванностью, нелинейностью, множественностью внутренних связей и разрывов, наличием переходных периодов и эпох, конвергентных зон, диффузных явлений, пограничных фигур. Нет надобности доказывать, насколько сложен для исследования такой объект – постоянно подвижный, непредсказуемо изменчивый, «ускользающий» от аналитика, какая изощрённая методология и какой отточенный, совершенный инструментарий требуется для выявления закономерностей функционирования и развития этого процесса – не столько «космоса», сколько «хаосмоса» (термин введён Д. Джойсом в «Поминках по Финнегану»). Ни одна методология не даёт гарантии полного успеха, всегда останутся какие-то сегменты неисследованной литературной «территории», как и нераскрытые или не поддающиеся разгадке секретные движители литературного процесса.

Подытожу.

Наш историко-литературный дискурс изначально релятивен, помимо всего прочего, потому, что такова природа исследуемого объекта – литературы, феномена, как всё живое, *в конечном счёте* непостижимого.

На это не следует сетовать, из-за этого не надо нервничать, искать «виновных» на стороне; надо просто делать своё дело в тех рамках, в которые мы поставлены судьбой.

* * *

Возвращаясь к приведённому выше вопросу Д. Перкинса «Возможна ли история литературы?», замечу, что его нетрудно отвергнуть или вообще проигнорировать, но ответить на него по существу не так просто. Думаю, ответ должен быть амбивалентным.

Нет, невозможна, если пытаться создать историю литературы идеальную («полную», «всеохватную», «абсолютно объективную», «окончательную»). Такая попытка будет заведомо безуспешной, ибо есть проблемы, которые не имеют решения вообще, существует лишь возможность постоянно и настойчиво *искать* эти решения.

Да, историю литературы создать *возможно и необходимо*, если исходить из реально накопленного багажа знаний и достигнутого теоретического и методологического уровня, отдавая себе при этом ясный отчёт в том, что идёт об определённом *этапе* в достижении цели, который должен стать подготовкой к будущему новому этапу.

* Ризома (фр. rhizome «корневище») – понятие, введенное в философию и эстетику Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, оно противостоит (по аналогии с запутанной корневой системой растения) неизменным линейным структурам как бытия, так и мышления.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. Т. 4. – М., 1973.
2. Коллінгвуд Р. Дж. Ідея історії. Пер. з англійської О. Мокровольського. – Київ, 1996.
3. Кузнецов И. Теоретическая история, диалектика и риторика русской литературы / Вопросы литературы. – 2011, май-июнь.
4. Перкінс Д. Чи можлива історія літератури? Пер. з англ. А. Іщенко. – Київ, 2005.
5. Тиханов Г. Будущее истории литературы: Три вызова XXI века / Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59.
6. Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.

*Вячеслав БИГУАА,
доктор филологических наук,
ИМЛИ РАН, Москва*

**Периодизация – главная проблема истории
национальной литературы**

Сегодня некоторые либеральные и прозападные литературоведы и критики ставят под сомнение сам жанр «истории литературы», и не только его, но и понятия «литературный процесс», «жанр литературы», «литературное развитие», «стадии», «периоды», «традиция», «литературное взаимодействие», «канон» и т. д., считая их «отстойным» категориально-понятийным аппаратом прошлого. Взамен эти «модернисты», напроць отрицающие традиции, опыт научных школ, ничего дельного не предлагают. С моей точки зрения, «история литературы» нужна, ибо только она способна систематизировать и отразить весь исторический опыт литературы, накопленные знания о ней. Если мы считаем, что этот жанр необходим, то нам нужно решить одну из основных проблем этой истории – периодизацию истории национальной литературы, которая важна для структурирования самой истории литературы.

У каждой национальной литературы своя история, тесно связанная с историей самого народа, всей его культурой. Когда ставится задача написания этой истории, то возникает масса проблем методологического характера. Есть резон, хотя бы кратко, остановиться на истории историко-литературной науки, например, в Европейской части мира (а Восток для нас пока еще остается тайной) с XVIII в., когда были заложены ее теоретические основы. В этом столетии появились и первые истории национальных литератур Западной Европы: Дж. Тирабоски «История итальянской литературы» (1772), Г. Уортон «История английской по-

эзии» (1772–1782) и др. В них сделана попытка показать своеобразие исторического развития национальной литературы.

В первой половине XIX в. возник биографический метод изучения литературы, основоположником которого был Ш. О. Сент-Бев («Литературно-критические портреты» в 3-х томах, 1836–1839 и др.). Согласно этому методу, при изучении творчества писателя определяющим является его жизненный опыт, биография.

К биографическому методу восходит психологическая школа, сложившаяся в европейском и русском литературоведении в конце XIX в. (Э. Эннекен, В. Вундт, С. Жирарден, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Т. Райнов, А. Г. Горнфельд и др.). Представители этой школы особое внимание обращали на исследование внутренней, душевной жизни человека; именно это является объектом художественного осмысления.

Биографический метод подтвердил свою жизнеспособность в мировой науке не только в XIX–XX вв., но и в наше время. Сегодня, как и в прошлом веке, не выходит ни одна история национальной литературы без частичного или полного использования биографического метода.

Вместе с тем, существовало неоднозначное отношение к биографическому методу. Одни чрезмерно преувеличивали его роль в истории литературы, другие вообще не замечали его значения. По-разному относились и к проблеме выборочного подхода к писателям. Некоторые противоречия обнаруживались, например, в позиции одного из последователей А. Н. Веселовского – В. М. Жирмунского, который изначально обращал внимание на важность изучения биографии писателя для построения истории литературы. Он предлагал вопросы исследования биографии разделить на три проблемы: «1) личная биография писателя, его переживания и отношение к творчеству; 2) социальная биография писателя; 3) литературная биография, то, что имеет отношение к литературной жизни писателя». [2, с. 133]. Однако Жирмунский был против чрезмерного увлечения биографизмом. Критерием отбора имен писателей ученый считал не популярность, а «положение писателя в историческом процессе, то, насколько совершенно и своеобразно он ответил в своих произведениях на насущные вопросы своего времени, с какой глубиной раскрыл круг мыслей и чувств своих современников». [2, с. 221]. Он отмечал, что «история литературы отнюдь не сводится к истории жизни и творчества “литературных генералов”... Каждый значительный художник слова делает весомый вклад в литературный процесс, но именно в силу своей значительности он интересен для историков литературы, как и для читателей, прежде всего теми особыми чертами, которые выделяют его из ряда современников и предшественников. Общие же закономерности литературного процесса иногда легче проследить на примере писателей второго ряда. Вот почему историк литературы должен не только интересоваться вершинами литературного развития, но и обращаться к изуче-

нию второстепенных писателей и массовой литературной продукции» [2, с. 221, 222]. Правда действительно заключается в том, что никакого литературного процесса не может быть без самих писателей (всех писателей, не только «генералов») – участников движения литературы; поэтому изучение их творчества важно для выработки определенной концепции истории национальной литературы и выделения периодов ее развития.

Биографический метод оказал значительное влияние на становление культурно-исторической школы, принципы которой были сформулированы И. А. Тэном во введении к «Истории английской литературы» (Т. I. 1863) и в «Философии искусства» (1865–1869). Формирование этого метода происходило под воздействием позитивизма. Культурно-историческая школа «исходит из положения о детерминированности литературного сознания, заявляет о возможности объяснения генезиса и эволюции творчества посредством сбора и анализа фактов в конкретной национальной и социальной среде» [3, с. 423]. По мнению Тэна, литературное произведение целиком «определяется совокупностью... общего состояния умов и нравов окружающей среды» [6, с. 30], и его можно рассматривать в качестве документа своей эпохи. Для Тэна важно накопление фактов и установление их причинно-следственной связи. На творчество писателя оказывают влияние раса, среда (климат, природа, социальные условия) и «момент» («скорость, которую нация достигла в своем развитии»). Вместе с тем, Тэна критиковали за неразборчивое собирание литературных фактов, когда, по словам Г. Флобера, «на одну доску ставится шедевр и любая гнусность. Мелкоту превозносят, а великое принижают» [7, с. 242].

В России культурно-историческая школа функционировала под названием «общественно-исторического» метода, представителями которого были А. Н. Пыпин, П. П. Пекарский, Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский, А. А. Шахов и др. Пыпин писал: «Всякая литература “национальна”, т. е. носит на себе черты племени, общественных особенностей и идеалов». [4, с. 588]. Шахов отмечал: «Для нас всякое литературное произведение есть историческое явление, с одной стороны – продукт известных исторических условий, а с другой – фактор, в свою очередь, влияющий на эти условия» [8, с. 2].

На значении «фактов» в формировании научной концепции истории литературы обращал внимание А. Н. Веселовский. Его позиция сводилась к тому, что не факты должны подверстываться под уже заранее разработанную теорию, или заготовленное обобщение, а сами теория и обобщение должны рождаться, формироваться из самих фактов, их тщательного изучения. Недостаточность фактов может привести к ложным, антинаучным выводам и обобщениям, когда, например, под европейские теоретические обобщения и понятия подверстываются культурные и литературные явления в других странах. Именно на базе

максимального сбора фактов, глубокого и всестороннего изучения всего литературного процесса в историческом и культурном контексте можно решить проблему периодизации. Да и выборочный подход (выделение значительных фигур) возможен только после этого. Словом, для решения проблем истории литературы необходимы энциклопедические знания. Вместе с тем, Веселовский отмечал, что в истории литературы должна быть заложена «идея развития, эволюции, без которой история литературы будет подбором фактов...» [1, с. 447].

Многие ученые XIX в. развитие литературы связывали с историей общества, но обращали внимание и на личность писателя, жанры его творчества, особенности языка произведений. Они считали, что история литературы – это история идей и форм их выражения, а литература рассматривалась одной из таких форм. В исследованиях история литературы часто сливалась с политической историей. Эта традиция продолжилась в XX в., но уже на базе марксизма с его историческим материализмом. Вместе с тем, историко-литературная наука занималась историей жанров, литературных направлений и стилей, изучением эволюции творчества отдельных писателей.

В СССР история литератур народов страны связывалась с историей поступательного движения социализма, с крупными историческими событиями, в соответствии с которыми строилась и периодизация национальных литератур в XX в. При этом не учитывались особенности истории и культуры разных народов.

В «Истории советской многонациональной литературы» в 6 томах (М., 1970–1974) выделены пять периодов развития литератур народов СССР в XX в., точнее от 1917 г.: 1) с 1917 г. до периода подготовки и создания единого Союза советских писателей; 2) 30-е годы (до начала Великой Отечественной войны; 3) 1941–1945 гг.; 4) с 1946 г. до Второго Всесоюзного съезда советских писателей в 1954 г.; 5) с середины 50-х гг. до конца 60-х гг. (тогда это был «современный» период). Очевидно, что истории национальных литератур советского времени рассматриваются с точки зрения «прогресса развития» в условиях новой социалистической эпохи на базе идеологических установок, хотя реальный литературный процесс проходил волнообразно, с периодами спадов, падений и даже полного торможения (как литературы репрессированных народов: чеченская, ингушская, балкарская, карачаевская и др. в послевоенное десятилетие). В основе периодизации истории – крупные события XX столетия: Октябрьская революция, строительство основ нового социалистического государства и коллективизация сельского хозяйства, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., послевоенное возрождение страны. Несмотря на название труда («советская многонациональная литература»), в котором все литературы представлены как одна литература, в томах все же отражается национальное своеобразие каждой

литературы; основной тезис издания – «единство в многообразии». С сегодняшней точки зрения, конечно, подходы, периодизация (эта же периодизация копировалась в «Историях» многих национальных литератур советского периода), предложенные в труде, устарели. При всей кажущейся одинаковости развития национальных литератур, включая русскую, литературный процесс все же развивался волнообразно и неравномерно. Об этом свидетельствуют выявленные с конца 1980-х гг. новые материалы, имена писателей (в том числе из литературного зарубежья), которые в корне меняют историю национальных литератур, не только литератур с вековыми традициями, но и литератур, зародившихся в XIX в. и в советское время.

В четвертом томе новой «Теории литературы...» (М., 2001), посвященном литературному процессу, содержатся два материала по интересующим нас проблемам, это «Историческое членение (периодизация) художественного процесса» (Ю. Б. Борев) и «Структурная перестройка литературного процесса в переходную эпоху» (автор Е. Иванова). По мнению Борева, «обычно история литературы и искусства учитывает два этапа развития художественной культуры» [5, с. 51]. К первому относится *«поколение»* – минимальный этап художественного развития, определяемый творческой деятельностью группы авторов – ровесников и современников», которые создают «исторически завершенный отрезок художественного развития, равный среднему времени активной творческой жизни художника» [5, с. 51]. В качестве второго, более крупного этапа, выделяется *«век»*, достаточный «для существенных изменений в социальной жизни и для проявления их влияния на художественное мышление». [5, с. 51]. Кроме того, «эти этапы художественного процесса дополняются понятием *художественной эпохи* (античность, Возрождение)» [5, с. 51]. Конечно же, ни «поколение», ни «век» не могут стать основой для периодизации литературы и искусства. Борев предлагает свое определение периода: «Художественный период (например, предмодернизм или модернизм, неомодернизм, постмодернизм) – объединение группы исторически, эстетически и концептуально близких друг другу направлений, несущее инвариантную художественную идею, значимую для всех этих художественных направлений. Художественный период очерчивает историческое время господства в литературном развитии определенного типа героя (варьируемого в направлениях данного периода), определенного типа автора и определенного типа участия автора в создании художественного текста» [5, с. 51]. Думается, что такое определение противоречит истории многих национальных литератур. Во-первых, «модернизм», «неомодернизм», «постмодернизм» нельзя рассматривать в качестве художественного периода, иначе будет правомерно использовать, например, такие выражения, как «модернистский период истории русской (или другой) литературы», «постмодернистский

период истории литературы». Заметим, что Боров под словом «художественный» подразумевает не только литературу, но и искусство. Понятие «период» намного шире по содержанию, оно не может определяться одной эстетической концепцией, одним направлением в литературе, или господством одного типа героя, хотя и «варьируемого» в разных направлениях конкретного периода.

В XVIII–XIX вв. ученые иногда выделяли литературы древних народов и литературы новых народов, или делили на античную, средневековую и позднего времени. Иногда целый период называли именем императора (или императрицы) (петровское время, екатерининское время и т. д.) или именем крупнейшего писателя (ломоносовский, карамзинский, пушкинский или гоголевский период русской литературы). Во второй половине XIX в. историю русской литературы начали рассматривать по десятилетиям; эта традиция в той или иной мере использовалась в советском литературоведении, используется и в современной науке. Такой подход вряд ли теоретически обоснован; возможно, он удобен для исследователя истории литературы.

В своей статье «Структурная перестройка литературного процесса в переходную эпоху» Е. Иванова справедливо утверждает, что решение проблем «так называемых переходных литературных эпох и установление границ этих эпох «невозможны без всестороннего изучения литературного процесса» [5, с. 53]. Е. Иванова считает, что существующие в науке основные подходы в изучении литературного процесса неплодотворны для исследования переходных эпох. Первый подход, по ее мнению, «достался в наследство от теории “единого потока”». Литературный процесс он рассматривает как арифметическую сумму идейных течений и методов. При таком подходе в центре внимания оказывается борьба идейных течений, из которых, как правило, одному отдается предпочтение, он объявляется “прогрессивным”» [5, с. 53]. Второй подход движение литературы связывает только с изучением литературного жанра, «в результате история эволюции романа, драмы или лирики становится главным показателем этого движения» [5, с. 53]. Другой подход «сосредоточивает внимание на судьбах и творчестве отдельных писателей, и тогда история литературы предстает как смена корифеев и гениев» [5, с. 53]. По мнению Ивановой, все эти три подхода «не способны описать разнообразие и внутреннюю диалектику эпох, когда новое приходит на смену старому». Не способны «именно потому, что не учитывают один существенный компонент – духовное состояние общества» [5, с. 53]. И далее: «Жизнь общества, духовная и эстетическая ориентация различных его слоев составляют неотъемлемую часть литературного процесса, ту невидимую часть айсберга, которая держит на поверхности видимую и определяет движение целого. Существование этой подводной части объясняет нам, почему литературный процесс нельзя свести ни к исто-

рии литературных течений, ни к судьбам отдельных писателей. Каждая эпоха обладает еще своей особой системой ценностей, особым строем отношений писателя и читателя, формами общественной консолидации и способами взаимодействия литературных объединений, – все это не только составляет жизнь общества на определенном этапе, но является частью литературного процесса, меняющейся вместе с ним» [5, с. 53]. Нет сомнения, что в переходную эпоху происходит активизация общества, имеют место острейшие дискуссии по политическим, экономическим, эстетическим вопросам, интенсивная перестройка системы ценностей. При этом общественные процессы не могут не влиять на движение литературы. В переходную эпоху эта смена, как правило, происходит в бурлящем историко-культурном контексте, без которого не понять самого литературного процесса. Здесь речь должна идти о комплексном изучении литературного процесса (и не только «переходных эпох»), о котором давно писали некоторые представители культурно-исторической школы и другие литературоведы и мыслители. В одной из своих лекций в Санкт-Петербургском университете (1870) А. Н. Веселовский отмечал: «Вы изучаете, например, какую-нибудь эпоху; если вы желаете выработать свой собственный самостоятельный взгляд на нее, вам необходимо познакомиться не только с ее крупными явлениями, но и с тою житейскою мелочью, которая обусловила их; вы постараетесь проследить между ними связь причин и следствий...» [1, с. 44, 45]. Веселовский утверждал, что «хороший историк литературы должен быть вместе и историком быта» [1, с. 390]. Он считал, что «общество рождает поэта, не поэт общество. Исторические условия дают содержание художественной деятельности; уединенное развитие немислимо, по крайней мере художественное» [1, с. 383]. Вместе с тем, Веселовский писал, что литература «не всегда является отражением народного сознания, да и всенародного. Оттого непосредственного влияния на общественную жизнь тут быть не может» [1, с. 383]. И тут же добавляет: «...всякое произведение искусства носит на себе печать своего времени, своего общества. Это стоит в связи с определением поэзии как идеального воспроизведения всей жизни. В жизни есть вечные, непреходящие начала, и рядом с ними следы времени, века; отражая то и другое, поэзия то ближе держится вопросов современности, то находится поверх их и вдали, в созерцании вековечных явлений, не знающих хронологии» [1, с. 383]. Вечные начала, ценности, конечно, не имеют границ, «хронологии», они всегда современны, и особенно актуализируются в сложные переходные эпохи. Но эти ценности человеческое общество не получило в готовом виде, они создавались народами тысячелетиями и на разных этапах исторического развития, характером отношения к этим ценностям определяется духовная атмосфера той и ли иной эпохи; «следы времени, века» остаются и на них, и это отражается в литературе и искусстве.

Литературный процесс тесно связан с историческим процессом, общекультурными традициями и другими формами общественного сознания. Однако неправильно было бы воспринимать литературу только как объект воздействия. Например, русская литература так называемого «серебряного века», как феномен, не могла возникнуть по велению группы «модернистов». Вообще новые течения (особенно «модернистские») в литературе часто возникают в переломные моменты истории, когда «модернистские» или «неомодернистские» идеи начинают пронизывать всю культуру, и даже политику, противопоставляя себя классическим традициям; носители этих идей, будто с неба свалились с готовыми «новыми» «инструкциями», предлагая пересмотреть все, что было сделано предшественниками.

Несколько слов о разных терминах и понятиях, которые часто свободно используют литературоведы, не задумываясь об их содержании. А ведь каждое понятие связано с определенными явлениями жизни и культуры. С моей точки зрения, не следует смешивать или употреблять как синонимы такие понятия, как «эпоха» (например, «античность», «Возрождение» и т. д. в Европе), «период» и «этап».

«Период» – значительный промежуток времени, в рамках которого происходят особые процессы (в целом характерные только этому периоду, определяющие «лицо» этого периода), которые приобретают некий завершенный вид. Однако заметим, что между периодами (литературными) нет жестких границ; определенная преемственность, процесс перетекания традиций, диалога все же сохраняются, несмотря на порою сложнейшие исторические ситуации. Тем самым обеспечивается непрерывность национального литературного процесса; его можно полностью остановить лишь только одним способом – уничтожением народа или его полной ассимиляцией. Даже оторванный от родины, высланный на чужбину народ, но при этом сохранивший родной язык, традиционную культуру, прежде имевший литературную историю, способен обеспечить (хотя и очень тяжело) непрерывность литературного процесса, ибо память о прошлых традициях сильна.

«Этап» – отрезок времени, для которого (в сравнении с предыдущим временем) характерны определенные качественные изменения, события; это может быть стадией какого-либо процесса, происходящего в рамках периода.

Внутри «эпохи» можно выделить периоды, внутри периода – этапы движения литературы.

При периодизации истории литературы важно комплексное исследование всего литературного процесса (включая творчество «корифеев» и «второстепенных писателей») в историко-культурном контексте, с использованием различных способов и методов изучения литературного процесса и произведений (историко-культурологическое, сравни-

тельно-типологическое, структурное и т. д.) и достижений смежных гуманитарных наук (фольклористики, лингвистики, историографии, этнологии, культурологии). Конечно, особое место должно занять изучение творчества выдающихся писателей, но только в контексте всего литературного процесса. Такой подход способствует выявлению переходных отрезков времени (важных для периодизации), которые можно было бы определить как «промежуточные этапы» или «переходные этапы». В науке часто используют термин «переходная эпоха», хотя речь должна идти о «периоде». Возможно, что это «глобальное» понятие применимо, в частности, к русской литературе конца XIX – начала 20-х гг. XX в., однако в истории многих национальных литератур Российской Федерации вряд ли можно найти такой период, который можно было бы назвать «эпохой». «Эпоха» – историко-культурное понятие, для выделения которой следует учитывать социально-экономическое и общекультурное состояние общества, развитие философии, литературы, искусства, естествознания и т. д. «Литературная эпоха» – суженное понимание сути понятия «эпоха», часть историко-культурной эпохи. Нравится кому-то или нет, 1917–1991 годы составляют советскую эпоху (именно эпоху), некоторые даже говорят и о «советской цивилизации». Для такого определения есть все основания.

При периодизации истории национальной литературы надо, конечно, учитывать мотив «прогресса», «успеха». При этом под термином «развитие» не всегда подразумевается «прогресс», ибо литература, по объективным причинам, может «развиваться» и в противоположную от «прогресса» сторону. Развитие (или движение) литературы чаще всего происходит волнообразно, «спиралевидно».

Каждая национальная литература рождается и развивается в определенных исторических и культурных условиях и природной среде; опирается, прежде всего, на свои духовные истоки (традиционную культуру, фольклор, ораторское искусство и т. д.). При этом национальная литература, как и вся культура, не может функционировать в изолированном пространстве, она постоянно находится в диалоге с другими литературами, не только региональными, но и остального мира; в противном случае литература может остановиться в своем развитии, и даже угаснуть. Да и «воспроизводство» прежнего художественного, эстетического опыта народа, хотя на другом уровне, имеет свои пределы. Национальная литература всегда ищет выхода из замкнутого пространства, стремясь найти формы взаимодействия с другими литературами; при этом она не желает жертвовать своей самобытностью, национальным своеобразием. Для разработки концепции истории литературы необходимо учитывать все эти моменты.

Конечно, в истории определенной группы литератур-ровесников (например, литературы Северного Кавказа и Абхазии: абхазская, аба-

зинская, адыгские /адыгейская, кабардинская, черкесская/, осетинская, балкарская, карачаевская, чеченская, ингушская и др.) могут обнаружить некоторые сходные явления и процессы, ибо возникновение письменности, зарождение и развитие этих литератур в XIX–XX вв. в какой-то степени происходили в одинаковых историко-культурных условиях. Поэтому периодизации истории этих литератур могут быть выработаны на основе определенных общих принципов и методологических подходов.

* * *

И в заключение, исходя из вышеизложенного, в качестве примера, кратко остановлюсь на проблеме периодизации истории абхазской литературы. В XX в. абхазские литературоведы и критики выделяли от пяти до восьми периодов, что не соответствует реальной истории национальной литературы. Возможно, считалось, что чем больше будет периодов, тем богаче будет история литературы. Эта тенденция была характерна почти для всех национальных литератур бывшего СССР. При определении рамок периодов исследователи больше внимания обращали на исторические события и идеологические моменты.

С моей точки зрения, следует выделить долитературный (дописьменный) период и три значительных периода истории абхазской литературы: 1. 1862 – середина 1920-х гг.; 2. Конец 1920-х гг. – середина 1950-х гг.; 3. С середины 1950-х гг. до наших дней.

В долитературный (дописьменный) период, в течение нескольких тысячелетий народ, с древнейших времен исторически связанный со многими мировыми процессами и цивилизациями, сохранил и развивал язык, который давал возможность отразить самые сложные явления и процессы в жизни, внутренний мир человека, сформировал свой эстетический взгляд на жизнь, мифологические представления о мироздании (мифы), создал богатейший фольклор (сказки, героический эпос о нартах, мифолого-героическое сказание об Абрскиле, песни, устные рассказы и т. д.), принципы и нормы этики Апсуара (близкой по содержанию с Адыгагъэ), ставшей ядром национального самосознания, развил ораторское искусство. Без такого духовно-культурного наследия прошлого вряд ли можно было создать национальную литературу и говорить о ее значительных достижениях в XX столетии. И без изучения этого наследия невозможно понять литературный процесс, художественный текст, особенности и истоки образов, мировидение самих писателей и т. д.

Первый период: 1862 – середина 1920-х гг. преимущественно просветительский.

История становления абхазского просветительства свидетельствует о том, что процесс возрождения национальной культуры, создания письменной литературы проходил в сложнейших условиях политической не-

стабильности, продолжавшейся Кавказской войны и массовых выселений абхазов, как и адыгов (черкесов) в Турцию, сплошной неграмотности большинства населения, беспредела, чинимого царскими чиновниками в регионе и т. д. Главной проблемой для небольшой части оставшейся на родине абхазов были: сохранение языка, национальной культуры, своей этнической самобытности. Путь к спасению первые просветители видели в создании собственной письменности, образовании, распространении исторических знаний о родном народе и стране, а также экономических, сельскохозяйственных и иных знаний, необходимых для развития края на основе новых технологий и т. д.

Во второй половине XIX – начале XX в. была подготовлена почва для перехода просветительского движения в Абхазии на новый уровень, создания оригинальной литературы, зачатки которой ранее обнаружались в переводной (духовной) литературе, в текстах, помещенных в букварях (детская литература).

Первый период в целом связан с решением просветительских задач: создание письменности, учебной литературы, развитие школьного образования, изучение родного языка, истории, традиций и обычаев, культуры народа, подготовка абхазской научной и творческой интеллигенции, формирование научной мысли, художественной литературы, с разветвленной системой жанров поэзии и прозы, распространение сельскохозяйственных, экономических, исторических, литературных и других знаний. Установление в Абхазии в марте 1921 г. советской власти и возрождение государственности, хотя и в форме ССР Абхазия, стали важнейшим фактором, способствовавшим ускоренному решению проблем школьного образования на родном языке, возрождению национальной культуры, становлению науки и т. д. Как бы мы сегодня ни относились к советской власти, нельзя отрицать те крупные успехи, достигнутые в культурном строительстве в 1920-е годы. В эти же годы произведения устного народного творчества (особенно героический эпос, героические сказания) еще не были подвергнуты остракизму, сама литература еще не была загнана в жесткие идеологические рамки, где-то до середины 20-х годов она развивалась более или менее свободно, в том русле, в котором она двигалась в 10-х годах. Об этом свидетельствуют и поэмы И. А. Когония, изданные в 1925 г.; и этот год, с моей точки зрения, является неким водоразделом между прежним эстетическим восприятием действительности и новой, в основном советской по содержанию литературой, создававшейся уже с учетом и в рамках советской идеологии; эта литература впоследствии стала называться литературой «социалистического реализма», которая в национальных литературах, как абхазская, абсолютно господствовала до середины 50-х годов, хотя было незначительное количество произведений, не вполне укладывавшихся в рамки соцреализма. С точки зрения историко-культурного и литератур-

ного развития, 20-е годы можно считать переходным этапом в «новую» культуру и литературу; именно в это время постепенно утверждаются и новые взгляды на жизнь, базирующиеся на историческом материализме, теории классовой борьбы, коммунистической идеологии.

Второй период – конец 1920-х гг. – середина 1950-х гг. отличается волнообразностью развития абхазской литературы, которая была обусловлена сложными и трагическими историческими процессами. Более или менее стабильное развитие национальной культуры и литературы в 20-х – начале 30-х годов начало постепенно меняться в опасном направлении после включения в 1931 г. ССР Абхазия в состав Грузинской ССР на правах автономии. Шовинистическая политика ЦК Компартии и Правительства Грузии в Абхазии поставила абхазский народ и его культуру на грань исчезновения. Для достижения своих целей они по-своему использовали ситуацию, сложившуюся со второй половины 30-х гг. Были репрессированы (расстреляны или сосланы в лагеря) почти вся политическая элита Абхазии и цвет абхазской интеллигенции, в том числе писатели и ученые.

В 1941–1945 гг. после нескольких целенаправленных мобилизаций, проведенных в Абхазии, почти все мужчины призывного и среднего возраста (в их числе же оставшаяся после репрессий часть национальной интеллигенции) оказалась на фронтах Отечественной войны. Вместе с тем, в эти тяжелые военные годы грузинские власти создавали условия для искусственной ассимиляции абхазов: выделялись огромные бюджетные деньги для выполнения «важной задачи» военного времени – массовое переселение грузин (вопреки их воле) из Западной Грузии в Абхазию и строительство для них домов, а затем и заселение ими домов выселенных из Абхазии греков.

В конце 30–40-х гг. репрессиям подверглась и национальная культура. В 1938 г. абхазский алфавит на латинской графической основе был переведен на грузинскую графику. Усиление искусственной ассимиляции, нажим на представителей абхазской национальности и т. д. приводили к тому, что даже термины «абхазская литература», «абхазские писатели» и другие начали исчезать из лексики, вместо них появились такие словосочетания, как «абхазский отряд грузинских писателей», «автономный участок грузинской литературы», «литература Западной Грузии» и т. д. Все меньше и меньше выходили книги на абхазском языке.

Самое страшное событие (новое «махаджирство») ждало абхазский народ в 1949 году, когда в Абхазии были проведены все необходимые мероприятия (ко всем железнодорожным станциям было подогнано огромное количество товарных вагонов и грузовых автомобилей) для выселения абхазов куда-нибудь в Среднюю Азию, откуда уже никогда не возвратили бы, даже после разоблачения культа личности Сталина (например, не были в конце 50-х гг. возвращены тысячи и тысячи греков, выселенных в 1949 г. из Абхазии), ибо национал-шовинистическая

политика грузинских властей, прикрытая лозунгом «дружбы народов» и партийными билетами, не прекращалась в течение всего XX века. К чему привела эта политика свидетельствуют кровавые события в начале 1990-х гг.

В таких сложных и трагических обстоятельствах выживала абхазская литература. До конца 1920-х гг. в культурной и литературной жизни Абхазии еще сохраняются просветительские тенденции; национальная литература, как и литературы народов СССР, в основном развивается в общем «советском» русле. Она пыталась идти в ногу со временем, решала идеологические задачи новой жизни. Основным методом отражения реальной действительности был социалистический реализм.

Несмотря на идеологизированность этих произведений, они сыграли определенную роль в развитии национальной художественной словесности; ввели новые элементы поэтики, сюжетно-композиционной структуры повествовательного произведения (например, использование дневниковой формы повествования, где рассказ ведется от лица одного из главных героев, очевидца и участника событий, который играет важную роль в организации всей художественной системы произведения; введение массовых сцен и широкое развитие диалога, являющихся важными средствами раскрытия характеров героев; оснащение повествовательной структуры, хотя и в малой еще степени, элементами психологической прозы).

Тяжелая ситуация, по понятным причинам, сложилась с гуманитарными науками, особенно с историей и этнографией. В то время заниматься правдивым изучением истории Абхазии было невозможно и даже опасно для жизни самих исследователей. Это препятствовало возникновению, например, исторических рассказов, повестей и романов.

Третий период – с середины 1950-х гг. до наших дней, с точки зрения художественного развития, это один из самых сложных и интересных периодов истории абхазской литературы.

Период начинается с восстановления поправленных прав абхазского народа, последовавшего после известных событий в 50-х гг. (окончание сталинско-бериевской эпохи, некоторые изменения в политической жизни СССР, начало процесса реабилитации репрессированных народов, деятелей культуры, писателей, ученых и т. д.). Важное значение для развития литературы имели: возвращение алфавита на основе кириллицы, возрождение гуманитарной науки, особенно абхазской историографии, активизация работы по сбору и публикации фольклорных текстов, укрепление материальной базы литературы, расширение издательских возможностей, возобновление работы абхазских школ. Знаменательным событием стал выпуск двух новых периодических изданий – литературно-художественного и общественно-политиче-

ского журнала «Алашара» (1955) и детского литературного журнала «Амцабз» (1957).

Вместе с тем, следует сказать, что абхазская культура, литература и наука находились под прессом двух цензур – общесоветской и грузинской (глазом обеих цензур в Абхазии был Абхазский обком Компартии Грузии). Первая, как и по всей стране, интересовалась идеологической стороной издаваемых книг, препятствовала изданию «антисоветских» произведений и трудов, «искажающих» советскую действительность, социализм, линию партии и т. д. Вторая, опираясь на лозунг «интернациональной дружбы между советскими народами», не допускала нарушения «вечной дружбы» между грузинским и абхазским народами; никто не имел права писать о собственной истории абхазов. Как ни парадоксально, в условиях двойного контроля литература (не вся, конечно) нашла выход из положения – она пошла по пути осложнения поэтического языка, стиля, образной системы, активно используя метафоры (часто развернутые) и символы, создавая художественный текст со скрытыми «подтекстами», в которых скрывались смыслы. Эта тенденция наблюдалась как в поэзии, так и в прозе.

Таким образом, в литературе происходят большие структурные изменения, расширяется тематика. Усложнилась повествовательная структура рассказа, повести и романа, усилилось лирическое начало в поэзии. Изменился характер фольклорно-литературных связей; фольклор продолжает оставаться неиссякаемым источником литературы, но фольклорные сюжеты и образы в художественной структуре произведений претерпевают глубокую трансформацию в зависимости от воли автора и его замысла; порой они превращаются в развернутые (иногда полифункциональные) символы (например, рассеченный камень, связанный с героическим сказанием об Абрскиле, в романе Б. В. Шинкуба «Рассеченный камень»). В символы превращаются и этнографические реалии. Усилился поиск новых форм художественного выражения мысли; поражает обилие метафор, символов и т. д. Многие прозаики и поэты сумели избежать чрезмерной идеологизации, классового подхода к исторической действительности. Поэтому многие произведения не укладываются в привычные рамки «советской» литературы, социалистического реализма, который продолжал господствовать в литературе. Произведения многих прозаиков и поэтов свидетельствуют о том, что в этот период национальная литература была богаче и разнообразнее, чем ее пытаются представить некоторые современные «либеральные» литературоведы, которые видят в советской цивилизации только негативное. Сам литературный процесс (и не только абхазский) дает основание говорить о советском периоде истории национальной литературы (да и других национальных литератур бывшего СССР), а не о «советской литературе» (понятно, что под «советское» подразумевается определенное содержание, идеология).

Предложенная схема периодизации, с моей точки зрения, соответствует истории абхазской литературы, и возможно, истории литератур некоторых народов Российской Федерации (адыгов, осетин, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и др.). Каждый период выделяется на основе общих черт литературного и культурного процесса. В рамках первого периода национальная литература и культура развивались под знаком просветительства, были заложены зачатки разных стилевых направлений, которые в последующие десятилетия, с усилением позиций новой идеологии, не получили дальнейшего развития; второй период характеризуется безраздельным господством социалистического реализма, в третьем периоде литература развивается в разных стилевых направлениях.

Сегодня некоторые литературоведы и критики склонны выделить в отдельный период современное (послевоенное /после грузино-абхазской войны 1992–1993 гг./) время. Возможно, со временем об этом можно будет говорить, а пока рано делать выводы. Здесь речь можно вести о переходном этапе, который может превратиться в целый период. Время покажет...

Литература

1. *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. 4-е изд. М., 2010.
2. *Жирмунский В. М.* Введение в литературоведение. Курс лекций. 3-е изд-е. М., 2009.
3. *Петровская Н. Г.* Культурно-историческая школа // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003.
4. *Пытин А. Н.* История русской литературы. Т. 4. СПб., 1903.
5. Теория литературы. Т. IV. Литературный процесс. М., 2001.
6. *Тэн И.* Философия искусства. М., 1996.
7. *Флобер Г.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 1938.
8. *Шахов А. А.* Гете и его время. Лекции по немецкой литературе XVIII в. СПб., 1891.

Анатолий ЛАГУЛАА

Анатолий Янкович Лагулаа (1961) – поэт, прозаик, публицист. Член Союза писателей СССР (1989) и Союза писателей Абхазии. Пишет на абхазском языке. Главный редактор литературно-художественного журнала «Алашара» («Свет»), учрежденного Союзом писателей Республики Абхазия. Лауреат Государственной премии им Д. И. Гулиа по литературе, Государственной премии им Т. Ш. Аджба по детской литературе, автор 15 сборников стихов, рассказов и повестей. Стихи А. Лагулаа переведены на русский, сербский, армянский, осетинский языки.

ШАЗИНА

Рассказ

Раньше всех деревьев в саду расцветает по весне алыча. Так и она расцвела – раньше своих подруг. Потом... потом – вот она, судьба алычи – быстро прошло ее счастье. И все же она первой заметила и возвестила приход весны – словно навстречу солнечному свету доверчиво раскрылись лепестки белых цветов...

Когда ей минуло шестнадцать, она уже стала стыдливо ощущать на себе пристальные взгляды парней. Сама же она еще ни на ком из них не задержала взгляда дольше мгновения. Порой, когда она считала кого-то из них умным и честным, сердце подсказывало ей: посмотри на него чуть подольше, полюбуйся им! Но опасаясь, что кто-то догадается о ее мыслях, она поспешно отводила глаза в сторону.

В тот год, закончив девять классов в Гудауте, она перешла учиться в нашу сельскую школу. Поселилась у своей овдовевшей тети, которая жила со школой совсем рядом. И – вот девчонка! – не то чтобы забыть городские привычки, а наоборот, она будто выставляла их напоказ. Смеялась так заразительно, что какой бы равнодушный парень ни проходил мимо, в сердце его не мог не затеплиться огонек. Ее черные, красиво подстриженные волосы ложились на плечи, будто оберегая от солнца белую шею. Глаза – добрые глаза теленка – всегда смотрели ласково и кротко, а щеки горели румянцем, будто мальчишки в отместку за ее красоту исподтишка мазнули их красной краской. Грудь ее уже теснила школьную форму, и форма словно сама говорила, что она стала мала, что ее хозяйка – уже девушка. Мальчишкам бывало особенно нелегко отвести глаза от ее стройных ног, и потому, быть может, она почти никогда не

носила чулки – будто боялась скрыть ими их красоту. Из-за этого она так закалила ноги, что с легкостью могла переносить даже самые холодные дни. Почти всегда – кроме как на праздники, на вечерние киносеансы в клубе или на танцы – она надевала свое коротенькое школьное платье. Оно полюбилось ей самой, но еще больше – мальчишкам: ведь оно было такое доброе, это платье, что, стоило налететь шаловливому, оно поднималось, открывая ее ноги, и взгляды всех мгновенно устремлялись к ней.

А она из всех полюбила только одного. Как узнали об этом? Просто когда его не бывало в школе, она становилась задумчивой и взгляд ее то и дело беспокойно устремлялся в сторону ворот.

И этот мальчик, и все остальные больше всего на свете боялись ее тети – ох, и сурова была, никого не щадила, кто осмелился бы ее разозлить! «И как у такой злойки жила эта ласковая и добрая девушка?» – гадали люди. А так и жила – как цветок, выросший на камне, – ни в чем ей не прекословя, во всем соглашаясь. А потом... Но пусть она сама расскажет обо всем.

– Батал! Батал! И сегодня без тебя я смотрю на солнце, и сегодня до самого вечера все старались обогреть меня его ласковые лучи, которые не касаются уже твоего лица. Эти солнечные лучи ты защищал, Батал, чтобы они, добрые, теплые, пробившись сквозь холодные облака, согрели нас здесь, на земле. Не заметили они, Батал, летевшую к тебе пулю. Ну а если, скажем, они заметили и крикнули, почему не долетел до тебя их крик?..

В то время ты ничего не слышал, говорил с самим собой и слышал только биение своего сердца. Хоть на мгновение прислушался бы к голосам этих лучей, поверил бы им! Кто знает, может, они сожгли бы, бесследно растворили в воздухе пулю, что искала тебя в тот день, или смогли бы как-то разжалобить того, кто зарядил пистолет, прицелился, спустил курок. Сказали бы ему: ведь у человека одна-единственная жизнь, одно сердце. В этом сердце – любовь, и, если убить человека, любовь тоже погибнет. Слеп ветер, который ломает деревья, разрушает птичьи гнезда, столкнув и разбив, подобно тонким стеклянным сосудам с водой, облака, льет на землю дождь, обрывает лепестки самых красивых цветов в саду. Но человек?! Тот, которого питала материнская грудь и убаюкивала колыбельная – зачем, заглядывая в добрые глаза своей матери, он вбирал в себя их нежность? Неужели для того, чтобы, став взрослым, убить другого человека? Может, и не человек это был вовсе, а некто, случайно обретший человеческий облик? Руки, ноги – все на месте, только сердца нет. Похожий на тень, повторяющий вслед за человеком каждое его движение, но так и не способный никогда стать человеком, заговорить. Может быть, это и есть тень – бесконечно следует она за человеком, но, не сумев им стать, завидует ему и убивает выстрелом в спину. Да, Батал,

наверняка это тени, обидевшиеся на людей. Они движутся за каждым из нас, и до тех пор, пока не слишком завидуют нам и терпят наше над ними превосходство, мы живем. Моя, например, тень держится только до захода солнца, потом сама начинаю ее злить и смеюсь над ней: что она, сопровождающая меня с самого моего рождения, так и не сумела стать человеком, боится темных мест и сразу же исчезает во тьме...

...А как тебе, Батал, шла форма пограничника! В день не меньше раз пяти смотрю на присланную тобой фотографию. Насмотрюсь, спрячу – а ты так и стоишь перед глазами. Но вскоре будто забывать начинаю – а какой же ты на ней? – и, «проголодавшись», снова смотрю. Поначалу мой взгляд долго не мог привыкнуть – твоя новая одежда пыталась преобразить тебя, сделать незнакомым мне. И стоял ты как-то непривычно: выпрямившись, вытянув руки по швам – таким тебя я не помнила. Я стала искать фотографии, на которых ты стоял бы в более знакомой позе – но не смогла найти.

Но потом я заметила твою улыбку – ее я не спутала бы ни с чьей другой. Узнав ее, я обрадовалась – я-то боялась, что, став солдатом, ты растерял все те черты, которые выделяли тебя среди других. Как потерял, например, после армейской стрижки «под нулевку» ту смешную прядь волос, которая раньше закрывала, косо спадая, твой правый глаз и почему-то напоминала мне руку мальчишки, который, перекинувшись через забор, рвет в чужом саду яблоки. Как я любила эту прядку и как часто, желая разбудить в своем сердце радость, думала о ней!

А сейчас, Батал, я хочу признаться тебе в том, что раньше – это было до твоего ухода в армию – скрывала: почему приходил тот мальчик, следы которого мы видели на песке повыше мельницы, в самшитовой роще, там, где мы встречались с тобой. Ты только не обижайся на меня за эту маленькую тайну: она была единственной, во всем остальном я давно впустила тебя в свое сердце. Дело в том, что, когда я узнала про все, тот мальчик очень просил не рассказывать об этом тебе, иначе от стыда он не смог бы показаться тебе на глаза. Я быстро ушла, потому что, говоря это, он уже начинал краснеть, и, если бы понял, что я вижу краску на его лице, стал бы потом и меня стыдиться... В самшитовой роще, где мы с тобой встречались, водились, оказывается, змеи; мальчик говорил, как они называются. Он видел их, когда пас там телят, а мы так ни одной и не заметили. Сказать нам о них он не мог: тогда мы поняли бы, что он знает о наших тайных встречах, – и поэтому, скрывая от родных, носил на это место старые калоши, резиновые сапоги и сжигал. Змеи не переносят запаха гари, и после этого они долгое время не появлялись в тех местах. Так маленький мальчик оберегал нашу любовь, хотя сам ничего еще о любви не ведал, – подобно тому, как человек, который не умеет читать, но догадывается, что такое книга, вырывает ее из рук пытающихся ее сжечь, приносит домой и прячет. Об этом мальчике я потом

еще расскажу тебе, Батал, а сейчас мне вспомнилось, как вечером, накануне ухода в армию, ты шел в наш дом... Все равно ведь я живу одними лишь воспоминаниями, дальше – пропасть, – и боясь, что когда-нибудь я перешагну эту черту, я все пересказываю и пересказываю их себе...

Когда ты зашел к нам, я была на кухне и первой тебя заметила моя тетя. По-моему, ты до этого немножко подвыпил, потому что я услышала совсем не тот знакомый, тихий, как речная заводь, голос... Из-за того, что особенно громко ты произносил мое имя, оно, как выпрыгивающая из воды рыба, то и дело вылетало из разговора. Тетя моя, всегда суровая, на этот раз была приветливей и мягче, чем обычно, пригласила тебя подняться в дом. А когда ты отказался, я, не чувствуя под собой ног, взлетела туда сама и спустилась, неся водку, чурчелу и орехи. Как настоящий мужчина, ты произнес тост в нашу честь и, подмигнув мне, под смех тети пожелал мне счастья. В тот день, Батал, счастье уже вошло в мой двор, и, если б знала я, что может с тобой случиться, спрятала бы тебя, как чурчелу, как орехи, в серванте – и чтоб никто-никто, кроме меня, не мог его отпереть. Я боялась, как бы тетя не догадалась о наших отношениях, просто дрожала от страха, а ты как ни в чем не бывало продолжал разговор. Но она, слава богу, так ничего и не почувствовала... Только с каждым твоим шагом с нашего двора ты, как нитка, раскручивающаяся с мотка, уходил из моей жизни. «Благослови тебя Бог, хорошее дитя выросло!» – сказала тетя. А я мысленно добавила: «Да будет так!»

Она обычно не хвалила людей, и я подумала, что благословение обязательно поможет. В этот момент засигналила ожидавшая тебя машина и ты остановился на полуслове: видно было, очень важное что-то хотел сказать, словно предчувствовал, что так и не успеешь потом договорить. Но рядом была тетя, и мое сердце забилося от страха, как бы ты не проговорился. Потом опять просигналили, и это все решило: ты взглянул на нас и засмеялся тем своим необыкновенным смехом, который я не спутаю ни с чьим другим. После твоего ухода он еще долго стоял в моих ушах, я словно боялась его забыть, со страхом этим и заснула.

...Снилось мне, будто падает снег и ты меня, взяв за руку, ведешь по какому-то полю. «Идти еще долго, – говоришь ты, – а нам надо успеть вернуться назад, пока не замело наши следы: ведь вьюга будет сильной». Мы видим оба, как идет снег, но будто я удивилась: «Откуда он знает о вьюге?». Вскоре снег почти перестал, и теплее вроде бы стало: словно солнце спустилось поближе к земле. Но потом вдруг налетел пронизывающий ветер, закрутил столбом снежную пыль. Я посмотрела на небо, и солнце показалось мне цветком, с которого ветер срывал лепестки лучей. Цветок пробовал защищаться колючками своих веток, но если те и вонзались в ветер, то ветер, наверное, терпел. «Батал, – взмолилась я, – не видишь, что делается с цветком на небе? Помоги, спаси его!» Но ты только смеялся, а потом сказал, что не столько цветок тебе жалко,

сколько ветер, который и любит его, и все равно должен губить. Ты шел, крепко сжимая мою руку в своей, и я радовалась твоей силе, твоему уму и тому, что ты так близко, рядом... Вдруг мы услышали плач ветра: видно, он расправился с цветком и теперь убивался, глядя на содеянное. Я чувствовала, что ветер позади нас, что он совсем рядом, но ты запретил мне оборачиваться: когда он обгонит нас, мы, мол, и так его увидим. Скоро он в самом деле промчался мимо нас, но тут же вернулся обратно, потом вновь рванулся вперед – будто убийца, которого неведомая сила тянет на место преступления. Какой-то страх овладел тогда моим сердцем, и, прижавшись к тебе, я начала говорить, что снег – это сказка, которую рассказывает небо, а слушает земля, но, если он идет слишком долго, появляется солнце и растапливает его, будто обрывает надоевшую сказку. И тогда герои сказки – снежинки – умирают. Но мы, случайные слушатели этой сказки, останемся жить и поэтому должны пересказать ее светлячкам и бабочкам, пребывающим до лета в забвении... Потом я проснулась, измученная жаждой.

О чем говорят с крышами домов капли дождя? О том, какой длинный путь они совершили, как холодно было им в пути, или о том, что они помнят и любят землю, на которую возвращаются?

Ну а теперь, Батал, я продолжу рассказ о нашем маленьком защитнике. Вскоре он сжег все старые резиновые вещи – галоши и сапоги, что были в доме. Остались только сапоги его покойного отца. В семье продолжали хранить его вещи, и мальчик почти каждый день заходил в комнату, где стояли эти сапоги, и мысленно разговаривал с ними, считая их ближайшими друзьями своего отца. Но настал, наконец, день, когда он с болью в душе отрезал их голенища. А когда сжег их, то, вернувшись, начал успокаивать оставшиеся остовы: вам, мол, так больше подходит, к тому же нынче выпадет немного снега, когда мои ноги станут большими, как у отца, я буду надевать, вот увидите.

Но когда ветер разогнал на пепелище запах гари, и змеи вновь стали появляться, он пришел в ту комнату, обул их и начал в них расхаживать. Они были ему великоваты, и ему приходилось приподнимать ноги, словно он застрял в грязи – но он вовсе не брезговал ими! Он испытывал какое-то непонятное печально-радостное состояние. Сердце подсказывало ему, что пора их нести жечь. И пусть «друзья» отца будут считать его лгуном, предателем – все равно надо было пойти в них, дойти до нужного места и потом, закрыв глаза, поджечь. Когда змеи чувствуют запах резиновой гари, они, оставив от злости свой яд на камнях, расползаются в разные стороны... Он и после этого, оказывается, часто приходил на то место,

но уже не говорил с ними, да и не с кем было: от сапог осталась лишь кучка пепла.

Ах, Батал, ты все ближе и ближе, что же полностью не отпускает тебя? Иногда я так ясно тебя вижу, что кажется: вот-вот ты разобьешь стеклянную оболочку сна, в котором пребываешь, и живой, невредимый, улыбающийся, явишься передо мной – как когда-то появился из-за стога...

Я никогда не забуду тот осенний день, в котором смешались мои слезы и радость. Это было в воскресенье, тетя поехала в город. Я кормила кур и вдруг увидела, что сзади к дому поднимаешься ты. Помнится, тебе была нужна какая-то книга, но у меня ее не оказалось. Мне надо было идти собирать орехи, и мы пошли вместе. Помню, ты быстро, как белка, взобрался на дерево и так растряс его, что на нем, наверное, не осталось ничего, кроме листьев. Потом, зажав в зубах четыре иссиня-черных грозди винограда, ты спустился вниз и все четыре хотел отдать мне – сам, мол, наверху наелся. Только я знала: раньше меня ты к винограду бы и не притронулся. Ты раскалывал на камне орехи, и после винограда они казались особенно вкусными.

Ты говорил, что, как вернешься из армии, поступишь учиться в Сухуми и чтобы я во время твоего отсутствия ни на кого не смотрела. А я пошутила: «Вот уйдешь в армию, и я забуду тебя, как книги, которые читала когда-то в детстве, так что лучше оставайся». А ты рассмеялся: знал, что не забуду. А когда я начала собирать орехи в мешочек, ты незаметно спрятался за соседний стог. Я догадывалась, что это розыгрыш, но ты так долго не появлялся, что я начала тревожиться: а вдруг тебя обидели мои слова? Оставив свой мешочек, я пошла тебя искать, и тогда ты, незаметно подкравшись сзади, закрыл ладонями мои глаза.

«Чур, я первый, первый», – шепнул потом ты мне на ухо и, смеясь, побежал к ореховому дереву. Меня вдруг подняла волна какой-то сумасшедшей радости, и я бросилась вдогонку, решив во что бы то ни стало первой дотронуться до ствола. Ты хорошо бегал, но, словно пловцу сильное встречное течение, тебе стало мешать покрывавшее луг свежескошенное сено. Заметив это, я рванулась в обход, по тропинке, и первой коснулась орехового дерева. И тогда, приблизив ко мне свое лицо, ты задал вопрос, ответить на который я так боялась: «Что говорят тебе мои глаза?» Я сказала, – просто ничего другого не смогла придумать, – что вижу в них обиду за поражение. «Нет, Шазина, мои глаза говорят совсем другое!» – произнес ты и привлек меня к себе. Я никогда еще не стояла к тебе так близко, и твое теплое дыхание стало незаметно кружить мне голову. В тот момент я уже чувствовала, что когда тебе трудно переносить дыхание юноши, когда оно обессиливает тебя, это может заставить забыться. И что все, чего обычно боишься, стыдишься, переходит в сладкий сон. А все, что связано с девичеством, оказывается тобой недостаточно пережитым и перечувствованным.

...Когда ветер, игравший с ветками орехового дерева, сталкивал их, сверху на нас с тихим шуршаньем падали сухие листья, и мне казалось, что я до бесконечности готова слушать эти звуки... Все это время на доньшке моего сознания жила память о домашних делах: надо было помешать виноградный сок в давилъне, принести воду, помыть банки для акалмышы*, собрать лавровишню, сварить мамалыгу. Потом из города вернется тетя – надо встретить ее, помочь тащить сумки. Но все эти заботы я отодвинула прочь, подальше, чтобы ничто не отвлекало меня от моего счастья. Может быть, и они, эти хлопоты, тоже были неосознанным счастьем, но по сравнению с теперешним счастьем они были так мелки и незначительны – как икринки, про которые тут же забывают выросшие из них рыбы. Это ради тебя, Батал, ради нашего с тобой счастья я старалась забыть все домашние заботы, так душившие меня в отсутствие тети. Я всегда так боялась расстроить тебя, что порой перешагивала ради этого через невозможное. И еще не очень хотелось, чтобы кто-то был посвящен в наши отношения, судачил о них. Знаю, ты тоже хотел. Умеющий терпеть боль не захромает на больную ногу, не выдаст себя. Так и умеющий хранить тайну не допустит, чтобы она отразилась на его лице. Эту тайну мы хранили только для нас одних. Я гордилась за это тобой и радовалась, думая о нашем будущем счастье. Я знала, что это счастье обязательно придет, но сердце замирало от страха: смогу ли встретить его достойно, как следует? И я готовилась к этой встрече, Батал, мой глупышка, а ты думал, что только ты горишь в этом пламени. И я в нем горела, и мне тоже хотелось счастья, я только не подавала вида, скрывала это во время наших встреч. Ведь после того, как ты завоевал мое сердце, оно само стало незаметно говорить мне твои слова. Ты все мог, Батал: мог заставить меня и радоваться, и плакать, и грустить, и смеяться. Радуюсь, я возносила тебя до небес и умоляла тебя в душе, чтобы ты не отнял у меня счастья, не отвернулся от меня. И когда плакала – ты снова был для меня богом, и снова в твоих руках была моя судьба, мое счастье, и мне казалось, что ты не хочешь давать мне его просто так, без моего страдания. Но потом ты начинал веселить меня, и я умирала со смеху... Чего только ты ни придумывал: что облака – это девушки, которые стыдятся выйти на танец и только толкают друг друга, а когда гром ударит в барабан, будто ловкие парни вылетают в круг – начинает свой танец ливень. Будто горы – это застенчивые парни, влюбленные в красивые поляны, которые тоже любят их, но оттого, что горы не решаются подойти, и поляны молчат, ждут их слова... В эти маленькие сказки ты вкладывал столько души, что я даже начинала в них верить, и чем больше верила, тем быстрее ты придумывал новые.

* *Акалмыш* – кушанье из загустевшего виноградного сока.

Их становилось так много, что я переживала: как бы ты не отдал любви меньшую часть своей души, а большую – сказкам. Но потом я устыдилась своих мыслей. Ты ведь простишь их мне, Батал? Мой ясный день, ты ведь никогда не был обидчивым... Ты многое умел прощать людям.

Знаю: тетю Тату ты считал грубоватой. В этом я согласна с тобой: женской мягкости ей не хватало – словно когда Бог раздавал характеры и ему не хватило женских, он дал ей характер вспыльчивого мужчины. Но я ее не виню... После смерти родителей она заменила своим трем братьям и четверем сестрам и мать, и отца. Пока не устроила судьбу каждого, о себе не думала. И только женив братьев и выдав замуж сестер, вспомнила и о своей доле женского счастья. Только слишком коротким оно было: муж умер, не оставив ей даже ребенка. Сам пойми – все это не могло не повлиять на ее характер! И когда я закончила школу и не смогла поступить в институт, мне захотелось остаться рядом с ней хотя бы до будущего года, помочь ей, дать передышку. Батал, умница мой, прости ей, если когда она сказала тебе что-то обидное. Ты ведь был молод, мог все забыть, перетерпеть, а она... Даже если не права бывала, не нужно было ей отвечать, спорить с ней: ведь потом она сама чувствовала свою вину и мучилась. Да ведь ты, Батал, и сам все прекрасно понимал, хотя и не говорил об этом. Суть в том, что ты всегда оставался самим собой. Твой характер родился с тобой и был твоим всегда. Только не думай, что я не ревновала тебя. Но и ревности тоже было немного, да и запрятана была в глубине моего сердца, куда не проникал твой взгляд. А как же иначе?.. Ты был парнем и, оказавшись среди девушек, даже любя другую, не мог не слышать сердцем их смеха. Не думай, что я лишняя раз проходила перед тобой или заглядывала, найдя повод, в ваш класс для того, чтобы напомнить о себе. Нет, я знала, что ни с одной у тебя ничего не было, что ты не гонялся за двумя зайцами. Только, не скрою, когда ты стоял среди них, то нравился мне еще больше; мне хотелось, чтобы все видели, какой ты добрый, умный, веселый. «Он мой, мой, ваши глаза не могут соблазнить его, и не пытайтесь, не пытайтесь напрасно!» Но ты долго около них не задерживался. Я видела их радость, видела, как светлели их лица, когда ты подходил к ним. Я то гордилась тобой, то ревновала, то начинала уверять себя, что тебе не хочется стоять среди них, что ты словно задыхаешься в их кругу. В чем моя вина, Батал? Я привыкла к тебе, мое сердце скучало по тебе, и, когда мне хотелось как-то успокоить себя, твои слова касались его: «Моя душа с тобой!», «Тоскую без тебя!», «Без тебя с ума сойду!». Знаю, таких слов ты никому, кроме меня, не говорил – так много было в них горячности и нежности, которые не сохраняются, не могут сохраниться, если произносить их не в первый раз. Ты покраснел тогда, словно стоял над огнем, и не смог договорить всего. Но мне хватило и этих слов, чтобы понять все, и я спрятала в душе радость, которую они дарили. Вернувшись домой, я надолго запиралась

в своей комнате и думала, думала о них... Мысленно я отвечала на них вслух – чего, может, ты с замиранием сердца ждал, – произнести же это было трудно. Не думай, что я заставляла ждать, чтобы причинить тебе боль. Просто я не росла рядом с тобой, не знала еще тебя, твоего характера, твоей души. Понимала одно: бессовестный таким и останется, ведь совесть не вернешь, как оброненный платок. Потому-то, Батал, ты и не слышал так долго моего ответа: я должна была пройти к твоему сердцу тем же путем, которым ты шел к моему. И счастье, что ни ты, ни я не ступали раньше на эту дорогу и, не зная ее ответвлений, не могли обманывать друг друга. То, что мы читали о любви в книгах, не могло ни объяснить нам полностью этого чувства, ни предсказать его приход: ведь и река не может сказать рыбам о начале разлива. Да, она захватила нас врасплох. Неожиданно для себя полюбила я тебя, Батал! И еще удивлялась потом: неужели до этого тебя не было рядом? Разве не росли мы вместе, и когда я, маленькая, училась на море плавать, ты не учился вместе со мной? Разве не шагал ты со своим портфелем рядом, когда, завязав на косичке красный бант, я пошла в первый класс? Разве не видел, как я написала мелом на доске первые буквы? Нет, просто все эти годы мы шли навстречу друг другу. Сколько раз за это время расцветали цветы и устремлялись вдогонку друг за другом солнце и луна!

Тогда время остановилось. Ведь оно, как и поезда, имеет свои остановки, на которых входят и выходят, находят друг друга и навечно расстаются люди.

Иногда, Батал, я уверяю себя в том, что ты сидишь здесь и ждешь меня. Даже начинаю обижаться, что ты выбрал именно такое, открытое со всех сторон место. Но ты молчишь, словно своим молчанием хочешь сказать: «До каких пор мы будем прятаться? Пусть все видят – кто посмеет нам помешать!» Никто и не мешал нам, Батал, а о тех, кто никогда не любил, ты не думай, может, и их когда-нибудь посетит любовь и тогда они сами все поймут. Но оставим это, давай я тебе лучше расскажу о том, как в наши края идет весна, как расцветают деревья, которых она касается. Горы, словно боясь, что речки высохнут, посылают им растаявший снег – помнишь, как я, чтобы ты ни на минуту не забывал обо мне, посылала тебе в армию письма? Небо чисто вымытое, голубое, и облака у его края висят, как белоснежные полотенца.

Вчера я видела твоего брата. Он пахал и сказал мне: «Земля вдоволь напилась воды, и волы берут ее легко. Только вот надо этому участку дать передохнуть, устал!» И земля, оказывается, устает, а не только волы и люди. И земле год-два нужна передышка... Твой брат хорошо знает об этом, хотя он моложе тебя... Сегодня, Батал, на всем для меня лежит отсвет радости. Порадуйся и ты. Утром, когда я носила воду и перед

тем, как открыть калитку, поставила ведро на землю, – я почувствовала! Я услышала, будто он сделал маленький шажок.

«Шазина, в небо я взлетаю, Шазина!»

Подожди, Батал, дай сказать. Это было как-то необыкновенно – и запомнить трудно и передать невозможно. Но я поняла, что это был он, тот, о ком после твоего ухода я каждый день втайне думала, мечтала – твой, твой сын! Он дал знать о себе, о том, что стоит где-то там, у истока жизни. Я прислушалась еще и еще, но он только один раз дал знак, а потом звук его шагов исчез. Я все останавливалась, чтобы лучше слышать свою плоть, но напрасно. Только не подумай, что я ошиблась. Это был он, клянусь тобой! Ребенок, твой ребенок, Батал!

«Шазина, ребенок будет, ребенок, радуйся!»

Как не радоваться, Батал, ведь ты тоже хотел этого. А разве я говорила когда-нибудь «нет» тому, что радовало тебя? Только о том и думала, что занимало твои мысли, что ты говорил. И еще: он насколько мой, настолько и твой. Скажут когда-нибудь о том, как станцевал сын Батала, как спел, как оседлал коня сын Батала. Может, когда-нибудь меня совсем забудут, а твое имя еще будет звучать на устах у людей. Тогда я этому еще больше порадуюсь. Спросит кто, скажу: «Что ж, и отец был такой, почему же в нем должно теряться отцовское?» Да ведь это и в самом деле так. Сколько знаю тебя, ты всегда был ловок и быстр («Огонь», – говорила Тата), остроумен и сообразителен. И спеть мог, и станцевать. Никогда, правда, не видела тебя на скакуне, но и тут, думаю, ты не ударил бы лицом в грязь. Вот и сына твоего я хочу видеть похожим на тебя!

Высоким, но не долговязым, плотно сбитым, но не толстым, темноволосым, но не чернявым, белокожим, но не рыжим.

Да, да, не смейся! И знай: он ни в чем не будет чувствовать недостатка. Главное же: хочу, чтобы он был человеком, всегда стремился только к хорошему, был рядом с другом и в радости, и в горе, ну а остальное само собой придет, и, что положено ему, он сделает. Ведь и ты, пока жил, сделал все, что было тебе предназначено, никому не оставил! Ты защищал нашу землю. Она ведь подобна счастью: есть люди, которые, имея ее, не могут ее защитить, значит, они ее недостойны. И земля никогда не забывает человеческую верность и нежность – поэтому люди защищают ее, трудятся на ней, а когда она устает, дают ей передышку. Когда-нибудь это будет понимать и наш мальчик. И ты не думай даже, что я не смогу справиться со своими материнскими обязанностями. Послушай, мой глупышка, не то что я – и медведица может воспитать своих детенышей, научить их всяким медвежьим хитростям. Вот и я

научу его всему необходимому, да что, впрочем, ему мое ученье – сам увидит, что говорят, делают хорошие люди.

«Шазина, какая ты, оказывается, умная стала».

Нет, Батал, я просто говорю, что думаю. Я ведь так радуюсь (а слез моих ты все равно не увидишь)... Скоро, очень скоро, наверное, раздадутся выстрелы и пронесется по селу весть, что у тебя родился сын. («У Батала сын родился, собирайтесь на пир!»)

...Да, но ребенок может и девочкой оказаться! А что, разве плохо – если девушка, подобно красивому цветку, украсит твой двор? Шелковые банты, будто большие бабочки, усядутся на голову, как буду отправлять ее в школу. А хорошая дочь стоит трех плохих сыновей. Вы, мужчины, считаете, правда, себя основой всего сущего, будто мир покоится на ваших плечах. Может, оно и так – я ведь, например, жила и живу только тобой, только благодаря тебе. Иногда задумываюсь: а что было бы, если бы ты не учился в нашей школе? Что ж, у каждого из нас была бы своя дорога. Одно знаю: я бы все равно искала тебя, только тебя... Может, теперь ты думаешь, что ушел слишком далеко от меня, так нет, дойти до тебя стало еще легче. И если раньше я всегда первой приходила на наши встречи, а ты опаздывал, – слишком большую волю я тебе давала, вот что, – то теперь могу и позлить тебя, ждать заставить (ах, мое сердце, что ты позволяешь мне говорить и как выносишь такие слова?). И не думай, Батал, что невоенным нечего защищать. А совесть, честь, человеческое достоинство? При тебе, мой ненаглядный, мне не приходилось столько думать – ты находился в моем сердце и словно знал о всех моих помыслах и желаниях. А как же – ведь, если хочешь знать, ты был моим мужем. Слышишь, мужем! Я это слово любила, как и тебя, и, как и твое имя, любила повторять его про себя. А как мне мечталось о наших будущих встречах с моими подругами! «Познакомьтесь, это мой муж!» А вот в автобусе ты уступаешь место старику, и я мысленно говорю ему: «Это ведь мой муж». Или пришли мы ко мне домой, и навстречу – отец. «Ну, видишь, ты всегда упрекал меня, что мы не приезжаем, вот мы и приехали. Чем будешь нас угощать?» А потом, вечером, лежа на постели рядом с матерью и обнимая ее, я бы рассказывала ей все-все: какой ты совестливый, ни разу мне обидного слова не сказал, и как хорошо относится ко мне свекровь, твоя мать, как заботится о наших детях, и какой хороший человек свекор, и как мы все радуемся, когда по субботам приезжают оба моих деверя, которые учатся в городе... И мать, не смыкая глаз, до самой полуночи слушала бы меня. Подумай, Батал, как бы радовались мои родные! Но я ни в чем не хочу тебя упрекать, пойми. Просто, когда мечтаю о счастье, то всегда представляю нашу

совместную жизнь. Я так к этому привыкла, что даже чувствую усталость, когда представляю, например, что мы с тобой долго шли по дороге или танцевали на чьей-то свадьбе.

«Шазина, ты не думай больше обо мне, кто не возьмет тебя?»

Ах, Батал, глупышка мой маленький, как я могу думать о другом, когда ты, мой муж, рядом? Если еще раз скажешь так, я обижусь и долго не буду к тебе приходить. Подумай хоть о своем будущем сыне: как можно, чтобы он, твоя кровь, продолжатель твоего имени, рос в чужом доме? Ты ведь не будешь больше говорить на эту тему, правда? Лучше послушай, я расскажу тебе, что недавно представила.

Будто мы с тобой наливаем вино в кувшин – и вдруг во двор входит тетя Тата. Она была обижена на меня за то, что я без ее ведома вышла за тебя, чуть ли не прокляла меня, а тут мы видим, как она входит к нам, а дома, кроме нас, – никого. Выйдя на середину двора и увидев меня, она улыбнулась – и у нас будто камень с сердца упал.

– Чтoб мне умереть, как я сразу не заметила тебя, Шазина!

– Тата, я не верю своим глазам...

– Несчастливая я, разве могла я не обрадоваться твоему счастью, просто все откладывала.

– Тата, вот он...

– Унан, чтобы все твои беды перешли на меня, старую... Да благословит, нан, он вас обоих, ласточек-ангелов.

Мы зовем Тату в дом. Ты зарезал курицу, я сварила мамалыгу. Потом мы накрыли стол, пригласили двух соседок, посадили рядом с ней. Тата, моя Тата! Я обрадовалась ей, будто только сейчас увидела ту, которая по десять раз на день ругала меня, а потом утешала, начинала мне петь колыбельную и рассказывать чудесные сказки. Я знала, что после моего ухода она останется совсем одна, но ведь и сама она говорила, что не сможет, как курица цыплят, вечно держать меня рядом с собой. И вот, уже обругав, прокляв меня, она не смогла не прийти поглядеть на меня и моего мужа. И кто упрекнет эту женщину, жизнь которой была так тяжела и которую я любила больше своих родителей, кто упрекнет мою Тату!

– Да будут молодые, соединившие свои жизни, счастливы в этом доме, родят семерых дочерей и семерых сыновей, а дети их детей будут многочисленны, как трава, и пусть все, кто теперь слышит и не слышит мои слова, не имеют иной заботы, как качать их колыбели. И пусть весь тот урожай, что вы собрали в этом году, пойдет на вашу свадьбу. Ну а если вас ждут какие-нибудь несчастья, пусть они лучше падут на меня, вдоволь пожившую старуху!

«Да отведет их Бог от тебя!» – говорила я мысленно. Никогда раньше не видела я Тату такой радостной – будто не было в ее жизни всех

тех страданий, той печали... Сейчас она благословляет нас, моя Тата, женщина с характером мужчины, строгая и нежная одновременно.

А потом мы с тобой провожали ее до холма. Говорили все время лишь она и я, ты же, как и положено зятю, молчал, стеснялся.

Но мы ведь с ней, пойми, Батал, так соскучились друг по другу! Потом она сказала: хорошо, что современные парни не носят кепок с большими козырьками, а то как бы она посмотрела в глаза своему дорогому зятю. Ты смутился, опустил голову, а я прижалась к ее плечу, чтобы напомнить ей, что люблю ее так же, как и те самые глаза. А на прощанье она расцеловала нас, моя добрая Тата.

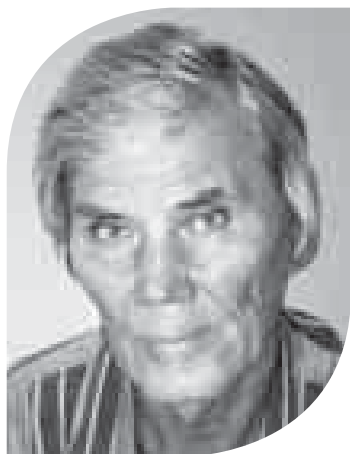
Пока она не скрылась, мы стояли и смотрели ей вслед и взглядами просили ее не торопиться. Она, словно услышав, останавливалась, махала нам рукой: мне, мол, пора уходить, а вы – вы живите.

Помнишь, Батал, как ты на ходу сочинял сказки? Вот и я научилась придумывать нашу будущую жизнь, какой бы стала она, если бы мы поженились. Знаешь, сколько всего можно напредставлять, – нет, не чего-то такого несбыточного, а вполне реального, осуществимого!..

...Утомила я тебя сегодня своими разговорами, посмотри лучше, какие вишни я тебе принесла. Потом созреют и яблоки, и груши, и сливы, и персики, но раньше всех – помнишь? – поспевают алыча, мушмула и вишня. Ведь о приходе весны должны сообщать не только цветы, но и плоды! Ну, пора мне, солнце уже зашло. До свидания, Батал! Я ведь буду здесь и завтра, и послезавтра... Пойду не по мосту, а прямо через речку. Ты когда-то купался в ней посреди зимы, будто узнать хотел, насколько она еще должна потеплеть до лета. Вот и я перейду ее вброд, а завтра расскажу тебе, можно ли уже в ней купаться...

Перевод с абхазского В. Шарш

Владимир ЗАРУБИН

Зенитчицы

Помню: кро́шится ночь на куски,
Прогибается небо от тяжести,
Отупели от гула мозги
И зенитки охрипли от ярости.

Позабылись в свои погреба
Деревенские бабы с детишками,
А над ними – слепа и груба –
Смерть грохочет убойными вспышками.

И сшибают лучи, как мечи,
Иноземную нечисть поганую,
Что рвалась на чужие харчи,
Да наткнулась на мощь ураганную.

Ах, как сердце кипело и жгло –
Победить или сгинуть под бомбами!
Нет, подобного быть не могло
Ни в распятой Европе, ни в Лондоне.

Всё казалось иным поутру –
Было солнце румяней яичницы,
И, как дети, окончив игру,
Хохоча, умывались зенитчицы.

Словно не было в мире войны
И несущей страдания свастики –
Посреди небольшой тишины
Были Машеньки, Катеньки, Настеньки.

Жизнь брала́ и на фронте своё,
Наполняя до нерва, до клеточки,
И они защищали её,
Удалые военные девочки.

Грелись чаем, картошку пекли,
И, свернув самокрутки душистые,
Пели песни – и слёзы текли,
Молодые, нестыдные, чистые.

А потом налетали опять
Изводящие душу стервятники,

И девочки бежали стрелять –
Аж взмокали солдатские ватники.

Но однажды не стало пальбы –
Ржали кони, обозники кричали,
Возле каждой спасённой избы
Провожали зенитчиц и плакали.

Им – на запад, а нам, пацанам,
Предстояло пройти всё, что пройдено,
И никто не сочтёт, скольких мам
Потеряла любимая Родина.

Реквием

«Никто не забыт и ничто не забыто».

Ольга Берггольц

Нет, никто не забыт и ничто не забыто! –
Не на срок, а навеки, на все времена! –
Как была ненавистная сила разбита,
Как Великая Наша Победа добыта,
Как Планета от страшного Зла спасена!

Нет, никто не забыт и ничто не забыто! –
Это в памяти павших в Священной Войне
И недавно сошедших с житейской орбиты,
Это каждым из нас сквозь их память испито,
Это в нашем народе – в тебе и во мне.

Нет, никто не забыт и ничто не забыто! –
Ни страдания, ни песни тех горьких годин.
Эту боль, что слезами и кровью умыта,
Боль земли, что топтали чужие копыта,
Никому никогда осквернить не дадим!

Нет, никто не забыт и ничто не забыто! –
Утвердившие Жизнь для Любви и Труда,
Мы хотим тишины, Счастья мирного быта,
Но за Родину-Мать, заявляем открыто,
Постоим, защитим, победим – как тогда!

Нет, никто не забыт и ничто не забыто!..

Расстрел

Лютует немец – скоро бегство.
Подпольный Киев всё сильней.
...Из трезвой взрослости своей
Гляжу на киевское детство.

И словно годы разошлись,
И всё сжимается невольно.
Ах, память! Ты – вторая жизнь,
Тебя коснись – и сердцу больно...

...Стоим у Фрѳловской стены
Под цепким взглядом пулемѳта,
И ясно всем без перевода,
Что мы на смерть обречены.

А нас какой-нибудь десяток,
Из разных киевских квартир,
Никто из нас не командир,
Не партизан и не десантник.

Все старики, и я, замѳрыш –
Не выбравшиеся в леса,
Приговорѳнные за тѳ лишь,
Что намозолили глаза.

Я верю, трудно помирать
Вот так, ни в чѳм невиноватым,
Но перед вражеским солдатом
Своих имѳн не замарать.

Крестилась бабушка, наверно,
Прикрыть меня пытался дед.
Пусть смерть легка, когда мгновенна,
Но ожиданье смерти – нет!

И вдруг, внезапное до вздрога,
Среди оглохшей тишины,
Когда глаза округлены,
Как выстрел: «Шнель! Вокзаль!» –
дорога.

Приклады в спину и – побег
Из эшелона обречѳнных,
И путь, через кровавый снег,
Домой, между воронок чѳрных.

И бомбы сверху – берегись!
Как ты нежна, людская память!
Ах, память! Ты – вторая жизнь.
Тебя нельзя напрасно ранить.

Но! – коль тогда я не истлел,
Я всё набатней помнить буду
Далѳкий тот, подобный чуду,
Несостоявшийся расстрел.

Ветеран

Он глядел на обелисков звѳзды,
В мирной тишине,
И пальто, казалось, дразнит ноздри –
Пахнет, как шинель.

И опять припомнилось солдату,
Как он, зубы сжав,
Друга нѳс к разбитому санбату
Сквозь окопный жар.

Наши рукопашные атаки,
Пьяный рёв врагов,
Злые, размалёванные танки,
Жуткий блеск штыков.

Стой, солдат! Она такая, память!
Перед ней – замри!
Под огнём тебе уже не падать,
Не глотать земли.

Снова, как тогда, перед глазами
Встал военный смерч,
Юноша с седыми волосами,
Победивший смерть.

Не носить глухую боль разлуки
Со своей семьёй,
Не лечить Россию от разрухи,
Пот не лить седьмой.

Всё прошло, остались лишь могилы,
Чтобы поминать
Павших, тех, которые могли бы
И не помирать.

Блокадники

Они пережили блокаду
И тысячи страшных смертей –
В родильных домах Ленинграда
Почти не встречалось детей.

Но грянули марши Парада
Победы – и в мирной тиши,
В родильных домах Ленинграда
Зачмокали вновь малыши.

В то время, под гром канонады,
Кроваво вздувались рубцы –
В родильных домах Ленинграда
От ран умирали бойцы.

Окрепла державы громада
И, в память о боли потерь,
В родильных домах Ленинграда
Традицией стало теперь:

Как лучшую в мире награду,
Важней, чем за бой и за труд,
В родильных домах Ленинграда
Медаль за рождение дают.

Военные оркестры

Военные оркестры –
Сияющая медь!
Мальчишки и невесты –
Спешите посмотреть!

Пересекает город
Певучий ураган,
Бабахает, как молот,
Могучий барабан.

Свой звон весёлый крышки
Рассыпчато несут.
Невесты и мальчишки –
Ну, где ж вы, как не тут!

Шагают музыканты –
Лихие духачи,
В перчатках, словно франты,
И в белом, как врачи.

Качается упруго
Торжественный мотив,
На время всю округу
К себе оборотив.

Мы делаемся старше
И, может, оттого
Не забываем марши
Из детства своего.

Так было, есть, и будет –
Хоть изредка, но вдруг
Ворвётся и разбудит
Знакомый сердцу звук.

В день будний иль воскресный
Вновь загремит в ушах
Военного оркестра
Печатающий шаг.

И никакой преграды
Для музыки в пути –
И лучшей канонады
На свете не найти.

*Амир МАКОЕВ***БОГ НА МОИХ ЛАДОНЯХ**

У меня это, как и у большинства людей, происходило с известной степенью притворства и недоверы: исполнится – хорошо, а не исполнится – не в обиду. То есть – я просил о помощи, нисколько не задумываясь о том, чем для меня обернется приближение к всемогущей силе. А что, если она и в самом деле проявит свою сущность и сольется со мной – станет частью меня, или я ее? Смогу ли принять с благодарностью ее влияние на мою жизнь, хватит ли ума и мужества достойно встретить чудотворное явление, которое я призывал не всегда осознанно? Со временем эти мысли стали посещать меня чаще, и я был, видимо, настолько ими впечатлен, что они начали преследовать меня всюду, даже во сне.

Сейчас уже трудно вспомнить, что со мной происходило в эти несколько дней – все оборотилось в мешанину обрывочных мыслей и впечатлений. Мне надо очень потрудиться, чтобы изложить свою историю хоть сколько-нибудь внятно. К тому же я не решусь сказать, сколько времени длилась эта история, хотя опрометчиво упомянул о нескольких днях. Может, и так, а может, одну только минуту или того меньше – мгновение. Я теперь ни за что не поручусь.

Поди узнай, с чем я проснулся в то утро, какие видения меня посещали, спал ли я вообще, да и утро ли то было, когда я свел руки под летним умывальником, чтобы набрать воду и омыть лицо.

Этот неясный контур рисунка на ладонях я поначалу принял за машинное масло, въевшееся в кожу во время ремонта автомобиля. Решил, что после утомительной работы я помыл руки не совсем тщательно, только и всего.

Я зачем-то вылил воду в таз и снова подставил ладони под краник – и вдруг отчетливо разглядел на них странный лик. Вот усы, негустая бородка и волосы до плеч, здесь губы, нос и – глаза, глядевшие на меня с такой проникновенной суровостью, что могли бы, я уверен, лишить самообладания любого. Но я выстоял. Выстоял, думаю, по причине неумного своего любопытства, оказавшегося сильнее доводов рассудка. Я, возможно, не испугался еще и потому, что давно считал себя избранником судьбы, и появление высшей силы готов был принять если не как заслуженную награду, то как предвестника чрезвычайно важных событий – это без сомнения.

Я забежал в дом, включил ночник над изголовьем кровати (значит, все-таки было не утро, а ночь, хотя тут же раздался голос матери: встану

я наконец или нет? – но сейчас не об этом) и тщательно стал рассматривать изображение на ладонях. Когда они врозь, фрагменты ничего собою не представляли, пятна отработанного масла – и все. Но стоило их свести – картинка оживала.

Теперь волосы и контур лица стали отчетливее, впалые щеки обрели румянец, глаза распахнулись и снова посмотрели на меня, но уже без пронзительной и неумолимой суровости. Они глядели с такой же любовью, как и мать на меня в первые минуты после моего рождения – минуты, которые я не должен был помнить, но почему-то помнил. В одно мгновение мне открылось такое, о чем я не имел никакого представления. Сердце запрыгало, и готово было покинуть мою грудь.

Не знаю, что произошло, но вдруг я до мельчайших деталей разглядел свою жизнь. Я даже отчетливо увидел, кто в детском саду присвоил армейскую медаль, подаренную мне дядей. Я решал нерешенные у доски задачи и находил нужные для одноклассниц слова, которые в свое время возбудили бы куда больший интерес ко мне. Я понял, кто и за что не любил меня в разные годы, а кто был тайно влюблен, но так и не признался. Кто на самом деле украл деньги у родственницы, а обвинили меня, ребенка, потому что я тоже был в той комнате. Отчетливо увидел, где и как, спустя много лет, умерла та девочка, с которой я целовался в пятилетнем возрасте в густых зарослях сада. Передо мной предстали те, кому я сделал больно, перевернул их жизни, но из-за своей черствости даже не заметил этого. Мне кто-то поведал о том, как горячо любил меня отец и верил в меня, а я думал, он мною не дорожит, и был к нему холоден. Понял, кем я мог стать, прими иное решение в тот или иной момент своей жизни, а еще – сколькими я обладал дарованиями, покинувшими меня безвозвратно. Я также узнал, почему чудом выжил в ситуациях, в которых, казалось бы, у меня не было никаких шансов спастись. Одним словом, вся моя жизнь озарилась неземным светом. Получается, при желании я мог бы разглядеть не только любой ее фрагмент, но и... Я боялся даже подумать.

Я развел ладони и спрятал их в подмышках. Вскочил и в волнении начал ходить по комнате. Я, оказывается, испугался мысли, что теперь могу не только проникать через пласты недоступных другим событий и видеть невидимое, но и влиять на ход жизни. Невероятно, подумал я, неужели свершилась мечта всего человечества – соединилось божественное и человеческое, а я единственный свидетель этого фантастического события?! Более того, я счастливейший избранник из всех людей! Осталось подумать, как уберечь рисунок на ладонях: от рукопожатий, от мытья, от работы...

В эту минуту в стороне послышался нарастающий шум, под аплодисменты я ступил на выплывшую из темноты подвижную сцену и оказался на празднике. Меня это не удивило, потому что все его участники были

мне знакомы, а с кем не был знаком, то с этими знаменитыми людьми мне всегда хотелось быть в приятельских отношениях. Гости сидели на открытой площадке и слушали мой любимый вальс, световое решение и фейерверки – в точности как я себе представлял в радужных своих фантазиях. Даже блюда на столах были в самый раз моим кулинарным пристрастиям. Да, я попал на свой же праздник, и вообще – с какого-то времени я богат и живу в свое удовольствие! А это моя усадьба, более того, она задумана и построена по моему чудесному проекту. Праздник тоже затеян мной, просто так – без всякой причины, гости меня давно ожидают, и я с торжественной улыбкой спускаюсь к ним.

Судя по льстивым ужимкам, они все про меня уже знали, хотя немудрено, что сам же и проговорился, такое за мною водится. Но я не из тех несчастных, которые в своих храмах вымаливают подаяния у высших сил. Что ж, скрывать не стану: только я, лишь я один на всем свете могу свести ладони и попросить об исполнении любого моего желания. Сейчас же объявлю гостям о своем намерении возвысить их до гениев человеческой мысли, погрузить в таинственные глубины своих душ, приблизить к Создателю – насколько они способны выдержать такое приближение. Предвосхищая их безмерную благодарность, я почувствовал, как у меня на глазах выступили слезы умиления.

Однако не совсем того хотели мои родственники, друзья, приятели и знакомые, вернее сказать – совсем не того. Смущаясь, они говорили, что да, конечно, знания о тайнах мира, насыщенная духовная жизнь, раскрытие загадок собственной души и даже выход (так и сказали – «выход») на самого Создателя – все это весьма заманчивые услуги с моей стороны. Но нельзя ли для начала оказать услуги менее обременительные – зачем так себя утруждать? – точно они и в самом деле обо мне беспокоились. Довольно будет, говорили, назначить их – просителей – министрами, или сделать просто богатыми людьми, или устроить им всемирную известность в какой-нибудь престижной области. Что делать, наверняка каждому доставляет удовольствие исполнять желания дорогих его сердцу людей – и я им обещал то, чего они ожидали получить.

Но со мною начали происходить странные вещи. Был ли я на отдыхе, в увлекательной поездке, на встрече с людьми высокого положения или в кругу беспечных друзей – до меня доходили слухи, которые нарушали упорядоченное течение моей жизни. К примеру, высокую должность получили не те, за кого я, сведя ладони, просил у Создателя, а те, кто, по моему мнению, больше всего ее заслуживали, но за них я не просил потому, что они по скромности своей ко мне не обращались. Преуспели в делах и неожиданно разбогатели опять же только те, к кому я имел доброе расположение, но не думал устраивать им обеспеченную жизнь – не думал по своему невниманию к этим тихим и кротким людям, а не потому, что не были достойны. А если говорить о друзьях, заслу-

живающих всемирной известности, то и здесь мне не удалось угодить нескольким привлекательным особам, а повезло неожиданно юноше и девушке из моих знакомцев, о таланте которых – у него в кино, у нее в музыке – я и не подозревал. То есть независимо от меня все просьбы ко мне решались по справедливости.

Однако неудачники из просителей заговорили обо мне, как о шарлатане и лгуне, и такой поворот я переживал болезненно. Беда эта была еще не столь большой руки, если б к ней не добавились неприятности более деликатного характера. Интересные женщины из числа моих знакомых писали, а то и просто подходили на улице и говорили, что никак не ожидали от их скромного приятеля, то есть меня, пикантных мыслей на их счет. С недавнего времени их донимают мои желания, и они не знают, как к этому относиться. Женщины затруднились объяснить, каким образом эти волны до них доходят, но нет сомнения, что исходят они от меня. Как можно мечтать о женщине, которая тебе не принадлежит, и к тому же в таких, извините, откровенных формах? Ведь они видят мои мысли и их воплощение как на экране. Нет, нет, признавались они, не то чтобы они упрекают меня или совсем не понимают – очень даже понимают. В конце концов, они взрослые люди, к тому же кого-кого, а мужчин они знают совершенно – ну что с них взять? Но позвольте, продолжали они: как можно сочувствовать таким смелым моим фантазиям, в которых участвуют они? Ведь зная об этих моих мыслях, они, получается, как бы дают свое согласие, извините, на близость. Вот если бы речь шла не о них... В этом месте они смущенно улыбались.

Но было уже не до них, меня терзали недоумение и страх: как мои тайные мысли стали доступны посторонним людям и что теперь будет со мною? Выходит, мои душа и воображение теперь нараспашку – пожалуйте: читайте их, тиражируйте, обсуждайте, я весь к вашим услугам! Но мучения мои на том не кончились.

В один из поздних вечеров мне позвонил приятель и сказал, что такого-то, хорошо знакомого мне человека не стало. Слышал? Да простит Бог его грехи, не стало так не стало – такое может произойти с каждым, тем более когда человек немолод. Ему я никогда не желал зла, просто не любил и все. Однако его поведение настолько не совпадало с моими представлениями о порядочности, интеллигентности и скромности, что я безжалостно удалил его из числа людей, которых хоть сколько-нибудь уважал. И вдруг он умирает без всяких признаков заболевания, во всяком случае, внешне. Ну да, я очень нехорошо подумал о нем накануне – и угораздило меня вообще о нем думать? Теперь переживай: не повлияло ли это каким-нибудь образом на его слабый организм? Да нет, не может быть, просто совпадение, и нечего себе морочить голову.

Затем я узнаю, что один за другим арестованы два моих знакомых, уличенных в серьезных хищениях. Ну как мне было не вспомнить, что

они отказали мне когда-то в помощи по детскому проекту, очень полезному в изучении школьниками родного языка и культуры. Отказали в самой малой сумме, если не сказать, ничтожной. Уверяю, их отказ я бы скоро забыл, как забыл неучастие в проекте и других людей, если бы в ближайшие выходные один из них не пригласил меня на празднование своего дня рождения. В разгар праздника мои подвыпившие герои просунули в трусики девочкам из танцевальной группы столько сто долларовых купюр, что даже визуальный их подсчет вскружил мне голову – сумма по моему наблюдению раз в десять превосходила запрошенную на благотворительность. Одного убьют в тюрьме, другой умрет там же от болезни – я как будто знал их судьбы наперед.

Не могу с точностью сказать, в какой из дней я узнал еще одну новость: бывший мой партнер, который несколько лет назад обокрал меня на весьма значительную сумму, тоже ушел из жизни. Молодой человек пришел домой, лег в ванну – и сердце его остановилось. Через час его обнаружили бездыханным. Позвольте, сердце у него могло остановиться и от горячей воды, которая к тому времени остыла. И это уже не ко мне! Я и не думал о нем, забыл давно, простил безоговорочно. Разве что немного еще сердился, жалко денег было. О мести я не помышлял – ну, может быть, самую малость, да и то не всерьез. Так что никому не удастся обвинить меня в этих несчастиях. Я не виноват, как не виноват в гибели еще одного человека в автокатастрофе, случившейся...

Довольно. Убедили. Я сдаюсь. Слишком много трагических происшествий для случайных совпадений. Что, если и дальше так пойдет? Страшно подумать, к скольким людям у меня возникала неприязнь за мою жизнь – так неужели всех ожидает смерть? Не думать об этом я не мог: кто-то пытливо выискивал в моей памяти теперь уже мои преступления перед другими.

Вот небрежно брошенная мною фраза о том, что отношения между нами не стоит продолжать – прощай, моя хорошая! Она теснит ей грудь, ранит сердце, боль лиловой густой волной плывет от нее к другим людям, от тех – дальше, и так по всему свету. Я вижу, как лиловый цвет разливается по их жилам и проникает в самые отдаленные клетки. Лица людей сводит судорога, внутренности тлеют и осыпаются черной золой, у них пропадает умение радоваться, исчезают мечты, уходит любовь к жизни. Какая яркая, захватывающая и вместе с тем душераздирающая картина! Подумать только, скольких людей достала необдуманно брошенная мною фраза! Вот эти люди передо мной, их становится все больше и больше. Теперь с ними и те, кого я не по своей воле подвел неосторожным поступком или бездействием. Кого из гордости не подпустил к себе, а они всего лишь хотели моего общества, желали стать лучше, искали и тянулись к лучшему. Кого обидел язвительной критикой, а они, несчастные, потеряли способность работать на прежнем уровне. Кого обманул

или отказал им в поддержке в трудную минуту, а потом позволил себе равнодушно о них забыть. Кого необдуманно свел с непорядочными людьми и даже не ответил за это. Кого предал, не желая с ними больше иметь дела, вместо того чтобы понять их положение, помочь, простить. Тяжелее всего было напоминание о боли, которую – пусть редко, пусть не нарочно – я причинил родителям. И тем горше было осознавать, видя сейчас, что за эту несдержанность они простили меня еще тогда, да и потом никогда не упрекали ... Этому же не будет конца!

Я ворочаюсь на узкой железной кровати – подо мною крошатся горы, ноги путаются в одеяле при попытке бежать через ночное поле, впереди горит лес, и вода выходит из всех берегов. Да, да, я знаю, что делать: нужно незамедлительно удалить изображение на ладонях! Бегу в ванную и мылю ладони хозяйственным мылом, добавляю стиральный порошок, соду, еще какое-то универсальное средство для очистки всех поверхностей, напыливаю губку уксусной эссенцией и тщательно тру. Смываю горячей водой и с ужасом обнаруживаю, что картинка даже не побледнела, не то чтобы сойти. По очереди пробую все имеющиеся в мастерской растворы, даже сильнейший пятновыводитель, хотя и с истекшим сроком, – снова не помогает. Тогда беру кусок самой грубой наждачной бумаги и тру ладони до тех пор, пока хватает выдержки. Изображение и теперь не пострадало, разве что удалось слегка расцарапать его правую щеку на моей левой ладони – на ней начинает выступать кровь. Как же так! Что же мне теперь делать? Не представляю...

Как озарение, в голове возникает предприятие по ремонту сельскохозяйственной техники, где еще в школьные годы, лет тридцать назад, мы проходили учебную практику. Кажется, оно еще работает, а тот цех, в котором я помогал мастеру, помнится, использовал кислоту для очистки агрегатов, узлов и деталей. Это здание находится в самом конце огромной территории. За ограждением – чистое поле, дальше – железнодорожное полотно. Из района, где я живу, мне удобнее всего подъехать именно к железной дороге, быстро преодолеть поле и перемахнуть через забор. Если на двери замок, то внутрь можно пробраться, отодвинув одну из досок пристроенного к нему склада отработанных деталей. А из склада – уже в цех, дверь между ними не закрывается.

Машину оставляю у железной дороги, быстрыми шагами иду через ночное поле. От ветра высокая трава ложится под ноги и затрудняет ходьбу. До меня долетает пыль со всех окрестных грунтовых дорог. В небе сверкает молния. Я преодолеваю бетонное ограждение, отодвигаю доску, с трудом пролезаю в уже узковатый для меня проем, открываю следующую дверь и оказываюсь в цеху. Включаю свет. Как же так: за все годы здесь ничего не изменилось, ни одной черточки, точно я ушел из цеха только вчера, – но мне теперь не до этого. Вот искомая бадья с кислотой. Сажусь возле нее на колени, не раздумывая, опускаю кисти

рук в грязную от масел кислоту. Ни жжения, ни боли не ощущаю. Без страха и сожаления наблюдаю, как кожа кусками слезает с костей и опускается на черное дно...

Сижу, жду непонятно чего. Зацепившись костями пальцев за край бадьи, напряженно прислушиваюсь к их глухому скрежету по металлу. Тишину нарушает оглушающий гром, начинается дождь. Неподалеку раздается дружный лай двух грозных по голосу собак и ворчание сонного сторожа. Он, вероятно, идет на свет – к цеху. На душе неодолимое сиротское чувство. У меня выступают слезы, они оставляют на гладко выбритых щеках два холодеющих следа. Не решаюсь повернуть голову и посмотреть по сторонам – боюсь, что происходящее окажется не привычным калейдоскопом обычных снов, а суровой и неотвратимой реальностью, возникающей по образу и подобию моей собственной души.

ДВА АНГЕЛА

Сейчас уже трудно вспомнить, кто из нас двоих это предложил. Скорее всего, она: только у нее была привычка забираться на задворки немислимых галактик и носиться в поисках приключений. Разгонится – и ни за что ее не остановить, пока не увидит примечательный вид с мерцающей россыпью звезд на дымчатом фоне, или голубые вспышки, похожие на блуждающих духов, или еще какие-нибудь темные материи среди облаков газа и пыли. Во вкусах она была непостоянна, а еще часто капризна, игрива и шаловлива. Но черты эти так гармонично в ней соединились и были для меня необременительны, что я всегда находил им оправдание: они ее только украшают. Ее все замечали, это происходило потому, что она никого не обходила своим вниманием – каждый думал, что именно он есть предмет особого ее расположения. А внимание самой интересной и красивой не могло не льстить. Думаю, я приглянулся ей, когда сказал, что в ее волосах заключена магическая сила. И в самом деле, они переливались в момент улыбки, искрились и испускали цветные волны во время полета, или же, когда она вдруг зависала передо мной, изображая эффект остановленного мгновения, то волосы продолжали медленно волноваться в волшебном танце. Возможно, я единственный, кто угадал ее тайную страсть к своим волосам. Я бы добавил: ее мало что забавляло, точнее сказать, ее интересовало все – что одно и то же, потому что нахождение и в том, и в другом состоянии ей быстро надоело, и по этой причине мы бесконечно перелетали с места на место. Да, теперь уже нет сомнения, – это она предложила, хотя ни за что не сознается, особенно после того, что с нами случилось.

Признаться, и мне нравились эти полеты, именно в этих стремительных путешествиях зародилась наша любовь, именно в полетах она

была особенно привлекательной: смешливой и обаятельной, – и мы, хотя и ненадолго, становились друг другу волнительно ближе. Стоило мне случайно коснуться ее руки, как она сладко меня обжигала, но от этого я только крепче сжимал эту руку, и ей это нравилось. Бывало, облетая какое-нибудь небесное тело, мы переворачивались на лихих виражах и, смеясь, сливались в единое целое – ситуация для меня чрезвычайно захватывающая, потому что я узнавал и переживал все ее мысли и чувства, а она – мои. И в том эфемерном состоянии, когда тела наши соединялись в одно целое, мы понимали, что между нами существует самая настоящая любовь, что мы созданы друг для друга. Тогда мы стали улетать все чаще и дальше, точно хотели сравнить силу и глубину наших чувств с неохватной Вселенной.

И, надо же, как далеко мы забрались! Земля открылась нам неожиданно, нас сразу же восхитил ее серо-голубой цвет, хотя мы, опережая друг друга, находили и другие цвета по мере приближения к ней. Вот она, белая в этой части, говорю, а здесь много зеленого – а тут она красная, любопытно, отчего это? – а ты сюда посмотри, это, наверное, молнии над ней бьют, видишь, дожди пошли, а там что? – ух, восторгалась она, какое впечатляющее сияние, прямо танцующие лучи, ведь мы такого еще не видели до сих пор, правда? – да, это тебе не каменные или стеклянные дожди, или там шальные ветры, что мы видели на других планетах, здесь все так гармонично – ты прав, она, без сомнения, самая красивая из всех планет – смотри, сколько на ней разных свечений, это, наверное, уже творение самих людей, интересно-то как – очень, вот бы оказаться среди них, мечтала она, если отсюда так красиво, то, представляешь, какие сами люди!..

С каждым словом мы становились ближе к Земле, и, по правде говоря, искать, чья вина в том, что мы попали к людям, не имеет смысла – мы оба не заметили, как оказались среди них. Только я сразу напомнил ей, что нам никак нельзя участвовать в жизни людей с нашей внутренней организацией. Она возразила: а в роли обычных людей можно: что не запрещено, то разрешено – привела она в оправдание один из сомнительных земных законов.

И в самом деле, мы не имели права вмешиваться в земной порядок через свои необычные для обитателей планет способности. Впрочем, то было излишним предостережением – как только ступили на землю, мы странным образом их лишились. Так даже лучше, обрадовалась она, мы будем настоящими земными влюбленными. Теперь уже я возразил: знаешь, не так-то и завидно быть среди людей, с которыми ты имеешь различные опыт и знания. Она сказала: ну раз мы оказались здесь, то отступать некуда – попробуем?

Мне бы не хотелось вспоминать всю процедуру нашего очеловечивания со всеми унижительными и нелепыми усилиями, которые мы

прилагали, чтобы иметь там сносное существование. Не хочу заново переживать известные события, а только лишь упомяну о них. Во-первых, каково было нам, обителям Вселенной, искать себе жилище, чтобы не быть замеченными и поскорее раствориться среди людей. Поначалу мы поселились в намеченном к сносу заброшенном доме, а когда все-таки привлекли внимание зрителей этих зданий, то, по счастью, смогли у них же получить работу по уборке прилежащих территорий. Мы им чем-то приглянулись и даже вызвали у них сочувствие, когда сказали, что мы вынужденные переселенцы и в данный момент занимаемся оформлением документов для регистрации. Во-вторых, мы теперь должны были питаться их едой, потому как стали испытывать чувство голода, как и они. Но принимать такую пищу оказалось для нас трудным испытанием. А еще мы не хотели соглашаться, что ради пропитания обязаны трудиться большую часть времени. Однако и с этим смирились: ведь дело наше – игра, и долго тут задерживаться не собираемся. В-третьих, мы не могли не принять мироощущение людей, чтобы понимать их образ мыслей и уметь с ними общаться. А вот это оказалось нам непосильно, точнее, непосильно мне.

Признаюсь, все это время я не переставал удивляться тому, на что люди тратят отпущенное им время. Что бы они там ни говорили, все прекрасно понимали, что им отведено очень мало для жизни, однако вели себя так, точно в их распоряжении вечность. И, вместо того чтобы строить себя для высшей жизни, они обустроивали свой маленький мир, не понимая, что так они никогда не полетят, как мы. Их ожидает бесконечное возвращение к самим себе, а это – бессмысленное кружение в непреодолимых ими пределах, сколько бы раз они ни рождались на свет.

Дальше нас ждало самое интересное, нами никак непредвиденное. Надо сказать, несмотря на низкое наше положение в человеческом обществе, у нас довольно быстро появились близкие знакомые и даже друзья, особенно у нее: с ее общительностью и красотой это получалось легко. Ее обаяние притягивало людей всех категорий, ей же оставалось только выбирать, кого приблизить. Она давала возможность с нею знаться только уверенным в себе людям, более состоятельным, с яркой внешностью, одним словом, интересным во всех отношениях. Следует добавить, что она в первые же дни отрезала свои волшебные волосы, чтобы совсем уже стать землянкой – пусть они будут обыкновенными и короткими, – так тянуло ее стать простым жителем этой планеты.

И меня несколько не удивила ее первая ко мне претензия: не нужно довольствоваться служебной комнатой, выделенной жилищной конторой, и жалкой зарплатой, едва хватающей на еду, а надо пытаться соответствовать нашему растущему авторитету среди людей. Да я и сам был рад соответствовать, однако занятие, которое я избрал себе для покорения людских душ, было – искусство, точнее, я рисовал. Но мои работы люди

не совсем понимали, правильнее сказать: совсем не понимали. Поэтому я не только не мог на этом заработать, но даже заслужить уважение жителей нашего двора.

Она сердилась: ну кому нужны изображения миров, которых они никогда не видели: строение Вселенной, космические процессы, души ангелов, изломы времени, о которых они не имеют никакого представления, путь к Создателю, – они же существа примитивные, ты же видишь, как и чем они живут? Почему нельзя рисовать то, что они понимают и хвалят, за что готовы много платить и тем самым обеспечить нам приличное существование, пока мы здесь? А если я не могу выразить себя достойно в этом деле, то отчего не попробовать в другом? Не могу освоить новое ремесло, то напротив нас дом строят, там кирпичи некому подносить.

Я отвечал, что и во всем другом буду таким же: я везде буду искать новые формы и доводить их до совершенства. Ведь наша задача – это обитателям Вселенной открыть Создателя. Разве она не знает, что мы не можем ни прямо их обманывать, ни вводить в заблуждение разными изощренными способами. К чему нам пользоваться уловками людей? Я как раз и рисую картины о людях: пространство человеческой души! Все эти непонятные, казалось бы, приемы – есть мой метод помочь им проникнуть в самую суть вещей. К чему показывать известные и понятные им темы в надоевших им формах? Хотя, согласен, большинство именно это и принимают за искусство. Но если не вывести людей из положения, в котором они сейчас находятся, не помочь им перейти на следующий уровень, то скоро они погибнут. Наше появление здесь неслучайно. Разве она не понимает, что человечество находится в состоянии, когда оно не может уже ничего нового дать Создателю, а такие галактики, как известно, уничтожаются, как себя не оправдавшие. Да и я не могу выбрать себе любое занятие, а только такое, которым сполна могу выразить себя и принести пользу. Или она хочет, чтобы я уподобился этим жалким существам и жил только лишь затем, чтобы добывать себе пропитание на протяжении всей нашей земной жизни? Кому как не ей знать, что мы можем быть только такими, какими нам заповедано быть наставниками, забыла?

Она возражала: здесь все не то, к чему мы привыкли, мы находимся на конкретной планете со своими законами, так и жить надо по ним. Разве я не понял это после того как мы потеряли наши сверхспособности? Мы обязаны принять все человеческое. Иначе – не вынесем раздвоенности.

Меня огорчало ее непонимание, и я всякий раз после наших раздоров чувствовал себя обессиленным, точно мне подрезали крылья, которых, к счастью, люди не видели. Мы были юными ангелами и мало знали мир Создателя и его обитателей, иначе не случилось бы между нами столько недоразумений. А наше посвящение в тайны Вселенной было далеко впереди.

А между тем разногласий становилось больше. Главным образом они состояли в том, что она упрямо тянулась к земной жизни и дорожила всеми ее благами, а я, помня о кратковременности нашего земного существования, не мог принять ее увлечений всерьез. Она сердилась, что ей приходится делать больше меня. Как бы мы жили, спрашивала она, если бы не ее искусство целительницы? И это притом, что она не использует, вернее, не может использовать свои истинные способности. Я чувствовал, что она теряет веру в мой талант, и мои оправдания, что времени прошло мало для того, чтобы люди могли понять глубину и важность моих работ – не убеждали ее. Ну, где ж им понять, язвила она, когда на их понимание не хватает даже целой человеческой жизни. Те, с кем мы начинали жить на земле, уже умерли, и нам, кстати, пора перебираться в другие края, пока здесь не заметили аномальную продолжительность наших жизней.

Нет ничего печальнее, наблюдать раздражение любимой, когда причиной такого ее состояния являешься ты. Я не мог переменить себя и жить по-другому – я стал упрашивать ее покинуть Землю. Она же ничего не хотела об этом слышать. Не счесть ссор и обид, которые произошли между нами в эти напряженные дни. Мы как-то сели и показали друг другу все раны, рубцы и ссадины на теле и внутренних органах, которые нанесли друг другу одними только словами. Мы обнялись, и на глазах наших выступили простые человеческие слезы. Возможно, тогда и появился тот, другой, а может, он появился еще раньше, я не знаю. Нет, сама она ничего о нем не говорила. Этот другой стал угадываться в ее поведении, в неприятно обжигающих ее выражениях, в резких перепадах настроения. Что-то мешало ей быть счастливой. Вот я и решил, что причина в появлении другого. Он возник в моем воображении с невероятной быстротой, как будто я знал его давно, он нарисовался со всеми деталями внешности и характера.

Да, ты прав, подтвердила она, он именно такой. Понимаешь, это – Земля, тут надо жить, трудиться, страдать, собирать в охапку любовь и восхищение людей, завоевывать этот мир – у людей нет иного смысла. Как ты это сделаешь – никого не волнует, ты должен побеждать во всем, в чем только можешь. Только такой ты интересен. Что бы ни изображали из себя эти люди, какие бы религии ни придумывали, как бы ни маскировались – они всегда остаются обычными людьми со своими слабостями. В этом не только их несчастье, но и очарование. В них присутствует неясный зов Вселенной, и они раскрашивают ее, как могут. Ты прав, тот, о котором ты думаешь, человек деятельный, он умеет завоевывать внимание женщин, он интересен, он победитель и не может не нравиться. Признаюсь, ему удалось меня увлечь собой так сильно, что я даже в какую-то минуту приняла решение остаться с ним здесь навсегда, прости. Но то была только минута – такая маленькая земная

минута. Да, он ловко сумел меня приземлить и завладеть моим сердцем, но я все же оказалась ему, как говорят, не по зубам. Вдруг я увидела, что он всего лишь маленькая, с крошечным земным сердцем, заводная игрушка, действия которой заведомо предопределены. Я поняла, что потом мне станет скучно и грустно. Нет, здесь больше делать нечего, ты прав: нам пора.

Мы покидали Землю с тяжелым сердцем: она – оставляя яркие впечатления, о многих из которых мне, возможно, было неизвестно, я – испытывая обыкновенную людскую ревность, но от этого не менее неутешную. Мы молча покинули пределы города, поднялись на ближайший холм и взмыли в ночное небо. Мы по-прежнему молчали, ни я, ни она не хотели нарушать течения своих мыслей. Но вдруг она сказала, что у нее будет ребенок, и радостно посмотрела на меня. Она плотнее пристроилась ко мне и взяла мою руку. Я не знал, что ответить: почему ребенок будет у нее, а не у нас? Почему она так сказала? И тут ко мне вернулась ревность и разбередила рану. Ну как же это: я так старался забыть историю посещения Земли, а оттуда долетает такой удар! Нет, в ее радостном взгляде, без сомнения, была издевка, она хотела меня наказать за ревность, иначе выразилась бы яснее. Я не мог говорить, я снова и снова воображал картины ее измены. А она, быть может, в это время думала, что у меня перехватило дыхание от неожиданного счастья. Она устраивалась подо мной уютнее, вероятно, полагая, что в таких случаях слова излишни.

Мы достигли орбиты суровой скалистой планеты, когда она сказала, что подошли роды, и нам необходимо остановиться. Мы опустились к подножию высокой горы. Она быстро облетела эту небольшую планету и сказала, что роды вот-вот начнутся, она устроится в гроте за этой черной горой, а мне лучше всего ожидать ее здесь, и исчезла. Не помню, сколько ждал ее, но все это время я думал, что там, за горой, происходит что-то противоестественное, никак не возможное, причем замешанное на зле и обмане. Я был сердит и ненавидел себя за то, что на все происходящее реагирую теперь, как человек. Состоянию моему соответствовал облик этой планеты, который, по всей видимости, был переменчив – от плохого к еще более худшему, без радужных проблесков. Вскоре поднялся ветер и начался камнепад, причем падали они не с окружающих нас гор, а отовсюду, возможно, эта планета притягивала блуждающие метеориты. Планету обволокла холодная тьма, за камнями посыпался крупный град с песком. Но что происходит там, за горой? Я был сердит, но, преодолевая себя, все-таки отправился на ту сторону. Я не мог найти там ничего, что напоминало бы грот: если он и существовал до камнепада, то был погребен. За нее беспокоиться, конечно, не стоило, ей не грозило ничего, но вот сын человеческий, если она его достаточно не укрыла, мог пострадать. Впрочем, меня он

интересовал меньше всего. И вот там, за дальним выступом скалы, я заметил пробивающийся из-под завалов золотистый свет. Разбросав в этом месте большие валуны, я нашел их. Она, обессиленная, спала, а рядом, на сверкающих золотом густых прядях ее волос, лежал ребенок, беспомощно шевеля ручками и ножками. Признаюсь, мне до того было больно его видеть, что я к нему даже не присмотрелся. Не знаю, что именно подвигло меня к такому решению, но оно пришло мгновенно, и было единственной и неопровержимой мыслью в моей голове. Я взял ребенка и, все так же на него не глядя, поднялся ввысь под хлестким ледящим ветром и выпустил его в космическое пространство. Я задал ему направление в сторону Земли: пусть он пребудет там, где зародился, пусть живет среди своих.

В пути она все время спала. Едва открыв глаза, она спросила о сыне. Я сказал, что мы много времени уже летим и что скоро близится конец нашего пути. Она молча ожидала ответа. Тогда я спросил: а помнит ли она камнепад во время родов, страшные космические бури, крушение и гибель той маленькой планеты, где мы остановились? Она ответила: смутно. А затем, подумав, добавила: мы стали как люди, что-то можем не помнить, а что-то забывать, у нас не хватает на все воли и сил. Обрадованный таким ее признанием, я сообщил ей, что в той катастрофе сын человеческий погиб, и я отправил его останки на Землю. Она грустно улыбнулась и сказала: ревнивый и глупый обманщик, с ним ничего не может случиться – он наш с тобою сын, он сын Вселенной. Она отвернулась от меня и больше уже со мной не разговаривала...

Это уже потом я увижу, как он достигнет заданной мной цели, как, мокрый и скользкий, рухнет на прибрежный морской песок, а великая ночь скажет ему: «Ты – сын мой». А я почувствую неизбывную боль и вековечную с ним связь: как с родным существом, как с надеждой и смыслом моего существования, как с единственным моим отражением во Вселенной.

Хасану Тхазеплову

*Там, где встает светило, Инь своей Ян внушает,
Там, где и Цинь протяжно в песнях тоску вещает;
Крик обезьяний хором жалобно вдаль несется,
И в паутинном мире прах над людьми смеется.*

Хасани. «Алмазная башня»

Снегом тропа запорошена,
Инеем скрытые дни.
Словно поэма окончена,
Пылавшая с яркой искры.
Стая пернатых весною
Вновь возвратится домой.
Жизнь пролетает строкою,
Переродившись рекой.
Взмылится перо над бумагой,
В последнем порыве кружась.
Слоги превратились в орнамент,
Цитаты сошлись в ипостась.
Поэта жизнь мерится словом,
Что после его возродит.
Рожденный быть к смерти готовым,
Он жаждет жить больше других.
В декабрьский вечер уснет,
В апрельский рассвет возродится.
И словно листок уплывет,
Минуя земные границы.
Папирус поэмы схоронит,
Как облако птиц поглотит.
В мирском поэзия тонет,
В небесном – на крыльях летит.
Где между мирами парит
Алмазная Башня поэта.
Которая в себе сохранит
Все тайны девятой планеты.

*Николай МОРОЗОВ**О себе*

Родился 7 апреля 1966 г. в селении Бабу-гент, КБАССР. Трудовую деятельность начал в 1983 г. рабочим комбината коммунальных услуг в с. Каихатау.

С июля 1999 г. по ноябрь 2011 г. трудовая деятельность осуществлялась на разных должностях (от специалиста первой категории до заместителя начальника Управления) Управления Судебного департамента в КБР, преимущественное направление которой заключалось в создании надлежащих условий для отправления правосудия в судах общей юрисдикции КБР.

С 2003 г. по 2007 г. обучался (заочно) в Пятигорском институте Управления бизнеса и права. Присвоена квалификация «юрист», по специальности «юриспруденция». С ноября 2011 г. по настоящее время нахожусь на должности начальника Управления Судебного департамента в Псковской области. Являюсь государственным советником Российской Федерации первого класса.

Женат, имею двух дочерей.

Землякам

Над ущельем парит орел,
Снова день на закат пошел,
Потихоньку, нагретым склоном
Кто-то стадо домой повел.

Золотятся вершины гор,
Семь ветров берегут простор,
Ледников жемчуга мерцаньем
В поднебесье уводят взор.

Все стихает в преддверье сна,
Лишь беспечно шумит волна
Горной речки, бегущей мимо
Задремавшего валуна.

Вон кошары вдали видны,
Там уставшие чабаны

Собирают в загон отары,
Отогнав их от крутизны.

Тихо, вкрадчиво, словно рысь,
Дым костра потянулся ввысь.
Косари, завершая работу,
У своих шалашей собрались.

Так, столетьям ведя подсчет,
Жизнь и в этих горах течет,
Воздавая во все столетья
Скромным людям труда почет.

Реке Черек

Среди многих горных рек
Я люблю тебя, Черек.
Ты – ребенок ледников
И заоблачных снегов.

Ты бурлишь, скрывая дно,
И не каждому дано –
Сколь бы воля ни крепка –
Перейти тебя, река!

Ты весной бываешь зол,
В скалы мечешь гневный взор
И, как ярого врага,
Бьешь с размаху в берега.

Осень – нравом поутих,
Рыбакам, за верность их,
Даришь, словно акварель,
Золотистую форель.

Ты водой своей вспоил
Тех, кто здесь веками жил.
И сосед мой, аксакал,
Как-то, у подножья скал,

Так сказал мне: наш Черек
Горцам – словно человек.

И всему, что есть вокруг,
И защитник он, и друг!

Ты рожден в теснине гор,
Устремлен в большой простор,
Меж речушек, речек, рек,
Несравненный мой Черек.

Так и мы должны идти,
В небо вымостив пути,
Как орел, воздев крыла, –
На великие дела!

Нальчику

Мой самый красивый город,
Какой благородный лик,
Хребта белоснежный ворот,
Как солнечный яркий блик.

Раскинулся ты подковой
В подножье Кавказских гор.
Прохладою родниковой
Наполнена синь озер.

Мой Нальчик – в аллеях парка
Мне юности свет видней.
И лучшего нет подарка,
Чем память далеких дней.

Часами могу смотреть я,
На кипень твоих садов
Не год и не два – столетья
Заботы в них и трудов.

Воспет ты в стихах и песнях.
Народ же, что здесь живет,
Во всех городах и весях
Радужным молва зовет.

На свете родней нет края –
И горы, и степь, и лес...
Мой Нальчик, кусочек рая,
Упавший, как дар, с небес.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ ОБРЕТЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Кабардино-Балкария отметила знаменательную дату – День восстановления автономии балкарского народа в составе Кабардино-Балкарской республики. Этому историческому событию был посвящён праздничный концерт, который состоялся в Музыкальном театре 28 марта.

В фойе театра гостей вечера встречал праздничный интерьер – выставка кийизов, полотен национальных художников и детских живописных работ, а также задорное исполнение лезгинки детским танцевальным ансамблем Раисы Карчаевой.

Открывая праздничный концерт, руководитель Администрации Главы республики Мухамед Кодзоков зачитал поздравление временно исполняющего обязанности Главы КБР К. Кокова с Днём возрождения балкарского народа. В котором, в частности, отмечено: «Мы гордимся яркими достижениями братского балкарского народа в социально-экономическом, культурном и интеллектуальном развитии, его высоким духовным и созидательным потенциалом». Эти слова были встречены аплодисментами тех, кто в этот дождливый, но праздничный вечер собрался в Музыкальном театре.

В числе гостей вечера были депутаты Парламента, члены Правительства, представители творческой интеллигенции и ветеранских организаций. А также те немногие, кто, пережив тяготы депортации, сегодня

со всеми жителями республики отмечают счастливый день обретения народом государственности в составе Кабардино-Балкарской Республики.

Приподнятое настроение участников вечера поддержали деятели искусства, вокалисты и танцоры. Концерт, посвящённый празднику, вылился в настоящую демонстрацию достижений национальной культуры.

Зал то и дело поднимал волну оваций, когда на сцену выходили танцоры фольклорно-этнографического государственного ансамбля «Балкария», поистине детища возрождённого, поднявшегося к новым духовным высотам балкарского народа.

Новое поколение представителей кабардино-балкарского хореографического искусства, возвращённое ветеранами и более молодыми мастерами танца, – детские коллективы «Нальцук», «Дети гор» и другие – показали, сколь талантлива юность, как артистична она в своём стремлении продолжить золотую историю хореографического искусства республики. Недаром же каждый из детских коллективов уже носит статус образцового.

Разумеется, концерт не мог бы стать столь ярким без таких певцов, как Алим Теппеев, Амур Текуев, Ольга Сокурова, Жамбулат Жубоев, Эльдар Жаникаев, Кайсын Холамханов, и других. Особо лестную оценку получил и сводный хор Музыкального театра.

Нельзя без восторга смотреть на танцевальную пару ансамбля «Балкария» Ирэн Жанатаеву и Рамазана Шаваева, создающих на сцене исключительное ощущение неисчерпаемых возможностей национальной хореографии. Ирэн Жанатаева в этот вечер настолько очаровала зал своей грацией, пластикой, что хотелось бы сравнить ее с самой Сильфидой, богиней танцев. Зал всегда рукоплещет её царственным выходам, также напоминающим несравненную Сою Шериеву.

Красивую полифонию явили артисты ансамбля «Терские казаки», исполнившие ставшую классикой песню Биляла Каширгова на слова Инны Кашежевой «Зовут меня в Балкарию». Им подпевал и зал.

Шквал оваций сорвал танцевальный коллектив – государственный ансамбль «Эльбрус» из КЧР, продемонстрировавший джигитскую удаль, мастерство поистине артистического исполнения, братский салам родному для карачаевцев балкарскому народу. Bravo «Эльбрусу», его замечательным танцорам!

Концерт, и это уже традиция, завершился общим выходом на сцену всех артистов с исполнением популярной песни «Кабардино-Балкария!». По другому и не мог завершиться этот, собравший всех его участников под своды музыкального театра, концерт, ставший в определённом смысле кульминационным взлётом Дня возрождения балкарского народа.

Концертная атмосфера продолжала царить в фойе театра, где гости дружными аплодисментами поддерживали юных танцоров Раисы Карчаевой.

Фото К. Толгурова

Нургали ТЛУПОВ,
председатель Совета ветеранов войны и труда
с.п. Герменчик

ОТВАЖНЫЙ ТАНКИСТ ИЗ ГЕРМЕНЧИКА

Давно отгремели залпы победного салюта, но поныне величественные отзвуки героических лет доносят до нас рассказы о подвигах советских солдат в Великой Отечественной войне. Так будет еще долго, потому что подвигов было столько же, сколько преданных Родине борцов против фашистских захватчиков. Этот рассказ – об одном из них.

Хажмуса Мазанович Хутов был призван в Красную Армию в 1939 году. Оставив мирную работу учителя, он ушел в армию, чтобы выполнить свой священный долг перед Родиной. Провожали близкие и друзья с надеждой, что через два года вернется домой, к любимой профессии.

Хажмуса Мазанович Хутов

Сначала он служил на территории Белоруссии, а затем в Прибалтике. С первых же дней службы Хутов показал себя грамотным дисциплинированным солдатом. И вскоре, как наиболее подготовленного, его зачислили на краткосрочные танково-технические курсы.

Это было время, когда Германия уже развязала Вторую мировую войну, и занятия проходили приближенными к боевой обстановке. После успешного окончания курсов ему присвоили звание младшего сержанта и назначили командиром танка БТ-7 в 6-ю танковую бригаду Прибалтийского военного округа. В свободное время Хажмуса вспоминал свое селение, своих учеников, детей, скучал по ним. Уже считал дни, когда увидит их, но началась Великая Отечественная. Полк, в котором он служил, стоял в трех километрах от западной государственной границы, в белорусском городе Бельске.

Х. М. Хутов был в числе советских воинов, которые первыми лицом к лицу встретились с фашистами в ожесточенной схватке. 31-я танковая дивизия, где он служил, была окружена и двое суток сражалась с численно превосходящими немецко-фашистскими войсками. Пьяные озверевшие

фашисты шли в атаку, не считаясь с потерями. Но и наши воины-танкисты несли большие потери в людях и технике. В течение двадцати двух дней, пока добрались до города Брянска, наши танкисты уничтожили более двадцати немецких солдат и офицеров, четыре автомашины, два мотоцикла, восемнадцать подвод с боеприпасами и продовольствием.

В середине июля 1941 года воины-танкисты прибыли в Брянск. Оттуда их направили в Москву. Сформированная здесь 122-я танковая бригада была отправлена на Волховский фронт, где она с ходу попала в самое пекло ожесточенных сражений. В боях по обороне Ленинграда героически сражался старший сержант Хажмуса Хутов.

В декабре 1942 года молодого командира танка, получившего боевое крещение в первый же день войны, командование направляет на учебу в Казанское танковое училище. Но ему и его товарищам недолго пришлось учиться. Одиннадцать курсантов-танкистов после непродолжительной учебы подают рапорт о добровольном возвращении на фронт.

Летом 1943 года Х. М. Хутов назначается механиком-водителем знаменитой «тридцатичетверки» в 110-ю танковую бригаду 18-й танковой дивизии 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова (впоследствии он стал маршалом бронетанковых войск).

Разгром немецко-фашистских войск под Орлом и Курском положил начало массовому изгнанию врага за пределы нашей страны. Начав наступление, советские войска, среди них и 18-я танковая дивизия, прорвали оборону немцев и штурмом овладели Харьковом. Чувствуя, что такой перелом не в их пользу, враг упорно сопротивлялся. Осенью 1943 года наши войска провели успешное наступление для овладения сильно укрепленным пунктом города Пятихатка на Украине. После мощной артиллерийской обработки вражеских позиций войска под прикрытием танков пошли в наступление.

Наступающей пехоте сильно мешал пулеметный огонь противника. Несколько наших танков были подбиты немецкими противотанковыми орудиями. Атака могла захлебнуться. «Вперед, на пулеметное гнездо!» – последовал приказ командира. «Есть на пулеметное гнездо!» – ответил механик-водитель Хутов и направил свой грозный Т-34 в сторону вражеского пулеметного расчета. Умело маневрируя, он раздавил стальными гусеницами огневую точку противника. Экипаж уничтожил также противотанковую пушку, три автомашины и множество вражеских солдат. За проявленные в этом бою мужество и находчивость командир танка был награжден орденом Красной Звезды, механик-водитель и наводчик орудия – медалью «За отвагу».

Танкисты успешно продолжали наступление по освобождению Украины. Войска 2-го Украинского фронта под командованием И. С. Конева форсировали Днепр в районе города Черкассы. Во взаимодействии с 1-м Украинским фронтом под командованием генерала армии Н. Ф. Ва-

тутина развернули наступление на Кировоградском и Криворожском направлениях, освобождая город Кировоград. За активное участие в этих боях Х. Хутов был награжден медалью «За боевые заслуги».

Отважному танкисту запомнилась Корсунь-Шевченковская операция, которая проходила в январе 1944 года. Враг, словно раненный зверь, бешено сопротивлялся. В ходе боев танковый экипаж Хажмусы Хутова уничтожил два бронетранспортера, три противотанковые пушки, два вражеских дзота. Фашисты открыли огонь термитными снарядами. Танк загорелся, и экипажу пришлось покинуть его через нижний люк. Тяжело ранили командира танка, а механик-водитель был контужен. Контузия оказалась серьезной, и врачи не разрешили ему садиться за рычаги танка.

За мужество и героизм, проявленные в боях по уничтожению Корсунь-Шевченковской группировки врага, Х. М. Хутов был награжден орденом Красной Звезды. Не совсем поправившись, он вышел из госпиталя. В мае 1944 года Хажмуса спешил в наступающую часть. Встретили тепло. Его назначили начальником ГСМ танкового батальона. Должность ответственная и беспокойная. 18-я танковая дивизия с боями продвигалась на Запад. Были освобождены города Умань, Балта, Кишинев. Старшина-танкист отличался своей находчивостью и смелостью. В районе Яссы–Кишинев он вместе с двумя солдатами своей части захватил в плен и доставил в штаб 65 румынских солдат во главе с унтер-офицером.

Советские воины вскоре взяли столицу Румынии Бухарест. В числе первых в город вошли танкисты 110-й бригады, среди которых был и Х. Хутов. Танкисты принимали активное участие в освобождении Венгрии, Австрии.

Таков боевой путь танкиста, гвардии старшины Хажмусы Мазановича Хутова из Герменчика. На всех этапах Великой Отечественной войны он показал себя бесстрашным воином, с честью прошел военные лихолетья. Свидетельство его боевых подвигов – орден Отечественной войны первой степени, два ордена Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией» и множество благодарностей Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Отгремела война. Советские люди горячо взялись за восстановление разрушенного народного хозяйства. В их числе находился и фронтовик Хутов. Будучи инструктором, секретарем Нальчикского райкома партии, заместителем председателя райисполкома, он отдавал всего себя организации трудящихся района на борьбу за выполнение планов и социалистических обязательств по сельскому хозяйству.

В ноябре 1953 года колхозники селения Герменчик единодушно избрали председателем тридцатитысячника Хажмусу Мазановича Хутова, которого хорошо знали и уважали односельчане. С приходом нового председателя значительно повысилась трудовая дисциплина, выросла ответственность людей за порученное дело, укрепился авторитет специалистов, руководителей бригад и ферм. В эти годы вместе с председателем колхоза большую работу по подъему экономики хозяйства проводили секретарь партийной организации Бетал Соблиров, главный агроном Жабраил Жерештиев, главный зоотехник Башир Карданов, главный ветврач Борис Молов, главный экономист Мария Шогенова, главный бухгалтер Хажисмель Тлупов, руководители бригад и ферм Каральби, Хазраил, Хазеша и Хакяша Балкизовы, Хусейн Браев, Али Дышеков, Мудар Кушхов, Исуф Кучменов, Жанаф Кешокова, Дмитрий Конихов, Каней Макушев, Исмель Соблиров, Хасан Кушхов, Хачим Пазов, Гумар Тохов, Хабас Ажиев, Мухаж Хабилов, Хажисмель Хутов, Муазин Семенов, Каракан Мготлов, Хазиз Каширгов, Барасби Кешоков, Андулах, Данил и Сара Шогеновы, председатель сельского Совета Мухамед Хашуков.

Выросший в селе, знающий цену хлебу, Х. М. Хутов с глубоким уважением относился к людям труда, помогал им, чем мог. Особое внимание уделял решению бытовых вопросов.

В 1957 году к боевым наградам Хажмусы Мазановича прибавилась и трудовая. Указом Президиума Верховного Совета СССР Х. М. Хутов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Более одиннадцати лет он руководил колхозом, и в том, что впоследствии хозяйство было награждено орденом Трудового Красного Знамени, есть немалая его заслуга. Односельчане помнят это и отдают ему должное.

Последние годы до ухода на пенсию в 1982 году Хажмуса Мазанович возглавлял Урванскую районную организацию профсоюза работников сельского хозяйства. Его безупречная и плодотворная работа отмечалась и здесь – в 1971 году он был награжден орденом «Знак Почета», медалями ВДНХ СССР и «Ветеран труда».

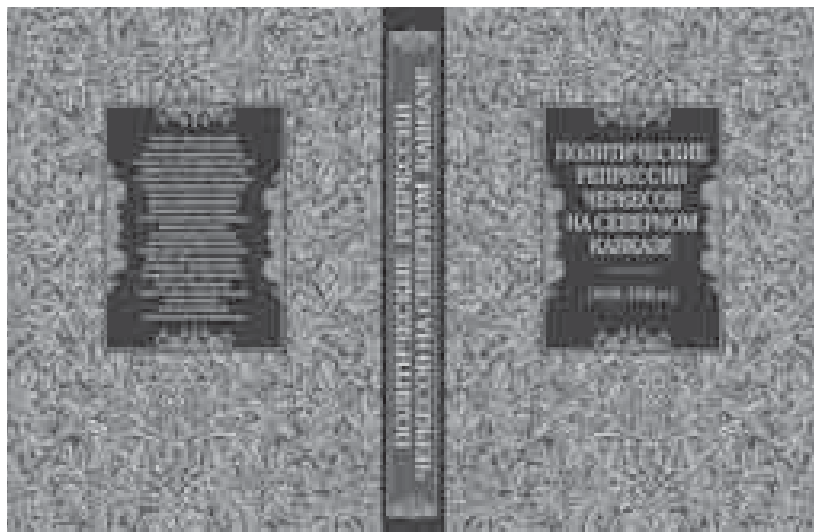
Хажмуса и его жена Гулизар вырастили четырех детей – двух сыновей и двух дочерей, достойных своих родителей.

Хажмуса Мазанович, ветеран войны, труда и партии, который весь свой ум, всю энергию, знание без остатка отдавал людям, Родине, ушел из жизни 11 апреля 1985 года. В этом году Хажмусе Мазановичу исполнилось бы 100 лет.

Валерий ЕГОРОВ,
заведующий международным отделом института
социально-экономических проблем народонаселения РАН,
политолог, кандидат исторических наук
г. Москва

ВОДА ИЗ МАЛКИ¹

Семья репрессированных и сосланных на поселение в Казахстан жителей Кабардино-Балкарии по окончании Великой Отечественной войны впервые за долгие годы получает скромную посылку с родины. В ней немного су-

шёного мяса, два яблока и, самое главное, – бутылка воды из реки Малки, главной реки родного края. Мясо и яблоки были порезаны на мелкие, чтобы досталось всем, кусочки, а воду сохранили как лекарство, которое давали «больным в больнице по чайной ложке, как лекарство», свято веря в её целебную силу. И это помогало.

В 2017 году в свет вышел уникальный сборник со строгим научным названием «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе. 1918–1940 гг. Историко-архивные материалы и воспоминания. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017». Подобный заголовок изначально настраивал на то, что перед читателем находится одна из многих работ, как научных, так и публицистических, появившихся в последние десятилетия, в которых с разной степенью документальности, полноты и объективности раскрывались трагические и зачастую далеко не вполне известные страницы нашей истории.

Имея некоторый опыт прикосновения к теме, автор настоящих заметок-отклика, ожидал и не сомневался, что фундаментальный труд не

¹ Рецензия на книгу «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918-1940 гг.) Историко-архивные материалы и воспоминания». Автор-составитель Шапарова А. К., зав. научным архивом ИГИ КБНЦ РАН, член правления Кабардино-Балкарской Ассоциации жертв политических репрессий.

станет «одним из» в ряду упомянутых выше работ. Ожидание не обмануло не только в силу новизны подхода к теме, значительного объёма разнообразного нового материала, системности и логики его изложения, свойственного научному исследованию, но и непротиворечивым выходом за рамки строгой научности, глубиной и многогранностью содержания, его эмоциональной насыщенностью.

По мере внимательного прочтения и осмысления содержания сборника наряду с вполне оправдавшимся ожиданием относительно его научности складывалось ощущение замечательного жанрового разнообразия, значительно расширяющего впечатление, производимое большим информационным материалом и подкрепляемое обширным иллюстративным рядом. Безупречно научное, но вместе с тем не перегруженное специальной терминологией вступление, изложенное на трёх языках, подготавливало читателя к многомерному восприятию изложенного материала и вызывало растущий интерес и к его содержанию, и его подаче.

А чистая, прохладная вода с предгорий Кавказа, как одна из основных составляющих образа далёкой Родины, предстала сквозным щемлящим образом-мотивом повествовательной части, её эпическим стержнем.

Думаю, что нет смысла гадать, что было положено в основу (интуиция, тонкий психологический расчёт, сопереживание) решения автора и составителя сборника, потомка одного из репрессированных родов Айшат Кучуковны Шапаровой, начать основную часть повествования песнями-плачами. Совершенно очевидно, что возникшая как результат использования этого творческого приёма замечательная синтония рациональной и эмоциональной составляющих общего впечатления от книги в немалой степени способствовала успешному решению крайне непростой задачи обеспечить органичное сочетание глубоко личного отношения к теме изложения и его созвучия с общим контекстом. В результате первая часть сборника предстала удивительным камертоном, и книга зазвучала, а её содержание стало восприниматься и головой, и сердцем.

Тональность первой части книги передалась содержанию второй её главе – «Воспоминания», дополнилась уже упомянутым ранее жанровым и стилевым разнообразием, и к тому же – широким географическим охватом. Строгие хроники сменялись бесхитростными рассказами от первого лица, рассказами-притчами, поэтическими вставками, философскими отступлениями. Именно из этой части повествования мною взято в качестве названия выражение «Вода из Малки». Поразило обилие фактического материала, перечень имён и фамилий, времени и мест событий, их оценок из того времени, эхом отзывающихся в настоящем, и постоянно присутствовало удивление и восхищение подвижническим трудом автора-составителя.

Делясь впечатлениями о прочитанном, трудно удержаться от цитирования. Несмотря на соблазн множить его, пришлось ограничиться лишь несколькими фрагментами, иначе пришлось бы исписать несколько страниц, но формат не позволяет. Одному из рассказов с заголовком «Невозможно переписать историю» предпослана выдержка из «Записной книжки» нашего выдающегося историка В. О. Ключевского, ставшая своеобразным заповедом для настоящих заметок: «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нём живём, как и к чему должны стремиться» (166).

В настоящей книге история и всего народа, и, в то же время, глубоко личная, драматичная и трагическая, давшая примеры стойкости и силы духа, казалось бы, в самых безнадежных ситуациях, представленная в воспоминаниях, документах, фотографиях, плачах и размышлениях, позволяет сделать однозначный вывод о *неслучайности* народа. Всё повествование в каждой его фразе свидетельствует о том, что интуитивно и осознанно и народ, и каждый его представитель всецело отдавал и отдаёт себе отчёт в том, зачем пришёл в этот мир, и в чём смысл жизни в нём.

На страницах книги в свободной описательной форме излагается философия жизни в условиях иногда с нею, с жизнью, почти несовместимых. Один из примеров: «Надежда – не дорога, она никогда не заканчивается. Дорога закончилась необжитой тайгой; впереди оставалась только надежда, ею и жили» (243). Сколько их в этой книге, подобных примеров житейской мудрости, приводится в описаниях трагических судеб отдельных людей и целых родов с горькой констатацией: «Это была история, не лучшая часть истории государства, в котором они жили. Но она была» (162).

Очень впечатляет и трогает до глубины души то, что в воспоминаниях самых разных людей, их бесхитростных жизнеописаниях часто приводятся примеры благородства, чуткости, понимания и помощи обездоленным людям со стороны местного населения самых разных национальностей. В одном из рассказов, приводя примеры подобного отношения, автор пишет: «Вот эти вещи стёрли у меня желание подходить к человеку по национальному принципу. Бывают очень благородные люди любой нации, как бывают и скверные, даже кабардинцы» (200).

Чуть ранее я оговорился, что формат моего «отклика» предполагает сдержанность в цитировании многих и многих образов, эпизодов, афористичных по глубине и форме размышлений и выводов. Попытаюсь сдержаться, но всё же не могу не привести здесь один из эпизодов, который особенно растрогал меня. Он содержится в замечательном эссе «Земля предков», где автор рассказывает о своих предках, но больше всего о своём дедушке Хапаче, о беседах с ним. Жизнь деда вместила ко времени молодости (17 лет) автора практически всю историю после-

революционной России, охватив и время репрессий. В одной из бесед с дедом автор с юношеской задиристостью допытывался, почему тот воевал вначале за белых, а в 41-ом пошёл за красных, от которых пострадал весь их род. Состоявшийся диалог стоит изложить подробнее.

– А я, Андрюшенька, не за красных пошёл воевать, а за народ, за Родину, – отвечал дедушка.

– Да за какую Родину? – не унимался я. – Ведь Россия все народы Кавказа угнетала, а Гитлер обещал им полную свободу и независимость.

– Ну, мало ли что он обещал, – усмехался дедушка. – Вот, например, бедняг-евреев гитлеровцы в лагерях смерти выстраивали перед газовыми камерами и обещали, что их только в баньке помоют... А что касается государства Российского, так оно не только народы Кавказа и Сибири в бараний рог так скрутило, что на всю страну стон стоял. Я, Андрюшенька, конечно, кабардинец и за свой народ жизнь отдам, но я и русский народ полюбил. У меня русская жена Таня (ваша бабушка), я живу в Москве, ем русский хлеб, мои дети Марианна и Алик наполовину русские. И, хочешь не хочешь, но мы все: черкесы, буряты, татары, евреи и, бог знает, кто ещё, давно живём и будем жить в России, и беда – она для всех одна, и радость тоже. Вот почему, внучек, я пошёл за Россию воевать. А власть-то она сегодня такая, а завтра другая, послезавтра третья, а Родина – всегда Родина (105).

Простые слова, наполненные основанным на трудном жизненном опыте, взвешенным отношением к прошлому с толикой восточного фатализма, лишённые ожесточения и доводов «от противного». Сколько же в них убеждённости и убедительности! И как это необходимо сейчас, когда сохранение и укрепление единства нашей многонациональной страны остаётся одним из главных смыслов жизни всех и каждого её гражданина!

Замечательной иллюстрацией, в прямом и переносном смысле, силы духа, победительного оптимизма, внутренней и внешней красоты предстаёт перед читателем фотолетопись в третьей части сборника «Фото-материалы». Её не нужно пояснять, её необходимо видеть и считать всей мерой души.

Полагаю, что подлинным кладезем для учёных-историков являются фотокопии подлинных документов, содержащихся в заключительной части «Документы и материалы», относящихся к разным периодам жизни тех, кто без преувеличения стали героями книги памяти, а если быть более точными – в широком смысле – «Книги жизни».

Низкий поклон автору этого уникального труда и всем, кто помог вернуть из небытия и добавить к уже известным обнаруженные в процессе своего неустанного труда имена, события, лики, деяния тех, кому мы обязаны существованием Родины и народа.

Да не иссякнет целебная вода Малки!

ПОЭЗИЯ АДАМА ШОГЕНЦУКОВА В ЗЕРКАЛЕ КНИЖНОЙ ГРАФИКИ

Адам Шогенцуков был и остается одним из самых любимых и читаемых писателей Кабардино-Балкарии. Его произведения привлекают внимание читателей и вызывают неподдельный интерес исследователей кабардинской словесности тем, что в них правдиво запечатлена советская эпоха, ярко отразились специфика, национальный колорит жизни сельских жителей Кабарды, их эстетические и этические представления. Изображая кабардинскую действительность, автор сумел проникнуть в самую ее суть и создать убедительные образы своих современников. И даже идеологические установки, на которые опирался писатель, не сказались сколь-нибудь негативно на художественном уровне его произведений.

Помимо замечательных прозаических произведений Адам Огурлиевич оставил нам в наследство и прекрасные образцы поэзии, дающие книжным графикам отличную возможность продемонстрировать свои способности в умении интерпретировать его творения. В иллюстрировании поэтических творений А. Шогенцукова большую роль сыграли не только местные, но и столичные художники, которые, прикасаясь к духовному миру поэта, создавали визуальные образы, не дублировавшие в точности содержание книг, а существовавшие как бы в параллельном мире.

География сборника стихов «От сердца к сердцу» Адама Шогенцукова, проиллюстрированного художником В. Овчинниковым, достаточно обширна и охватывает несколько зарубежных стран (Польша, Чехословакия, Австрия), ряд регионов Советского Союза, столицу страны и, разумеется, Кабардино-Балкарию. Не случайно суперобложка книги – это квинтэссенция природных ландшафтов советской страны: гор и долин, дикой и облагороженной трудом человека земли. Малая родина поэта запечатлена на служащем лейтмотивом книги разворотном титуле с образом чабана в бурке и папахе на фоне грандиозных кавказских гор. В цикле стихов «Край свежести» вслед за поэтом художник В. Овчинников воспевает природу Карелии, ее еловые леса и голубые озера, умело используя средства и приемы изобразительного искусства. В разделе книги «Песенное утро», посвященном Москве, на разворотной иллюстрации книжным графиком дана широкая панорама центра столицы: Кремль, Москва-река с ее мостами и набережными.

Польша ассоциируется у художника с характерной архитектурой Варшавы и памятником Шопену, о котором не забыл упомянуть и поэт.

Раздел «Добрая страна», как и в оригинале А. Шогенцукова, следующий «по тому же курсу» художник посвятил в основном описанному в радужных красках сельскому хозяйству Чехословакии. Завершает цикл стихотворение «Вечный огонь» – символ победы во Второй мировой войне и памяти о павших на полях сражений. Вторя автору, художник создает визуальный образ негасимого Вечного огня.

Совсем иначе В. Овчинников иллюстрирует раздел, посвященный Австрии, акцентируя внимание на негативных сторонах жизни западно-европейского государства. Подобным настроением он проникся, читая стихи А. Шогенцукова, помещенные в этом наиболее идеологически выдержанном разделе. Уже само название цикла «На чужой земле» демонстрирует отношение поэта к этой стране. Визуализируя состояние души автора стихов, иллюстратор изобразил на шмуцтителе пограничный столб и ощерившуюся птицу-орла – герб Австрии, страны, которую поэт освобождал в годы Второй мировой войны. Вена оказала ему недобрую встречу, которую поэт описал в стихах:

*«Меня толпами людскими
ты теснила,
там, где улицы,
как горные теснины».*

Правда, трудно объяснить, почему Вена вызывает у поэта неприятные ассоциации с горными ландшафтами. В капиталистической стране Австрии автор видит лишь «зловещие тени» погромщиков, убийц. И чем дальше, тем больше портится представление о Западе:

*«И в диком, слепом рок-н-ролле
Предсмертно хрипел капитал».*

Позже стало ясно, что это лжепророчество Адама Огурлиевича, принимавшего желаемое за действительность, не сбылось. Художник не пошел так далеко в оценке Запада, но и он в какой-то мере поддался настроению А. Шогенцукова и изобразил Вену погруженной в сумрак и как бы отгороженной от советского человека аркадой, сродни тюремной решетке. В рисунке, разделенном на враждебные полюса, отразились непримиримые противоречия между разными политическими системами. В иллюстративной серии В. Овчинникова нашлось место и для образов нищенки с ребенком, которые должны были подчеркнуть бесчеловечность, безжалостность буржуазного мира, социальные контрасты «империализма». Наиболее оптимистичным и патриотичным и поэтом и художником воспринимается раздел «Постоянство». В советское время синонимом этого качества служили верность партии и любовь к социалистическому отечеству.

Неожиданными для читателя становятся строки из стихотворения «Радость», написанного в 1962 году и посвященного Кайсыну Кулиеву, в котором упоминается запретная в советские годы тема депортации и репатриации балкарского народа:

*«Но тысячи сверкающих огней
Зажгли балкарцы в молодом ауле,
Работой вдохновенною своей
Они земле любимой свет вернули».*

Рисунки В. Овчинникова исполнены метафорической образности и построены на противопоставлении темного и светлого. В шмуцтитулы, очерченные прямоугольной рамкой, и в оригинальные буквицы очень бережно привносится цвет: розовый, желтый, зеленый и их оттенки, в зависимости от основного настроения, присущего циклу. В концовке книги распутившийся цветок послужил завершающим, оптимистическим аккордом сборника.

Заказ издательства «Советский писатель» на художественное оформление сборника стихов А. Шогенцукова «След в сердце» исполнил художник Сергей Голощачов, создав стройную композицию книги. В его рисунках не стоит искать сюжетной определенности, которая бы помогла зрителю понять смысл изображенных сцен. Его образы носят ассоциативный характер и не связаны жестко с литературным текстом. Тем не менее, в художественно-декоративном облике книги отразился идейный замысел автора, ощутимы подтекст произведения, его скрытые внутренние мотивы. С. Голощачову удалось глубоко прочувствовать особенности стиля поэта и передать их в рисунках и элементах декора сборника. В иллюстрациях появляются мотивы, которые, может быть, буквально не содержатся в литературном тексте, однако они не противоречат содержанию книги.

Иллюстрирование сборника «Свежесть гор» потребовало от художника Ю. В. Петрова переосмысления текста и осторожного вмешательства в его образную ткань. Отсутствие сюжетно-тематических рисунков не сделало его оформление менее интересным. Художник «упростил» работу над оформлением книги, исполнив лишь изысканные орнаментально-декоративные и символические заставки и концовки. Предварительно тщательно изучив кабардинские орнаменты, проникнувшись их эстетикой, Ю. Петров дополнил убранство сборника виньетками, выполненными в национальном духе. Все элементы орнаментального декора, составленного из флористических и иных мотивов, кабардинских национальных орнаментов, выполнены в одной стилистике. Ограничив декорирование книги в основном оформительскими элементами, он нисколько не обеднил художественное убранство издания. Заметно, что книжный график тонко прочувствовал особенности стиля книги,

его идейно-тематическую наполненность, национальное своеобразие поэзии Адама Шогенцукова.

Каждый раздел сборника открывается шмуцтитлом округлой формы. В одни из них вписаны узоры, представляющие собой стилизованное изображение цветов либо животных и дополненные оригинально начертанными названиями разделов. В других разделах мы видим композиции с солярными знаками. Порой перед читателем-зрителем предстают зримые приметы времени – линии высоковольтных передач, современные архитектурные пейзажи. Цельность книге придают точно найденные размеры и контуры шрифтов, общая, хорошо продуманная конструкция издания.

Иллюстрируя сборник «Солнечный разлив» художник В. И. Бекетов стремится воплотить идейно-художественный замысел Адама Шогенцукова, опираясь на неповторимость его поэтического слова. Безупречный в своем мастерстве книжный график нашел собственный способ перевода литературного текста в визуальный. Помимо небольших виньеток, дополняющих декоративное убранство книги, в сборнике всего два рисунка – шмуцтитла, один из которых открывает цикл стихотворений, а второй предваряет поэмы. На первом изображен горец в бурке, а на другом – всадник на вздыбившемся коне, которые выполнены с большой пластической свободой, выразительны и точны в передаче авторской мысли. Труд художника, преумноженный усилиями издательских работников и полиграфистов, дал хороший результат.

Достаточно скупо проиллюстрирован графиком Е. Дробязиным сборник стихов А. Шогенцукова «Поющее зерно», в котором литературный текст дополнен красочной суперобложкой с изображением нартской героини Ахмиды, символизирующей у кабардинцев весну, двумя шмуцтитлами и рядом мелких концовок, которые оказались не совсем в тему, но органично вошли в книгу. Обладая своеобразным стилем, поэт сумел органично включить в свои стихи сюжеты из нартского эпоса и фольклора кабардинцев, что дало ему возможность в иносказательной, притчевой форме рассказать о своем времени, выразить свои надежды и чаяния, попытаться найти ответы на вызовы времени. В сборнике «Поющее зерно» поэт не только поделился с читателем своими воспоминаниями о пережитом, об увиденном, ему удалось поднять множество весьма острых проблем, которые, к сожалению, не нашли адекватного отражения в иллюстрациях.

Цикл «Лунный камень» Адам Шогенцуков посвятил нартской героине Ахмиде. Раздел «Верные слова» сконцентрировал в себе народную мудрость, изложенную языком современного поэта, который признает ее актуальность и сегодня:

*«Пусть будет так из года в год,
Не нам это ломать.
Мужчина – защищает род,
Детей рождает мать».*

Поэтический цикл «Из старой тетради» включает в себя, в частности, стихотворение о выселении балкарцев, на тему, которая в 1986 году после снятия на нее запрета стала в Кабардино-Балкарии очень популярной.

*«Бедная Балкария, ты мне
Кладбищем заброшенным предстала».*

Адам Шогенцуков стремился запечатлеть жизнь родного края, сохранить в памяти современников ее сегодняшние черты, прекрасно понимая, что перед будущими поколениями предстанет уже другая действительность. Несомненно, он предполагал, что, читая его творения, старшее поколение будет ностальгировать по канувшей в веках жизни, которая дорога и ему самому, а молодежь будет не только познавать прошлое, но и будет стремиться вчувствоваться в жизнь тех, кто жил до них.

Манера исполнения рисунков у художника Е. Дробязина в разных частях книги неоднородна и дифференцируется в соответствии с характером прочтения поэтического текста и теми задачами, которые он ставил перед собой при работе над сборником. Порой он и вовсе переиначивает образы, так сказать, на свое усмотрение. Так, простые сюжеты обретают у него фантазмагорические формы, а обычные вещи наполняются важными смыслами и обретают метафизическое звучание.

Выполняя художественное оформление поэтического сборника «Дороги дружбы» на кабардинском языке график А. А. Стефановский заполняет книгу архитектурными пейзажами, производящими конкретное географическое ощущение. Они характерны для тех стран, о которых пишет Адам Шогенцуков. В постраничных иллюстрациях художник запечатлел увиденные поэтом во время путешествий воспаряющие в небо готические храмы, пышные барочные дворцы или строгие классицистические общественные сооружения, которые украшают города Польши, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Молдавии, России. В основе пластической системы художника лежит рисунок, дающий силуэтную характеристику изображаемых видов.

Сборник стихотворений Адама Шогенцукова «Дороги», проиллюстрирован столичным графиком Н. Абакумовым. Стилистика его рисунков удивительно созвучна стилю поэта и свидетельствует об органическом слиянии творческих усилий поэта и художника. Тщательно отбирая сюжетные мотивы и обогащая их собственными фантазиями, книжный

график создает иллюстрации, которые не являются точным эквивалентом смыслов, скрытых в подтексте стихов поэта. Рисунки, несомненно, дают читателю соответствующий настрой, позволяя глубже вникнуть в суть стихов поэта и проверить воздействие на свои чувства и мысли не только литературного текста, но и иллюстраций художника. Много внимания художник уделяет ритмике, линейной структуре композиции, переводу словесной реальности в изобразительную.

Оформляя сборник стихов «Шцыльэ, гуапэ», талантливый книжный график Заурбек Бгажноков пытался создать образы собственного видения кабардинского мира. Он стремился не просто декоративно оформить книгу, но создать целостный художественный организм, умело соотнося иллюстративный материал с форматом книги, с разнообразными шрифтами, используемыми в разных контекстах. Искусно сочетая такие простые графические единицы, как пятно и штрих, он превращает их в сложный живописный тон.

Бережно вмешиваясь в поэтический текст и философски переосмысляя его, книжный график создает параллельный мир, духовно близкий шогенцуковскому. Разрабатывая структуру пластической формы, З. Бгажноков уделяет большое внимание образной символике рисунков, поэтическим мотивам и ритмам, не только обогащая декоративный строй книги, но и помогающим выявить суть произведений Адама Шогенцукова.

Весьма оригинально прочтение сборника «Огонь негасимый» графиком Ю. К. Бажановым. Контраст черного и белого, удачно используемый в рисунке на суперобложке, гармонирует с легким, полупрозрачным штрихом, который применен в стилизованных овальных шмуцтитулах. Декоративные элементы книги искусно рифмуются с шрифтами красивого рисунка и вкуче с изобразительными мотивами помогают читателю вникнуть в суть произведений А. Шогенцукова, выявить их глубинный смысл. В каждом шмуцтитуле точно и выразительно передано внутреннее состояние изображенных персонажей. В одном из них мы видим юную девушку, полную надежд и радости (шмуцтитул к разделу «Когда лучится надежда»). В рисунке к разделу «Огонь негасимый» изображены все атрибуты Вечного огня: воинский памятник-obelisk, чаша Вечного огня и скорбящая мать. В шмуцтитуле к циклу стихов «Дружбы озаренье» строители новой жизни с большим энтузиазмом шагают в едином строю. Раздел «Пора первого цветенья» украсил образ мечтательной девушки в ожидании счастья. Порой изображение становится абстрактным, как в шмуцтитуле к циклу стихов «Дороги».

Для достижения выразительности и многозначности художественного оформления сборника «ГурыфЫгыу» художник З. Бгажноков использует пластически гибкие приемы и средства построения про-

странства и форм, такие, как деформация, сдвиги, монтаж. Талант, мастерство, тонкий эстетический вкус, высокая культура рисунка и шрифта, активная формообразующая воля помогают графику создать иллюстрации, выражающие мысли и чувства не только поэта, но и свои собственные.

В 1991 году в Москве в издательстве «Советский писатель» увидела свет книга «Всю ночь шел дождь» с иллюстрациями, выполненными московским графиком Юрием Багдасаровым. Шмуцтитулы, открывающие циклы стихов и поэм, представляют собой небольшие композиции орнаментального характера, выполненные с большой пластической свободой. Сюжеты сильно стилизованных «под Кавказ» рисунков связаны с тематикой произведений Адама Шогенцукова лишь по касательной.

Художественный эффект рисунков к сборнику стихов и поэм «Предгрозье», выполненных столичным художником Э. Б. Ароновым, основан на резком контрасте глубокого черного и белого цветов и четко очерченных экспрессивных силуэтов. Выбранный способ иллюстрирования позволил книжному графику отразить в черно-белых рисунках собственное понимание произведений Адама Шогенцукова.

Иллюстративные циклы к поэтическим произведениям Адама Шогенцукова, созданные кабардино-балкарскими и московскими книжными графиками, представляют, несомненно, большой интерес. Каждый из иллюстраторов пытался по-своему интерпретировать творения классика кабардинской литературы, а это значит, что оформленные ими книги отличаются разнообразием творческих подходов к иллюстрированию, богатством пластических приемов и средств выразительности. Надо думать, что книги Адама Шогенцукова будут еще не раз переиздаваться, появятся новые циклы иллюстраций, актуальные для своего времени, которые донесут до будущих поколений своеобразие, аромат жизни кабардинцев 50-90-х годов прошлого столетия.

СО СПОРТОМ ПО ЖИЗНИ!

Нальбий Ерестемович Халиль

Нальбий Ерестемович Халиль обладает богатой трудовой биографией, он – истинный патриот своей родины, мастер своего дела. Главная черта его характера – активность, которая предполагает постоянство усилий, направленных к цели, настойчивость и упорство в работе, обязательное достижение результата. Таким людям необходимо всегда быть в деле и непосредственно влиять на происходящие события.

В первый день наступившего года Нальбий Ерестемович отметил свой 80-летний юбилей. И сегодня его способность поддерживать деятельное состояние тела, ума и души, готовность к переменам, желание максимально эффективно использо-

вать своё время, быть лёгким на подъём, влиять на обстоятельства, а не идти у них на поводу, вызывают уважение окружающих. В неустанном труде, постоянной учебе и активной общественной жизни формировался стойкий боец, спортсмен не только по роду деятельности, но и по жизни.

Начав свою трудовую деятельность учителем начальных классов в конце 50-х, он непременно отличался везде, являлся примером для подражания у многих поколений людей, особенно спортсменов, был настоящим вожаком молодёжи, образцово выполнял свой гражданский и общественный долг. Каждый его день – новая ступенька роста политического и общеобразовательного уровня, спортивного и профессионального мастерства, новый шаг на пути к совершенству. И сегодня он полон энергии, уважаемый в педагогическом и студенческом сообществе мастер своего дела, наставник и преподаватель, с большим энтузиазмом продолжает работать и воспитывать подрастающее поколение в духе патриотизма и здорового образа жизни.

Родился Нальбий Ерестемович Халиль 1 января 1939 года в ауле Старый Казанукай Теучежского района Краснодарского края. Вот основные вехи его трудовой и общественной активности:

В 1958 году окончил Майкопское педагогическое училище. Работал по направлению учителем начальных классов в ЧИАССР.

1958–1961 гг. – служба в Советской Армии (г. Харьков). Отличник боевой и политической подготовки, награждён нагрудным знаком «Отличник Советской Армии», назначен заместителем командира взвода.

1961–1966 гг. – учёба в КБГУ на историко-филологическом факультете.

1966–1967 гг. – секретарь комитета ВЛКСМ (на правах райкома) трикотажного комбината «Дружба».

1967–1976 гг. – председатель Комитета по физической культуре и спорту при Нальчикском горисполкоме.

1976–1980 гг. – по конкурсу избран на должность ассистента кафедры истории КПСС в КБГУ (сроком на пять лет) после защиты кандидатской диссертации в МГУ (ОЗО), – кандидат наук.

1980–1984 гг. – председатель Нальчикского горсовета ДСО «Спартак».

1984–1986 гг. – директор Республиканской конноспортивной школы Спорткомитета КБАССР.

1987–1995 гг. – ответсекретарь правления Ленинской партийной организации общества «Знание».

В 1994 году назначен управляющим делами Адыгской (Черкесской) Международной академии наук (АМАН).

В 1995 году принят на должность зам. директора по общим вопросам в НИИ прикладной математики и автоматизации, через полгода принят ответсекретарём Нальчикской городской организации «Общество «Знание».

С 2003 года по настоящее время работает преподавателем истории в Кабардино-Балкарском колледже «Строитель», заведует стадионом.

В 2017 году избран действительным членом (академиком) АМАН.

Его трудовые заслуги не остались незамеченными, среди многочисленных наград – Почётные грамоты ЦК ВЛКСМ, ГКПСС, ЦК ДОСААФ СССР, горисполкома г. Нальчик, Спорткомитета РСФСР, профсоюзов РСФСР, Центрального Совета ДСО «Спартак» и другие.

У Нальбия Ерестемовича множество верных друзей и соратников, среди которых были и есть люди, добившиеся высокого общественного положения: Г. К. Тлостанов (председатель горисполкома г. Нальчика), М. Ч. Залиханов (учёный, известный

общественный деятель, Герой Социалистического Труда, академик РАН), Х. Боготов (зав. кафедрой КБГСХА им. В. М. Кокова), Кашиф Мамишев (заслуженный работник культуры КБР, мастер спорта СССР), Х. Белгороков (председатель Госкомспорта КБАССР в 1974-1981 гг.) и другие. Каждый из его друзей и коллег тепло отзывается о нём, о его заслугах перед республикой, о таких замечательных его человеческих качествах, как интернационализм, целеустремленность, скромность, ум, энергичность, активность, простота, последовательность, настойчивость, надёжность и порядочность.

Отдельного разговора заслуживает вклад Нальбия Ерестемовича в развитие туризма и альпинизма республики. По его инициативе проводились альпиниады, посвященные юбилейным датам Советского государства, и массовые восхождения на горные вершины с участием 500-600 физкультурников трудовых коллективов и учащейся молодёжи. Это была огромная кропотливая работа, где требовались незаурядные организаторские способности, за что он многократно и поощрялся почётными грамотами.

Из юбилейных речей и воспоминаний друзей:

З. К. Ханов (бывший председатель Комитета по физкультуре и спорту при Совете министров КБАССР): «Трудовая жизнь Нальбия Ерестемовича тесно связана со спортом и физкультурным движением г. Нальчика. Он работал на руководящих выборных должностях в системе физической культуры и спорта, принося немало пользы обществу. По итогам соцсоревнований неоднократно сам становился победителем и призёром России. В годы его председательства в Комитете по физической культуре и спорту при Нальчикском горисполкоме, в течение десяти лет, спортивная жизнь столицы оживилась, спортсмены Нальчика добивались

значительных результатов: впервые футбольная команда «Спартак-Нальчик» стала чемпионом России и вышла в первую лигу; альпинисты становились призерами и чемпионами СССР; борцы, штангисты, конники и боксеры были известны за пределами Кабардино-Балкарии. Являясь разносторонним человеком и относясь добросовестно, с чувством высокой ответственности к порученному делу, Нальбий снискал высокий авторитет и уважение не только у спортивной общественности республики, но и во всей республике».

Х. Боготов (зав. кафедрой КБГСХА им. В. М. Кокова): «Славен человек, достигший вершин мастерства, но трижды славен тот, кто помог взойти на эту вершину своим ученикам» – эту народную мудрость с полной ответственностью можно адресовать Нальбию Ерестемовичу Халилю – человеку, поднявшему на высший пьедестал почёта (уровень мировых стандартов) тысячи молодых людей. Вряд ли кто из нас, сегодняшних и вчерашних спортсменов – его учеников, откажется от его уроков, мыслей и добрых дел, которые он вершил, и будет ещё вершить долгие годы. Нальбий всегда в расцвете сил, красив, молод и умён, как и в 70-е годы мы – его ученики».

Кашиф Мамишев (заслуженный работник культуры КБР, мастер спорта СССР): «Знаю и уважаю Нальбия уже много лет – с 60-х годов. Знаю как отличного спортсмена и талантливого организатора физкультурно-спортивной работы на нальчикском трикотажном комбинате «Дружба», хотя его должность называлась «Инструктор-методист производственной гимнастики» (так профсоюзы величали свои единицы на крупных предприятиях в то время). В числе 29 наиболее крупных предприятий города Нальчика первичный коллектив физкультуры на комбинате «Дружба»,

который он возглавлял несколько лет, был самым популярным, массовым, показательным и передовым не только в городе, но и в республике. Кроме хорошо налаженной, методически высоко организованной производственной гимнастики, здесь особо важной, в специфическом производственном процессе (монотонность работы, процессов) Нальбию удавалось организовывать более десяти спортивных секций и кружков, проводить много внутриколлективных турниров, конкурсов, соревнований, слётов, туристических походов и экскурсий по родному краю, по достопримечательным местам Кабардино-

Балкарии. Воспитанники Нальбия поощрялись грамотами, призами, значками ГТО, «Турист СССР», разрядными наградами чаще других. Целыми командами, группами участвовали они в спортивных форумах и всегда демонстрировали высокую организованность, коллективизм, образцы культуры, этикета и патриотизма в поведении, в своих действиях. До сих пор я помню, как на пленумах, конференциях спортивных, комсомольских, профсоюзных и партийных организаций города Нальчика и КБАССР докладчики и компетентные личности обращали внимание, ставили в пример деятельность Нальбия. В общественных помещениях комбината «Дружба» им были оформлены всевозможные стенгазеты, фотовитрины, пропагандирующие активный отдых, туризм, физкультуру, спорт и т.д. И поэтому, когда в 1967 году стал вопрос о выборе руководителя Комитета физкультуры и спорта, кандидатура Нальбия была первой. В течение 10 лет он весьма успешно возглавлял самый значительный спортивно-физкультурный орган столицы нашей республики. Высокие достижения и успехи Спорткомитета в развитии массовых видов спорта, в воспитании квалифицированных спортсменов, мастеров, чемпионов отражены яркими страницами в славной летописи Кабардино-Балкарского физкультурного движения, и во всём этом

большая заслуга Нальбия Халиль. Приятно отметить, что медицинское обслуживание на подобных массовых спортивных мероприятиях обеспечивала Ирина Керменовна, тогда красивая фельдшерица, а теперь обаятельная супруга уважаемого Нальбия Халиль».

Хажсет Белгороков (*председатель Госкомспорта КБАССР 1974–1981 гг.*): «Период заметного массового подъёма в физкультурно-спортивном движении Кабардино-Балкарии приходится на 60–70–80-е годы. Специалисты и профессионалы, которые были причастны в те времена к благородному делу воспитания детей и молодёжи, оздоровления населения через физкультуру, глубоко осознавали, что заложенные природой в детях физические способности необходимо развивать. Одним из организаторов массовой физкультуры и спорта в эти годы был Нальбий Ерестемович. Основной движитель массовости физкультуры среди детей – это спортивные соревнования. Есть соревнования, где можно себя показать, – есть и стимул для тренировок. Как человек активного действия, который находится в постоянном поиске, что-то изобретает, он зажигал своим энтузиазмом окружающих. Свои инициативы он воплощал с большим старанием. Наряду с проведением массовых соревнований среди производственных коллективов, школ города, он решил качественно лучше выстроить систему проведения комплексных спортмероприятий по месту жительства. Ему удалось добиться введения в штаты ЖЭКов города единицы методистов-организаторов по физкультуре. Параллельно с этим построено много

плоскостных спортплощадок, которые эффективно использовались. Волейбол, баскетбол, футбол, настольный теннис, подтягивание на перекладине, шахматы, шашки... Проводились даже хоккейные матчи и зимние чемпионаты Нальчика по футболу. Довольно быстро соревнования стали популярными, затем открытыми и традиционными. Даже Управление футбола СССР отметило этот опыт как положительный, способствующий развитию футбола. Наряду с ректоратом КБГУ, Госкомспортом КБАССР, Рессоветом ДСО «Спартак» в выходе в высшую лигу СССР регбийной команды в те годы большую роль сыграл и Горспорткомитет в лице его председателя. Нальбия и меня как бы в шутку называли внештатными начальниками команды регбистов – в зависимости от того, кто из нас двоих ездил с ней на ответственные матчи. Массовое развитие физкультуры и спорта, безусловно, способствовало появлению и спортсменов высокого класса. Целая плеяда альпинистов, конников, современных пятиборцев, теннисистов, велосипедистов, волейболисток (высшая лига), борцов, легкоатлетов, тяжелоатлетов, футболистов добивалась побед на всероссийских и международных соревнованиях, чемпионатах и олимпийских играх. К сожалению, сегодня диапазон видов спорта, где мы всегда были сильны, заметно сузился. Уже нет ярких побед в конном спорте, велоспорте, современном пятиборье, настольном теннисе, стало меньше мастеров-альпинистов. Если Нальбий ставил перед собой какую-то цель, удержать его было невозможно. Его стиль и принципы работы похвальны. Из Спорткомитета ушёл добровольно и осознанно – предпочёл научно-педагогическую деятельность, и в этой новой для него «роли» также ярко раскрылся его талант. Окончив МГУ, защитил кандидатскую диссертацию по КПСС на материале КБР.

От имени коллектива Кабардино-Балкарского колледжа «Строитель» поздравляем Нальбия Ерестемовича с юбилеем! Желаем радостей на всех фронтах – трудовом, семейном, жизненном!

Воспоминания друзей и фотоматериалы – из архива Н. Е. Халиль

В номере:

Памятные даты. К 80-летию М. Эльберда. «Линия сердца и линия Родины...» <i>Очерки</i>	2
М. Эльберд. Воспоминания охотничьей собаки. <i>Гл. из повести</i>	8
Лариса Маремкулова. О почтовых лошадях... <i>Статья</i>	43
Аскерби Шортанов. Горцы. <i>Гл. из романа</i>	46
Наши юбиляры. «И стала жизнь треугольной...» <i>Очерки</i>	70
Тахир Толгуров. Эмоциональная матрица Мурадина Ольмезова. <i>Статья</i> .	73
Мурадин Ольмезов. Эльбрусские верлибры. <i>Стихи</i>	82
Очерки истории литератур народов Северного Кавказа: современный взгляд. Нина Надъярных. «История литературы как наука»: аксиология целостного смысла. Казбек Султанов. Поэзия северокавказской эмиграции: мотив «исторической родины». Юрий Барабаш. Историко-литературный дискурс: вызовы и апории. Вячеслав Бигуаа. Периодизация – главная проблема истории национальной литературы. <i>Статьи</i>	93
Анатолий Лагулаа. Шазина. <i>Рассказ</i>	131
Владимир Зарубин. <i>Стихи</i>	144
Амир Макоев. Бог на моих ладонях. Два ангела. <i>Рассказы</i>	149
Амина Ворокова. Хасану Тхазеплову. <i>Стихи</i>	162
Николай Морозов. <i>Стихи</i>	163
Светлана Моттаева. Счастливый день обретения государственности. <i>Статья</i>	166
Нургали Тлупов. Отважный танкист из Герменчика. <i>Очерк</i>	169
Валерий Егоров. Вода из Малки. <i>Рецензия на книгу</i>	173
Жаухар Аннаева. Поэзия Адама Шогенцукова в зеркале книжной графики. <i>Статья</i>	177
Фатима Тазова. Со спортом по жизни! <i>Очерк</i>	184

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии Э. Караевой, К. Толгурова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 04.03.19. Подписано к печати 02.04.19.

Выход в свет 17.07.19. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 978 экз. Заказ № 72. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.,
за год – 192,24 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 40-03-24,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).